

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

На правах рукописи

Епихина Елизавета Михайловна

Эмблематические коммуникативные ошибки

10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор В.И. Карасик

Волгоград - 2014

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Эмблематические коммуникативные ошибки как объект лингвистического изучения	7
1.1. К определению коммуникативной ошибки	7
1.1.1. Коммуникативная ошибка: опыт мировой лингвистики	7
1.1.2. Коммуникативная ошибка с позиций семасиологического и ономасиологического подходов	24
1.1.3. Типы коммуникативных ошибок	27
1.2. Эмблематическая интерпретация	40
1.3. Эмблематическая коммуникативная ошибка	47
Выводы	56
Глава 2. Интерпретация эмблематических коммуникативных ошибок	60
2.1. Типология эмблематических коммуникативных ошибок	60
2.2. Интерпретация системных и нормативных коммуникативных ошибок	61
2.3. Интерпретация релевантных и нерелевантных коммуникативных ошибок	75
2.4. Интерпретация адресатных и адресантных коммуникативных ошибок	88
2.5. Интерпретация поведенческих и структурно-языковых коммуникативных ошибок	102
2.6. Диагностика эмблематических коммуникативных ошибок	117
Выводы	118
Заключение	123
Библиография	126

Введение

Данная работа выполнена в русле лингвосемиотики и теории дискурса.

Объектом исследования выступают коммуникативные ошибки, в качестве **предмета** изучения рассматривается их эмблематика.

Актуальность работы обусловлена следующими моментами: 1) коммуникативные ошибки встречаются во всех ситуациях общения, однако проблема интерпретации подобных нарушений на данный момент не нашла достаточного отражения в лингвистике; 2) эмблематический потенциал коммуникативной ошибки еще не был предметом лингвистического исследования; 3) способность интерпретировать эмблематические коммуникативные ошибки позволяет идентифицировать личность собеседника и оптимизировать коммуникативное поведение.

В основу выполненной работы положена следующая **гипотеза**: коммуникативная ошибка обладает определенным эмблематическим потенциалом.

Цель исследования – охарактеризовать эмблематику коммуникативных ошибок. Данная цель конкретизируется в следующих **задачах**:

- определить феномен эмблематических коммуникативных ошибок,
- построить классификацию эмблематических коммуникативных ошибок,
- установить типы эмблематичности, характеризующие говорящего и слушающего в плане языковых и речевых ошибок русского и английского коммуникативного поведения.

В качестве **материала** исследования рассматриваются коммуникативные ошибки в русском и английском языках. Единицей исследования является текстовый фрагмент, содержащий коммуникативное нарушение. Всего проанализировано 2000 соответствующих текстовых фрагментов.

В работе использовались следующие **методы**: понятийное моделирование, интерпретативный анализ, интроспекция.

Степень разработанности проблемы. В научной литературе коммуникативные ошибки неоднократно рассматривались в различных направлениях лингвистики. Методологической базой работы являются исследования в области семиотики (С.С. Аверинцев, А.Ф. Лосев, А.В. Олянич, Ф. Растье, Ю.С. Степанов), теории коммуникации (Д.Б. Гудков, В.В. Красных, Т.В. Ларина, О.А. Леонтович, Ю.Е. Прохоров, В.М. Савицкий, И.А. Стернин, С.Г. Тер-Минасова), теории дискурса (Н.Д. Арутюнова, Т.А. ван Дейк, В.В. Дементьев, В.З. Демьянков, Р.С. Аликаев, Л.С. Бейлинсон, Е.В. Бобырева, Е.Н. Галичкина, Е.Ю. Ильинова, М.Р. Желтухина, В.В. Жура, В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, Л.А. Кочетова, О.А. Леонтович, О.В. Лутовинова, М.Л. Макаров, Г.Н. Манаенко, В.А. Митягина, И.В. Палашевская, С.Н. Плотникова, К.Ф. Седов, Г.Г. Слышкин, И.И. Чесноков, И.С. Шевченко, Е.И. Шейгал). Тем не менее, лингвосемиотические и интерпретативные особенности коммуникативной ошибки остаются недостаточно освещенными.

Научная новизна работы заключается в раскрытии лингвосемиотической природы коммуникативных ошибок, в определении их эмблематической специфики применительно к различным типам языковых личностей и разным типам дискурса, в построении типологии эмблематических коммуникативных ошибок.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что данная работа вносит вклад в теорию коммуникации, уточняя разновидности коммуникативных ошибок и способы их интерпретации.

Практическая ценность работы заключается в том, что ее результаты могут найти применение в курсах языкознания, стилистики и интерпретации текста, межкультурной коммуникации, в спецкурсах по лингвосемиотике, теории дискурса, лингвокультурологии, социо- и психолингвистике.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Эмблематической коммуникативной ошибкой является произвольное коммуникативно-значимое нарушение общения, ухудшающее восприятие и понимание речи или отдельного высказывания и позволяющее адресату либо наблюдателю сделать выводы о говорящем.

2. Классификация таких ошибок строится на основании следующих критериев: а) системные / стилевые нарушения языковых норм (акцентологические, грамматические, орфографические, лексические, орфоэпические и паравербальные ошибки); б) адресантные и адресатные нарушения общения (ошибки при речевом оформлении мысли либо при ее интерпретации); в) релевантные и нерелевантные ошибки (вызывающие либо не вызывающие коммуникативный сбой); г) культурно-обусловленные / ситуативные нарушения коммуникативных норм (ошибки иностранцев и носителей родного языка, недостаточно внимательных к собеседникам); д) жанрово-дискурсивные / логические ошибки (недостаточное владение жанровой компетенцией и неумение логически выстроить речь); е) ошибки, обусловленные либо не обусловленные патологией речемыслительных процессов; ж) реальные и фиктивные эмблематические ошибки (соответствующие коллективно разделяемым стереотипам общения либо произвольно устанавливаемым интерпретативным ходам).

3. Выделяются следующие типы эмблематичности, характеризующей говорящего и слушающего в плане языковых и речевых ошибок: ориентационные, статусные и парольные несоответствия нормам коммуникации в определенной лингвокультуре (отклонения от стереотипных установок и реакций, непонимание статусной принадлежности партнера по общению, незнание парольных смыслов коммуникативных знаков, используемых носителями определенных социолектов).

Апробация. По теме исследования опубликовано 7 работ объемом 2,5 п.л., в том числе 3 статьи в журналах, рекомендованных ВАК. Основное содержание исследования докладывалось на научных конференциях «Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики»

(Волгоград, 2011), «Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики» (Волгоград, 2012) и на заседаниях научно-исследовательской лаборатории «Аксиологическая лингвистика» в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете (2010 - 2013).

Структура. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

Глава 1. Эмблематические коммуникативные ошибки как объект лингвистического изучения

1.1. К определению коммуникативной ошибки

1.1.1. Коммуникативная ошибка: опыт мировой лингвистики

Рассматривая такое явление, как коммуникативная ошибка, целесообразно начать изучение сути данного феномена через анализ его составляющих – понятия ошибки и коммуникации. Вопрос ошибочности вследствие высокой частоты своего возникновения в условиях объективной реальности достаточно часто вызывает интерес исследователей в области лингвистики. В пространстве филологического знания ошибка нередко выступает как отклонение от правильного употребления языковых единиц и форм. В более широком смысле лингвисты рассматривают ошибку в качестве отхода от принятой нормы, несоответствие определенному стандарту. Норма понимается филологами как принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламентаций), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида [Ахманова, 2004]. Проанализировав ряд трудов, посвященных данной тематике, можно сделать вывод, что норма подразделяется на ряд категорий: норма орфоэпическая (произносительная), речевая, стилистическая, грамматическая (регулирующая речь говорящих на определенном языке), лексическая (определяющая стандарты словоупотребления), литературная (указание на образцовое использование языковых средств).

Тем не менее, несмотря на систематизированность и упорядоченность различных правил и нормативных предписаний, согласно которым в идеале должен функционировать язык, существует аспект, затрудняющий отнесение того или иного явления к норме либо отклонению или ошибке. В новом словаре методических терминов и понятий [Азимов, 2009] находим: «... норма – категория историческая; будучи в известной мере устойчивой, стабильной, что является основой ее функционирования, норма вместе с тем

подвержена изменениям, это вытекает из природы языка как явления социального, находящегося в постоянном развитии вместе с творцом и носителем языка – обществом. Известная подвижность языковой нормы иногда приводит к тому, что для одного и того же языкового явления имеется в определенные временные отрезки не один регламентированный способ выражения, а больше: прежняя норма еще не утрачена, а наряду с ней возникает уже новая». Однако данный аспект отнюдь не возводит диагностируемость ошибки в разряд невыполнимой задачи, он лишь указывает на необходимость рассмотрения каждого случая в отдельности. Таким образом, можно сказать, что ошибку целесообразно рассматривать как явление ситуативное, контекстуальное и темпоральное.

Зачастую, отмечая негативную окраску термина «ошибка», исследователи прибегают к другому, более нейтральному – «девиация». «В западно-европейских и американских лингвистических исследованиях термины *deviant*, *déviation*, *deviance* традиционно применяются для обозначений всех видов языковых и речевых «неправильностей», аномалий, отклонений и т. д.» [Алешина, 2003, С. 50].

Наличие тех или иных девиаций рассматривается учеными и в контексте вопросов билингвизма. Исходя из большинства рассмотренных источников, логично предположить, что уровень владения тем или иным языком проще всего определяется посредством выявления наличия либо отсутствия девиаций. В российской практике разработок методики преподавания иностранных языков широко используется термин «плотность ошибок», обозначающий соотношение количества девиаций с общим объемом высказывания на иностранном языке [Мусницкая, 1996, с. 36].

Однако не каждая девиация может считаться ошибкой. Важнейшим условием отнесения отклонения от нормы непосредственно к ошибке считается непреднамеренность его совершения. При дефинировании данного понятия социологический словарь ставит непреднамеренность на первое место: «... ошибка - непреднамеренное отклонение от истины или правил

(поведения, действия и др.)» [Осипов, 2008]. В русском сознании ошибка также находит отражение как явление случайное, ненамеренное, о чем свидетельствуют следующие поговорки: «ошибка – не обман», «ошибка в фальшь не ставится» [Даль, 2005, с. 326].

Таким образом, нарушение, совершенное по умыслу, произвольно, не является ошибкой. В данном случае мы имеем дело с преднамеренным актом, а не случайным сбоем, в качестве которого мы и рассматриваем ошибку в нашем исследовании. Проводя аналогию с шахматной игрой, можно отметить некое сходство этих явлений с двумя терминами – гамбит и зевок. Гамбитом называется такое начало партии, в которой жертвуют фигуру или пешку ради получения позиционных выгод [Зелепукин, 1982, с. 36]. Другими словами, игрок намеренно лишается фигуры во имя последующего преимущества перед соперником. Зевком же считается грубый просмотр, ведущий к резкому ухудшению позиции, в результате которого, как правило, игрок не замечает угрозу мата или теряет фигуру [Карпов, 1990]. Условно говоря, из этих двух ходов только второй рассматривался бы нами в качестве ошибки, потому как именно ему свойственна произвольность, непреднамеренность.

В связи с тем, что коммуникативная ошибка по своей сути чаще всего воспринимается как нечто негативное, затрудняющее жизнь людей, человек стремится сгладить, нивелировать этот негатив посредством шутки. Вообще связь ошибочного и комического отражена в огромном количестве анекдотов, песен, стихов и прочих произведений. Обычно комизм ситуаций в подобных работах достигается за счет совершения героями одного из трех видов ошибок:

1. ошибка языковая;
2. ошибка поведенческая;
3. ошибка интерпретации (восприятия информации).

Забавным примером языковой ошибки может служить анекдот, в котором главный действующий персонаж допускает лексическую ошибку, что и создает комический эффект:

«Магазин. Мужчина передо мной хочет купить ершик для унитаза, но путает и говорит:

- Дайте, пожалуйста, венчик для унитаза.

Продавищица впадает в ступор на несколько секунд, а потом выдает:

- А что вы там взбивать собираетесь?»

Значимость орфографических ошибок также отражается в анекдотах:

«В одном доме жили два человека с похожими фамилиями, один из которых умер, а другой в это время уехал в Африку и написал жене письмо, но сделал ошибку в фамилии, и почтальон передал письмо вдове. Та прочла его и упала в обморок. Письмо гласило: «Дорогая! Добрался удачно. Пекло ужасное...»

Поведенческие ошибки также находят выражение в анекдотах, шутках и прочих комических произведениях. В следующем анекдоте помимо самой ошибки, допущенной главным героем, также подчеркивается то, какую весомость она может принять в масштабе жизни отдельных людей.

«Один богатый калифорниец отправился утром в субботу играть в гольф. После первой партии друзья говорят: «Надо еще одну». Он соглашается, только надо жене позвонить, предупредить. Мобильник забыл, звонит с автомата. Слышит детский голос:

- Алло?

- Доченька, это папа. Мама рядом?

- Нет, она с дядей Фрэнком в спальне на втором этаже.

- С каким еще дядей Фрэнком? У нас нет никакого дяди Фрэнка!

- Есть, папа, он частенько приходит, когда тебя нет, и сейчас он с мамой в спальне.

Мужчина чуть не лопається от злости, но старается сохранить спокойствие, ребенок же. Говорит:

- Солнышко, сделай для меня одну вещь. Иди, постучись к ним в спальню и скажи, что только что видела, как подъезжает моя машина.

- Хорошо, папа.

Через несколько минут девочка снова подходит к телефону.

- Папа, я сделала, как ты просил.

- И что?

- Мама выскочила из комнаты, хотела побежать вниз, споткнулась, упала с лестницы и теперь лежит вся мертвая!

- О Боже! А дядя Фрэнк?

- Он тоже выскочил из спальни, выбежал на балкон и прыгнул в бассейн. Но он забыл, что у нас там ремонт, и бассейн пустой, и теперь он лежит там весь мертвый!

Долгая пауза.

- Бассейн? Это номер 876-54-32???»

Говоря об ошибках интерпретации, приводим забавный лимерик Надежды Мархасевой:

«Он вышагивал, как на параде,

и улыбку искал в каждом взгляде.

Это было ошибкой,

ведь смотрели с улыбкой

на красавчика, шедшего сзади [URL: <http://www.stihi.ru/2011/04/09/1524>].»

Как мы видим, в данном произведении главный герой неверно считывал сигналы, подаваемые окружающими (их взгляды), то есть ошибочно интерпретировал информацию.

Во всех перечисленных примерах описаны случайные, ненамеренные отклонения от правильности, ведь именно это делает их смешными. Вспоминая старые комедии времен немого кино, в которых актеры постоянно падали, чтобы вызвать смех у зрителя, важно отметить, что

каждое новое падение происходило как бы случайно, незапланированно, в силу каких-то обстоятельств, что и делало этот конфуз комичным.

Возвращаясь непосредственно к языковым явлениям, хочется отметить, что намеренное отклонение от нормы также представляется интересным для лингвистов, поскольку дает возможность изучить не только языковой феномен, но и определенный поступок, жест со всеми его мотивами, способами выражения и последствиями.

Подобные отклонения мы считаем не ошибкой, а тактическим ходом, то есть осознанным поступком, совершаемым индивидом с определенной целью, исходя из условий протекания коммуникативного акта. Причины совершения подобных девиаций могут быть различными: иногда это - создание того же комического эффекта или стремление смягчить напряженное протекание акта коммуникации, самопозиционирование, стремление к сокращению, в некоторых случаях ошибка даже может служить неким паролем.

Говоря о комическом эффекте, мы можем отметить, что человек, намеренно пренебрегающий нормами, чаще всего либо производит определенную деформацию слова или словосочетания (*трехногавый, печенье со свисташками*), либо играет со смыслом выражений.

Осознанно искажая форму или хотя бы правильность написания, индивид может вложить в безобидное на первый взгляд слово сильный эмоциональный подтекст, завуалировать табуированное выражение.

Орфографические ошибки, намеренно используемые автором, владеющим нормами правописания, называются эрративами. На данный момент подобные девиации наиболее распространены в сфере Интернет коммуникации («*аффтар жжот*»), хотя встречаются и в художественных произведениях. Известный рассказ Стивена Кинга «Кладбище домашних животных» в оригинале называется «*Pet Sematary*». Как мы видим, в названии допущены орфографические ошибки – «*sematary*» вместо «*cemetery*». Данный прием используется автором для создания атмосферы

погружения в сюжет произведения: у входа в кладбище, описанное в рассказе, висела дощечка, где детской рукой было написано название с типичной для детей ошибкой. Такое написание отсылает нас к детской наивности, незащищенности, противопоставленной страшной и совсем недетской теме – смерти, особенно смерти домашнего любимца, трепетней всего к которому в любой семье чаще всего относятся именно дети.

Еще одной причиной намеренных отклонений от языковых стандартов может служить экономия времени. Быстрее и проще написать «чо», чем «что», «пжл», чем «пожалуйста» или «сп», чем «спасибо». Хотелось бы отметить интересную тенденцию. Одним из видов коммуникативных ошибок может являться использование излишних, неоправданных заимствований. В последнее время все чаще в сфере дистанционных коммуникаций (Интернет, общение во многочисленных мессенджерах, общение по смс) люди пользуются заимствованным словом «плиз». Не секрет, что мало кому доставляет удовольствие просить кого-либо о чем-либо. Используя заимствованное слово, человек выражает просьбу, однако не прибегает к классической форме, принятой в том обществе, где он вырос, и, соответственно, это вызывает у него меньше сопутствующих негативных ощущений.

Говоря о парольной функции намеренных коммуникативных девиаций, можно отметить, что существует, например, целый ряд ненормативных вошедших в постоянное употребление акцентологических ошибок. Подобный феномен присущ определенным профессиональным кругам – например, работники сферы образования вне зависимости от того, знакомы они или нет с нормативным вариантом, чаще всего говорят «сИроты» и «августОвский», так как именно эти формы вошли в узус. Соответственно, для того, чтобы не выделяться из того или иного круга, индивид осознанно идет на разрушение нормы, «подстраиваясь» под окружающих.

Особый интерес представляют ситуации, в которых человеку предстоит общение с детьми или домашними животными. В большинстве случаев в

обоих условиях он начинает буквально ломать все мыслимые и немыслимые нормы: произносительные, лексические, грамматические. Его речь и сама начинает походить на детскую, временами в разговоре используются нарушения, вовсе не свойственные детям, поскольку они были искусственно «выведены» взрослым. Аналогичная ситуация складывается и с общением с питомцами. Очевидно, домашним любимцам подсознательно приписывается потенциальная безграмотность, так как, стремясь наладить коммуникацию, владелец часто говорит вместо самого животного, используя при этом и диалектизмы и специфические говоры, с которыми он сталкивался в течение своей жизни. Здесь же хотелось бы отметить, что разыгрывание подобных пародий на разговор в большинстве случаев происходит при зрителях, наедине с животным оно встречается крайне редко.

Как известно, в языке находят отражение различные феномены окружающей действительности, и в какой-то мере по тому, насколько детально представлено это отражение, можно судить о значимости того или иного явления для народа, говорящего на данном языке. Например, во вьетнамском можно найти 13 наименований различных видов бамбука, в языке эскимосов – 16 названий для типов снега и т.д. Отталкиваясь от такого видения вопроса, можно с уверенностью сказать, что ошибка применительно к процессу коммуникации представляется важным явлением во многих культурах мира. В русском и английском языках существует множество способов наименования ошибок – в устной коммуникации встречаются оговорка, обмолвка, *slip of the tongue*, *spoonerism*; в письменной – описка, опечатка, *slip of the pen*; в целом для обозначения ошибочности высказывания встречаем: неточность, неправильность, упущение, оплошность, промах, *solecism*, *abuse*, *blunder*, *error*, *casology*, *impropriety*, *misusage* и множество других.

В русской культуре отношение к ошибке как таковой обозначается в широком ряде поговорок и пословиц, что говорит о значимости данного понятия для народа в целом. Проанализировав наиболее часто повторяемые

из них, можно сделать вывод, что в общей своей массе все они сообщают о двух фактах:

1. ошибки неизбежны;
2. простительны лишь те ошибки, после совершения которых сделаны выводы и предприняты меры по исключению их повторения.

К первой группе поговорок и пословиц относятся следующие:

- лишь тот, кто обожжется, знает силу огня.
- Кто не работает, тот не ошибается.
- Ошибся, что ушибся, - вперед наука.
- На ошибках учатся.
- Кто не ходит, тот и не падает.
- Нога споткнется, а голове достается.
- Огня без дыма, а человека без ошибок не бывает.
- Раз ошибся — на всю жизнь памятно.
- Конь о четырех ногах, и то спотыкается.

Вторую же группу составляют менее многочисленные, но также широко упоминаемые высказывания:

- ошибки растут, как грибы после дождя, когда их прощают.
- Своя ошибка – своя забота.
- Тот больше ошибается, кто в своих ошибках не кается.
- Не бойся первой ошибки, избегай второй.
- Умел ошибаться - умей и поправляться.
- Ошибка красна поправкой.

В английской лингвокультуре также находим целый ряд поговорок и пословиц, посвященных ошибкам. Однако изучив наиболее известные фразеологические выражения, приходим к выводу, что в основной своей массе они подводят к несколько другим выводам:

1. ошибки неизбежны;
2. любая ошибка имеет значимое негативное последствие, необходимо приложить все усилия, чтобы избежать ее совершения.

В первой группе выделяем следующие:

- He is lifeless that is faultless. Только мертвый не совершает ошибок.
- He that never climbed never fell. Не падал только тот, кто никогда не взбирался вверх.
- He who makes no mistakes, makes nothing. Кто не делает ошибок, ничего не делает.
- To err is human. Человеку свойственно ошибаться.
- No man is wise at all times. Ни один не может быть мудр постоянно.

В пословицах и поговорках того или иного народа отражается исторический опыт, становление и отношение общества к окружающей его объективной реальности. Проанализировав подобный продукт культурной и духовной жизнедеятельности, можно сделать определенные выводы и прогнозы относительно тенденций в обществе и на современном этапе развития социума. Таким образом, становится ясно, что отношение к ошибочности разнится в русской и английской лингвокультурах. Можно сказать, что русский менталитет более склонен к принятию ошибки, нежели английский, следуя ему, получается, что отклонение от нормы и правильности не критично, а, соответственно, допустимо. Английская же лингвокультура не оставляет возможности для такой расслабленности, вероятность того, что девиация в рамках англоязычных социокультурных связей отрицательно скажется на исходе коммуникативного акта, значительно выше, чем в русскоязычных.

Рассматривая процесс коммуникации, обращаемся к Большому энциклопедическому словарю, обобщающему распространенные определения данного явления. «Коммуникация - общение, передача информации от человека к человеку - специфическая форма взаимодействия людей в процессах их познавательно-трудовой деятельности, осуществляющаяся главным образом при помощи языка (реже при помощи др. знаковых систем)» [БЭС, 1997]. О. С. Ахманова дает следующую

дефиницию термину «коммуникативный»: «относящийся к собственно сообщению как передаче интеллектуального содержания» [Ахманова, 2004]. Учитывая возросший интерес к процессу общения среди современных лингвистов и, в особенности, все большую частотность упоминания термина «коммуникация» и его производных в исследованиях отечественных и зарубежных ученых, а также неугасаемую актуальность вопроса ошибочности в процессе общения, широкое распространение получили два термина – «коммуникативная ошибка» и «коммуникативная неудача». Мы предлагаем внести уточнения в их определения.

Обобщая дефиниции, предоставляемые исследователями данной проблематики [Смирнова, 2003, с. 4], можно сказать, что коммуникативная неудача выступает в роли семантико-прагматического явления и определяется как отсутствие достижения поставленной стратегической цели при реализации коммуникативного акта, а также непонимание коммуникативными партнерами вербализованного сообщения. В свою очередь, коммуникативная ошибка представляется лингвистам [Бутакова, 1998, с. 72] как коммуникативно-значимое нарушение, существенно ухудшающее восприятие и понимание речи или отдельного высказывания. Таким образом, термины «коммуникативная ошибка» и «коммуникативная неудача» не являются взаимозаменяемыми, так как объем второго понятия значительно шире первого. Другими словами, коммуникативная ошибка как неблагоприятный фактор коммуникации может привести к неудаче.

Коммуникативные ошибки на протяжении долгого времени являлись предметом лингвистического изучения. Ошибка в процессе коммуникации, как и любое детально рассматриваемое явление объективной реальности, постепенно способствовала выделению специальных областей лингвистического исследования. Среди наиболее значимых и интересных исследовательских направлений можно выделить «науку об ошибках» Г. Никкеля, семиотическую дефектологию М.В. Никитина, межъязыковую девиатологию, а также эрратологию.

Работы Г. Никкеля внесли наиболее существенный вклад в анализ ошибок, проводимый в Германии, поскольку последующие исследователи в основном развивали идеи, предложенные именно этим лингвистом. Г. Никкель обосновал необходимость создания такой отрасли лингвистики, которая занималась бы только проблемой анализа ошибок [Nickel, 1973]. Данная отрасль носила название Fehlerkunde (в работах на русском языке она часто упоминается как «ошибкология») и могла быть эволюционной, описательной, индуктивной или дедуктивной. Преимуществом данного подхода мы считаем его сближение с лингводидактикой, поскольку в числе предметных задач «науки об ошибках» были не только обнаружение самих ошибок, допускаемых индивидом при высказывании на иностранном языке, но и их оценка, исправление и предупреждение. Однако утверждение Г. Никкеля о том, что с обнаружением ошибки успешней справится носитель языка, является дискуссионным, поскольку практика преподавания иностранных языков доказывает тот факт, что данная ситуация не является закономерностью, а успешность обнаружения ошибки зависит скорее от компетентности преподавателя.

Семиотическая дефектология, предложенная М.В. Никитиным [Никитин, 1962], в качестве отрасли семиотики должна была изучать различные виды ошибок на каждом из этапов коммуникативного акта. Данная идея находит отражение в психолингвистике, в частности в особом исследовательском направлении, изучающем психолингвистические факторы, способствующие правильному высказыванию – в ортологии. Позиция изучения ошибки в рамках рассмотрения этапов коммуникации представляется нам обоснованной, поскольку позволяет создать некую систему возможных ошибок, а, следовательно, и превентивный механизм, который позволит избежать их совершения.

В современной лингвистике наиболее детально разработанной представляется такое направление лингвистических исследований, как межъязыковая девиатология. В своих работах М. Дебрэнн представляет ее

как особую междисциплинарную предметную область, возникающую на пересечении предметных интересов когнитивистики, психолингвистики, социолингвистики и лингводидактики при изучении девиантных фактов, появляющихся в сознании индивидов, вербализуемых в их речи, имеющих особый социально значимый коммуникативный статус в различных коммуникативных ситуациях и подвергающихся коррекции и самокоррекции в определенных социальных условиях [Дебрэнн, 2006]. Сильными сторонами направления мы считаем подробное изучение понятия межъязычия как «посредника» между родным и иностранным языком, а также обнаружение так называемых «девиантных» и «недевиантных» участков, то есть участков, на которых вероятно или маловероятно появление языковых отклонений. Помимо этого представляется обоснованной позиция исследователя относительно внутренней системности девиантного межъязычия. М. Дебрэнн доказывает, что девиации на одном уровне межъязычия вызывают отклонения на других уровнях, показывая на примере лексем взаимосвязь проблем орфографии, грамматики, произношения и чтения.

Эрратология, зародившаяся под именем «анализа ошибок» (error analysis), берет свое начало на западе и набирает особую популярность в 60-70е годы прошлого века. Родоначальником данного направления считается Х. Джордж, описавший такие механизмы в процессе преподавания иностранного языка, как получение знаний учащимся извне, которое он условно назвал «входом», и производство собственной речи на изучаемом языке, «выход» [George, 1991]. Ошибка рассматривалась Х. Джорджем как «нежелательная форма» на выходе, не предусмотренная материалом на входе. Особое внимание исследователь уделял непосредственно механизмам, которые могли вызвать эту ошибку. Он предложил анализировать несоответствия на входе и выходе с целью получения информации о сущности и причине появления подобных девиаций. Позднее С. Кордер вывел две группы ошибок: “перформативные ошибки” (errors of performance) и “ошибки компетенции” (errors of competence) [Corder, 1967]. Мы видим

развитие известной теории Н. Хомского. Согласно С. Кордеру, отклонения первого вида бессистемны, они также непредсказуемы и свободны, произвольны. Данные ошибки появляются в речи говорящего как на иностранном, так и на родном языке, так как причины их возникновения лежат вне языка – это могут быть усталость, раздражение, забывчивость и другие факторы подобного рода, в то время как ошибки второго вида, напротив, системны и могут быть спрогнозированы, а их появление или отсутствие связаны с уровнем языковой компетентности. Интересным является то, что для обозначения несистемных ошибок автор чаще использует термин «mistakes», тогда как для системных – «errors». С нашей точки зрения, деление языковых девиаций на подобные группы является сильнейшей стороной данного направления, поскольку позволяет приоткрыть эмблематический потенциал коммуникативной ошибки. Помимо этого, важным шагом для лингвистики мы считаем уход от абсолютизации интерференции в качестве основной причины возникновения языковых девиаций, поддерживаемой представителями контрастивной лингвистики. Х. Джордж произвел подсчет, по результатам которого лишь одна треть ошибок в речи говорящих на иностранном языке обосновывалась переносом с родного языка.

В рамках «анализа ошибок» выделяется такая причина возникновения девиаций в процессе коммуникации, как “внутриязыковая интерференция”, или «гипергенерализация» правил иностранного языка, как отмечает ряд исследователей. Именно благодаря ей возникают ошибки, не характерные ни для родного, ни для иностранного языков, являясь следствием неправильно выведенных аналогий говорящим.

Наконец, особого внимания заслуживает позиция сторонников данного метода в вопросе значимости социолингвистической ситуации для порождения коммуникативно-значимых нарушений. Именно они отмечают влияние социокультурного окружения и наличие или отсутствие общения с

носителями иностранного языка на языковую и коммуникативную компетентности говорящего.

В целом можно отметить важную тенденцию, порожденную последователями направления «анализа ошибок». Она заключается в ориентации лингводидактики на антропоцентризм, поскольку языковые явления рассматриваются учеными исходя из потребностей и возможностей языковой личности: исследование процесса обучения сдает позиции в пользу исследования процесса изучения языка.

Позднее в рамках данного направления были построены подробные типологии ошибок, произведен детальный анализ интер-языка в качестве системы переходной компетенции говорящего на иностранном языке, рассмотрено явление врожденной способности к его усвоению, а также предложены некоторые превентивные механизмы устранения ошибок. Теория анализа ошибок широко применяется на всех уровнях языковой системы, в частности, на коммуникативном.

Тем не менее, важнейшим достижением теории анализа ошибок мы считаем разрушение стереотипа об исключительно негативной сущности девиации в процессе коммуникации. Именно в рамках данного направления появляется термин «ошибки роста», обозначающий такие отклонения, наличие которых не препятствуют достижению коммуникативной цели, и совершая которые, говорящий зачастую пытается найти выход из затруднительной языковой ситуации, творчески используя имеющийся ограниченный запас лингвистических средств. Например, несмотря на ошибочную форму множественного числа в предложении «*He has changed three works this year*», его смысл остается понятен, а девиация не мешает передаче информации. Лишь впоследствии в методике обучения иностранным языкам по сути то же явление получило название компенсаторной функции.

Исходя из вышеперечисленного, представляется обоснованной позиция А.Б. Шевнина [Шевнин, 2004], считающего, что анализ ошибок создает

необходимую теоретическую базу для введения в парадигму общелингвистических и психолингвистических исследований отдельного научно-исследовательского направления, которое он предложил назвать «эрратологией». В своих работах данный исследователь отмечает, что эрратология имеет все основания на то, чтобы получить статус самостоятельной научной дисциплины со своим объектом, предметом и методами исследования, с чем мы не можем не согласиться.

Хотя традиционным и считается рассмотрение коммуникативной ошибки как понятия негативного, отрицательного, данный подход, как уже было отмечено, встречаем не у всех исследователей. В 1929 году швейцарский лингвист, профессор, один из представителей знаменитой женеvской лингвистической школы Анри Фрей выпускает работу под названием «*La grammaire des fautes: Introduction à la linguistique fonctionnelle*» (на русском языке эта книга впоследствии выходила под названием «Грамматика ошибок»). В данном исследовании А. Фрей одним из первых подошел к изучению языковых ошибок системно, комплексно. В качестве материала для исследования он использовал письма пленных французских солдат, что позволило ему вывести множество закономерностей и построить относительно полную и четкую картину французского просторечия начала XX века. Новаторство автора заключалось в том, что он сумел вывести языковую девиацию на один уровень значимости с языковой нормой в плане ценности изучения, к тому же ему удалось построить собственную типологию ошибок, попутно объясняя возможные причины их возникновения. Его фраза «ошибки делают не ради удовольствия» не однократно цитируется не только в работах по филологии, но и в художественной литературе. Именно Анри Фрей выдвинул предположение о том, что ошибка – естественный и нормальный атрибут самого языка, и, более того, первейший показатель потребностей говорящего на нем человека в новых языковых средствах. В целом, можно сказать, что ошибка по А. Фрею – это сигнал тревоги о том, что определенное языковое явление

устарело и требует замены. Потребности индивида, совершающего ошибку, он разделил на пять групп:

- потребность в ассимиляции,
- потребность в дифференциации,
- потребность в краткости,
- потребность в неизменности,
- потребность в экспрессивности.

Потребность в ассимиляции заключается в том, что все языковые факты так или иначе стремятся к объединению друг с другом, порождая новые факты, пытающиеся слиться в единую систему.

Потребность в дифференциации (в данном случае, в ясности) выражается в попытке разграничения лингвистических элементов с целью исключить смешение, возможное при функционировании речи.

Потребность в краткости является стремлением к максимальному сокращению длины и числа элементов, используемых в речевом потоке.

Потребность в неизменяемости заключается в том, что говорящий так или иначе пытается облегчить работу своей памяти, стараясь не запутаться во всем многообразии комбинаций, частью которого может быть определенный языковой элемент.

Суть потребности в экспрессивности лежит в том, что чем чаще в речи используется определенный знак, тем больше он «изнашивается», теряя свою экспрессивность, а, следовательно, нуждается в обновлении или замене.

[Фрей, 2006]

Проанализировав работу данного автора, мы полностью разделяем его мнение о значимости и ценности ошибок как материала исследования, и можем отметить широкий потенциал подобного изучения.

1.1.2. Коммуникативная ошибка с позиций семасиологического и ономасиологического подходов

Как отмечает В. П. Даниленко, «семасиологический подход к изучению языка предполагает, что исследователь, избравший его, становится на точку зрения слушающего (получателя речи) при описании языковых явлений, а ономасиологический подход принимает за ведущую точку зрения говорящего (отправителя речи). Необходимость в разграничении данных подходов обусловлена тем, что речевая деятельность, которую совершают слушающий и говорящий, не может быть одинаковой. Вот почему, например, грамматика, исходящая из потребностей слушающего, и грамматика, исходящая из потребностей говорящего – разные грамматики» [Даниленко, 2010]. В своих работах известный датский лингвист Йенс Отто Харри Есперсен обосновал необходимость разграничения семасиологизма и ономасиологизма, так как считал эту разницу основополагающей. Ученый ссылался на тот факт, что в пространстве общения участвуют два главных действующих лица – говорящий и слушающий. Точка зрения каждого из них самобытна и автономна, а смешение их недопустимо, так как противоречит самой сущности коммуникации. «Сущностью языка является человеческая деятельность – деятельность одного индивида, направленная на передачу его мыслей другому индивиду, и деятельность этого другого, направленная на понимание мыслей первого. Если мы хотим понять природу языка и, в частности, ту его область, которая изучается грамматикой, мы не должны упускать из виду упомянутых двух людей – производящего и воспринимающего речь, назовем их проще – говорящим и слушателем» [Есперсен, 1958. С. 15].

Анализируя коммуникативную ошибку с позиции слушающего, наиболее важным представляется нарушение интерпретации сообщения. Здесь мы имеем дело с несколькими наиболее распространенными обозначениями: непонимание, недопонимание, недоразумение. Непонимание

является отсутствием понимания; неспособностью, неумением понять кого-либо или что-либо [БТСРЯ, 1998, с. 875]. Например, при выражении просьбы говорящим, слушатель по какой-то причине вовсе не осознает, что его о чем-то попросили. Английским эквивалентом данного термина выступает дословное «incomprehension». Недопонимание же, как и недоразумение, могут обозначаться словом «misunderstanding». В данном случае речь идет лишь о неполном понимании того или иного сообщения, о частичной ошибочности суждения. Продолжая наш пример, можно отметить, что в такой ситуации слушатель в общем поймет, каких действий от него ожидает говорящий, но может ошибиться в интерпретации нюансов, способа действия и тд.

Рассматривая коммуникацию с точки зрения ономаσιологического подхода, важно также отметить то, что в лингвистической литературе помимо «коммуникативной ошибки» или «коммуникативной неудачи» нередким является упоминания термина «коммуникативное затруднение». Это делает целесообразным рассмотрение и его дефиниции, представленной А.А. Пойменовой применительно к порождению высказывания пользователем иностранного языка: «невозможность лексикализовать необходимые для адекватной передачи замысла признаки» [Пойменова, 1998, с. 85].

В целом, ошибки неизбежны даже при условии, что отправитель речи пользуется родной для него системой знаков, но вероятность возникновения подобных нарушений существенно возрастает при переходе на чуждую семиотическую систему. В свете данной проблемы логично рассмотрение понятия «билингвизм». Л.В. Щерба отмечает, что билингвизм представляет собой «двухязычие, владение и попеременное пользование одним и тем же лицом или коллективом двумя различными языками или различными диалектами одного и того же языка (например, местным диалектом и литературным языком)» [Щерба, 1974, с. 314]. Также важным для нас является разграничение между первым и вторым языком – языком родным,

усвоенным с детства без специального обучения, на котором человек мыслит, не прибегая к дополнительному самоконтролю, и либо специально изученным иностранным языком, либо языком, усвоение которого происходит в многоязычной среде без специального обучения.

Рассматривая язык как код, то есть определенную систему объективно существующих социально закрепленных знаков и правил их употребления и сочетаемости, отмечаем, что коммуникативная ошибка также может являться нарушением как кодировки, так и раскодировки. Учитывая тот факт, что иностранный язык представляет собой код, владение которым никогда не сможет приблизиться к совершенному состоянию, появление сбоя в процессе кодирования и декодирования информации – не более чем закономерность.

В свою очередь, человек, говорящий на иностранном языке, может столкнуться с коммуникативно-значимыми нарушениями, условно делящимися на три основные категории.

1. Интерференция. Этим термином обозначается взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, при котором происходит отклонение от нормы и системы второго языка под влиянием родного [ЛЭС, 1990]. В случае интерференции совершается перенос конструкций и характеристик своего языка на иностранный. Например, частой ошибкой при переводе с русского на английский является изменение порядка слов. В английском языке подлежащее должно предшествовать сказуемому, в то время как на русский язык это правило не распространяется, отчего и возникают ошибки подобного рода: «вступил в силу закон» переводится как «came into force the law».

2. Гиперкоррекция. Сущность данного явления – ошибочное «выправление», образование форм по регулярным моделям от слов, образующих их нерегулярно. Примером такой ошибки могут быть следующие образования временной формы Past Simple: «goed, feelled, buyed»,

то есть замена формы неправильного глагола на форму, образованную «по правилу».

3. Резидуальный тип ошибок. К этой группе ошибок относятся те, которые приносят во второй язык такие характеристики и конструкции, которых нет ни в нем самом, ни в родном для говорящего языке. Данные ошибки чаще всего ситуативны и персонализированы, поскольку являются исключительным творчеством своего автора в тех или иных обстоятельствах. Так, билингв, говорящий на русском и итальянском языках, может допустить неправильное употребление женского рода *la complimenta* вместо нормативного мужского *il complimento*, что кажется странным, поскольку в русском языке слово комплимент также является существительным мужского рода.

Ошибки отправителя речи отличаются фактически безграничным многообразием, а также могут приводить к самым неожиданным последствиям - как отрицательным (непонимание, неприязнь, агрессия), так и положительным (комический эффект, «разрядка» обстановки и т.д.).

1.1.3. Типы коммуникативных ошибок

Несмотря на огромное количество коммуникативных ошибок, которые постоянно возникают в условиях реального общения людей, так или иначе их можно условно разделить на ошибки отправителя информации и ошибки ее получателя.

Рассматривая ошибки говорящего, в первую очередь считаем целесообразным условное их разделение на три основные группы: системные, нормативные и ситуативные ошибки.

Системные ошибки обусловлены выбором ненормативного варианта из ряда предлагаемых языковой системой. В качестве примера можно привести следующее высказывание: *«позвольте познакомить вам моего друга Александра»* вместо *«позвольте представить вам моего друга»*

Александра» - в данном случае происходит сбой в структурной схеме, отражающей тождественную референтную ситуацию.

Прежде, чем обозначать какую-либо девиацию термином «**нормативная ошибка**», необходимо иметь четкое представление о том, какая именно норма нарушена в данном конкретном случае, отклонение от какого принятого стандарта произошло. Отмечается, что нормой является совокупность особенностей, которыми определяется язык данного лингвистического коллектива, рассматриваемый или как образец, которому надо следовать, или как реальность, достаточно однородная для того, чтобы говорящие субъекты чувствовали ее единство. Норму смешивают с правильностью, когда носители языка рассматривают норму как обязательную [СЛТ, 1960]. Исходя из этого, нормативные ошибки представляют собой нарушение образцового, общепризнанного употребления элементов языка (слов, словосочетаний, предложений), а также нарушение правил использования речевых средств в определенный период развития языка в целом. Сюда можно отнести ряд таких ошибок, как

1. акцентологические ошибки,
2. грамматические ошибки,
3. орфографические,
4. лексические,
5. орфоэпические ошибки.

Говоря об **акцентологических ошибках**, мы подразумеваем неправильную постановку ударения в том или ином слове. Рассматривая словесное ударение в русском языке, важно отметить два момента: во-первых, оно не является фиксированным, напротив, оно свободно и не закреплено ни за одной из частей слова, а, соответственно, может падать как на корень, суффикс или окончание, так и на приставку. Во-вторых, ударение в рамках языка является очень важным, иногда даже принципиальным аспектом в контексте коммуникации, поскольку несет смыслоразличительную функцию, например: *хлопок* – *хлопок*, *входит* –

выходИть, dEsert – dessErt, mankInd – mAnkind, а также может различать грамматические формы: *мЕла – мелА, хлЕба – хлебА, prEsent – presEnt, rEcord – recOrd*. Как показывает практика, именно акцентологические нарушения вызывают самую сильную реакцию со стороны слушателей, поскольку зачастую обусловлены социальными различиями – будь то говор другой местности или иной социальный статус. Любой язык не бывает статичным, поскольку меняется под воздействием различных факторов: многочисленных заимствований, возрастания престижности определенных явлений, появления новых слов в связи с возникновением неведанных или не существовавших ранее феноменов окружающей действительности и прочих причин. Русский язык также меняется, и привычные акцентологические нормы иногда отмирают, постепенно заменяясь новыми, или же перестают быть единственно допустимыми и с течением времени уживаются с новыми нормативными вариантами. Таким образом, рационально определить нормативность русского ударения как вариативную. Проанализировав ряд работ, посвященных данной теме, разумно предположить, что все варианты ударения, не попадающие под отклонение от нормы, можно условно поделить на следующие группы:

1. равнозначные, где оба варианта верны: *шпрИцы – шприцЫ, бАржа – баржА*;
2. неравнозначные, но допустимые, где один из вариантов считается основным: *тЕфтели (основной) – тефтЕли, пиццЕрия (основной) – пиццЕрия*;
3. допустимые устаревшие или нормативно-хронологические: *сажЕнь, запАсный*;
4. смысловозначительные варианты: *верхОм – вЕрхом, лекАрство – лЕкарство*.

Однако помимо вышеперечисленных вариантов, являющихся акцентологической нормой, существует еще один, весьма специфический, но от этого не менее распространенный феномен - стилистическая норма

ударения. Данное явление, на наш взгляд, удачно раскрывается в Словаре культуры речевого общения: «...конечно, ошибки ошибкам рознь. Иногда акцентологические отклонения делаются говорящими сознательно, так как при этом претендуют на суперкультурность, высшую правильность речи. Так, иногда некоторые музыканты произносят фамилию композитора *МУсоргский* как *МусОргский*, фамилию шекспировского персонажа *МАкбет* как *МакбЕт*, название американского штата *ФлорИда* как *ФлОрида* (на американский манер), название города *СтАврополь* как *СтаврОполь*, *волишебствО* – на старом ладе как *волиЕбство*, вместо нынешнего «узаконенного» варианта *рАкурс* – прежний вариант *ракУрс* и т. п. Может быть, подобные ошибки следует расценивать как нечто стилистически положительное. С таким же пониманием нужно относиться к сознательным отклонениям от общелитературных норм в сторону традиций профессиональной речи: *компАс* (в речи моряков), добыча *Угля* (в речи шахтеров), *возбУждено дело* (в речи юристов)» [Романова, 2009]. Интересными нам показались причины возникновения акцентологических ошибок, указанные в одной из работ С. В. Прохоровой:

- незнание ударения иноязычного слова (*мИзерный* от фр. *мизЕр* – *мизЕрный*);
- плохое знание орфографии (*бронЯ у танка*, *брОня* – право на что-либо);
- незнание морфологической принадлежности слова (*рАзвитый* – *развИтой*);
- отсутствие в печатном тексте буквы «ё» (ликвидация двух точек над буквой привела к появлению множества ошибок. *НоворОжденный*, а не *новорождЕнный*) [Прохорова, URL: <http://festival.1september.ru/articles/560596/>].

В ряде источников исследователи не просто отмечают акцентологические ошибки, а выделяют ряд наиболее существенных, «грубых» ошибок ударения, недопустимых в ситуации общения двух или

более образованных людей. Примерный их ряд выглядит так: *документ, Алкоголь, тортЫ, жАлюзи, пОртфель, феномЕн, рАкушка, красивЕе, свекла, случАй, обеспечЕние, катАлог, килОметр, звОнит, туфлЯ, дОговор.*

Несмотря на тот факт, что акцентологические правила английского языка значительно четче, нежели в русском, на что в частности указывает то, что зачастую определяющим фактором при выборе ударения является количество слогов, можно сделать вывод, что и в пространстве данного языка есть наиболее грубые акцентологические ошибки, вызывающие неприязнь у слушателя: *hotEl, romAnce, rebEl, controVercy, magazIne.*

Грамматические ошибки являются либо результатом несоответствия словообразовательным нормам (в таком случае мы говорим о **словообразовательных ошибках**), либо последствием отклонения от формообразовательных норм (**морфологические ошибки**), либо ломают нормативную связь слов в словосочетаниях и предложениях (**синтаксические ошибки**).

В одном из словарей лингвистических терминов **словообразовательные ошибки** описываются так: «вид речевых ошибок, нарушающих нормы словообразования. Проявляются в неоправданном словосочинительстве, смешении суффиксов, приставок, видоизменении слов нормативного языка: *орлиха, луковенок, пластмасло*. Словообразовательные ошибки нарушают правильность, точность речи, уместность и чистоту» [Жеребило, 2010]. Наиболее распространенные ошибки данной группы связаны со следующими девиациями:

- некорректное образование сложных слов: *газафикация, птицолов, одинлетний, полуумный, sportman, highway, liptick;*

- некорректное использование приставок: *переграда, прилопатить, обпилки, unlogical, irresponsible, disunderstand.*

- некорректное использование суффиксов: *упорность, сохнул (пр. сох), кулинарство, childness, colourly, proposure.*

Морфологические ошибки описываются лингвистами как «вид речевых ошибок, связанных с ненормативным образованием форм слов и употреблением частей речи: *я часто помогаю маме готовить обеды* (вм. обед). ... Морфологические ошибки нарушают морфологическую правильность речи. Ошибки морфологического характера могут также нарушать чистоту речи (*Маленький мышь пробежал по комнате.* - Вм.: *Маленькая мышь пробежала по комнате.* Здесь морфологическая неправильность появилась под влиянием диалекта, поэтому в данном случае нарушается чистота речи)» [Жеребило, 2010]. Среди наиболее частотных можно выделить следующий ряд девиаций, попадающий под группу морфологических ошибок на примере имени существительного:

- неправильная форма рода имени существительного: *травяная шампунь, широкое авеню, мое евро, удачная пенальти;*
- неправильная форма множественного числа: *крема, договора, коня, moneys, sockses, jeanses;*
- неправильное падежное управление: *между дверями, с людьми, из-за денег;*
- склонение несклоняемого: *вкус висок, представитель ЮНЕСКи, несколько кольрабей;*
- неправильное склонение иностранных фамилий: *книги Александра Дюмы, выдать грамоту Анне Делакруе.*

Синтаксические ошибки, согласно Словарю лингвистических терминов, это «вид речевых ошибок, заключающихся в неверном построении словосочетаний, простых и сложных предложений, текстов (*Индеец ехал на коне с голубыми перьями.* – Нарушен порядок слов в предложении). Синтаксические ошибки нарушают логичность речи, точность, иногда правильность, уместность речи» [Жеребило, 2010]. К такому роду ошибок относятся следующие наиболее частотные:

- некорректное управление (*надо поменять машину на более новее; оказывает нуждающихся помощь; he goes in school; are you talking with Tom?*);
- некорректное согласование (*выдать деньги пенсионерам, проживающих в данном районе; Mary was tall with his height of 184 cm*);
- некорректное построение связи между подлежащим и сказуемым (*мое поколение никогда не любят джаз; молодежь предпочитают поп-музыку; most people likes reading; I know he love Helen*);
- некорректное выражение сказуемого (*этот рассказ слишком короток, неоригинален и скучный; я знаю одну девочку, которая семиклассница; that man is my son who doctor*);
- некорректное построение причастных оборотов (*уставший мужчина от работы; he was lying on the sofa, his eyes closing*);
- некорректное построение деепричастных оборотов (*глядя на кота, появляется ощущение счастья; been able to help, she didn't*);
- некорректное употребление прямой и косвенной речи в одном предложении (*автор отмечает, что я не поддерживаю эту теорию; Jack told Will that my son was there*);
- некорректное построение конструкций с однородными членами (*Федор Петрович даже не посмотрел и не замечал на собаку; she was in love and adored with him*);
- некорректное построение сложных предложений (*Тамара хотела взять ведро из дальнего сарая, которое она забыла; the film taught me to love Irish dance that I read a month ago*);
- некорректное согласование времен (*сидел-сидел, и постучит в барабан; I loved skiing and thought it will become my profession*);
- неоправданные пропуски слов (*Наталья в те времена вышивала, вязала и в карты; the dog was running fast and stopped only the bus station*);
- местоименное дублирование одного из членов предложения (*бабуля она уже немолода; the law it should be concrete*).

Орфографические ошибки рассматриваются лингвистами как ошибки, допускаемые сугубо на письме. Это ненормативное написание слова, девиация, допущенная в слабой фонетической позиции: для согласных – в конце слова или перед другим согласным, для гласных же – в безударном положении.

Проанализировав работы, посвященные орфографии, можно сделать вывод о том, что орфографические ошибки делятся на следующие типы:

- фонетико-орфографические,
- грамматико-орфографические,
- собственно орфографические.

Фонетико-орфографические ошибки представляют собой девиацию, нарушающую не только орфографическую, но и орфоэпическую норму. Подобные ошибки могут отражаться на письме

- некорректное произношение определенных слов: *бамажка, бындероль, remaniration, ethnicity*;
- специфические региональные диалектические особенности: *ждать, могут, businiss, fet (вм. fate)*;
- национальную специфику произношения определенных звуков: *здесь, raf (вм. rough), canverse (вм. converse)*.

Грамматико-орфографические ошибки или, в других источниках, языковые орфографические ошибки, выделяемые различными авторами, по сути, дублируют ошибки грамматические, описание которых мы представили ранее. Данный вид ошибок также включает в себя грамматико-морфологические (*нет штан; много яблоков*) и грамматико-синтаксические девиации (*Миша с Машей и его подруга*).

Собственно орфографические ошибки являются чистым отклонением от норм и стандартов написания слов, не нарушающим ни грамматические, ни орфоэпические правила. Чаще всего при столкновении с такого рода ошибками мы имеем дело с

- некорректным написанием таких значащих частей слова, как приставка, корень, суффикс, основа, окончание: *пренуждать, карова, колendarь, Februry, hospitabl;*

- некорректный перенос слов: *нача-ть, прево-змочь, crea-te, resu-rrect;*

- некорректное написание гласных после шипящих или их отсутствие: *крещоный, мыш, сорвеш, счастье, matchs, boxs;*

- отсутствие написания строчных и прописных букв: *саратов, нищие, september, glasgo;*

- нарушение правил написания слов слитно, дефисно и отдельно: *комунибудь, зачемто, some where, any body;*

- некорректное написание сложных слов: *тысячиление, вераисповедание, extrordinary, suppar (вм. subpar).*

В 2013 году одна из крупнейших поисковых компаний Яндекс провела исследование с целью выявить самые сложные для россиян слова. Поисковик Яндекса распознает и исправляет ошибки в запросах автоматически, которые, как отмечают исследователи компании, были выявлены приблизительно в каждом десятом запросе. Исследователи выявили и проанализировали 10000 слов, встречающихся в запросах чаще всего в течение 2013 года. По итогам исследования выяснилось, что самыми часто встречающимися ошибками были неправильные написания наиболее используемых в поиске слов. Наибольшие сложности, согласно комментариям специалистов, у пользователей вызывают русские слова с двойными и непроизносимыми согласными, а также слова, заимствованные из других языков. В итоге, список самых сложных слов для россиян выглядит следующим образом:

- *комментарий – комментарий (доля ошибок – 27%),*

- *девчонка – девченка (доля ошибок – 26%),*

- *жесткий – жосткий (доля ошибок – 25%),*

- *масляный – маслянный (доля ошибок – 25%),*

- *девственность – девственность (доля ошибок – 25%),*

- *агентство – агенство (доля ошибок – 24%),*
- *программный – програмный (доля ошибок – 24%),*
- *рассчитать – расчитать (доля ошибок – 23%),*
- *баннер – банер (доля ошибок – 23%),*
- *бюстгальтер – бюстгалтер (доля ошибок – 23%),*
- *баллон – балон (доля ошибок – 22%),*
- *жестко – жостко (доля ошибок – 22%),*
- *аттракцион – атракцион (доля ошибок – 21%),*
- *гостиная – гостинная (доля ошибок – 21%),*
- *значок – значек (доля ошибок – 21%),*
- *троль – троль (доля ошибок – 21%),*
- *групповой – групповой (доля ошибок – 20%),*
- *Майами – Маями (доля ошибок – 20%),*
- *Голицыно – Голицино (доля ошибок – 20%),*
- *режиссер – режисер (доля ошибок – 20%),*
- *искусственный – искусвенный (доля ошибок – 19%),*
- *обнаженный – обнажонный (доля ошибок – 19%),*
- *выиграть – выйграть (доля ошибок – 19%),*
- *восстановить – востановить (доля ошибок – 19%),*
- *съемка – съемка (доля ошибок – 19%).*

Помимо этого, интересным представляется аспект исследования, посвященный новым, заимствованным словам в русском языке. Исследователи отмечают, что для новых слов часто существует несколько вариантов написания – одно и то же слово в разных словарях может писаться по-разному. Поисковик компании Яндекс автоматически определяет вариант, которого придерживается больше всего пользователей, и предлагает исправления для менее распространенных вариантов, исходя из статистики поисковых запросов. Например:

- *Хэллоуин (наиболее распространенный вариант написания слова),*

– Хелуин (самая частая ошибка, другой вариант слова): доля ошибок и других вариантов – 33%,

- фэнтези – фентези: 31%,

- шоппинг – шопинг: 30%,

- спиннинг – спининг: 21%,

- хэтчбек – хетчбек: 20% [2013, URL: company.yandex.ru/researches/figures/2013/ya_difficult_words.xml].

Лексические ошибки, согласно проведенному анализу различных источников, нарушают нормы употребления тех или иных слов, уместность этого употребления, представляют собой неоправданный выбор слова в рамках определенного контекста и ситуации. Среди наиболее частотных можно выделить следующие:

1. связанные с излишним многословием:

- плеоназм – ненужные уточняющие слова: пожилой старик, привлекательная красotka, victorious winner, new novelty;

- тавтология – некорректное использование однокоренных слов: *какой необычно романтический роман; из всех предпочтений это его самая предпочтительная; he was filled with glorious glory;*

- множественные повторы – «Узнав об измене, Кристоф взбеленился, он не мог поверить, что ему могли изменить. Измена была неожиданной». *«That day was a memorable one. We had a lovely picnic, I even remember what we had for lunch – milk, honey and fresh juicy apples. I don't remember what the weather was, but I clearly remember that it wasn't raining»;*

2. связанные с неоправданным употреблением специфической лексики:

- лексических заимствований: *это был настоящий фейл; смена работы – серьезный челендж; that idea was absolutely parfait;*

- неологизмов: *ну и место – сплошная кривляндия; I have no intention to work with this donkeyhead;*

- профессиональных жаргонизмов: *прилетели на вертушке; срочно почистить взлетку; I'd like you to use less popups in the pictures;*

- архаизмов: *не вынести такого бесчестья; that was haply, not on purpose;*

3. связанные с неверным выбором многозначных слов, омофонов, паронимов: *мне не хватает ласок (вм. ласк); this bird is mail; your dress is far too plane;*

4. связанные с использованием несочетающихся понятий: *страшная красота; lonely crowd.*

Орфоэпические ошибки рассматриваются исследователями как «ошибки, связанные с нарушением норм литературного произношения и обусловленные воздействием, во-первых, диалектов, жаргонов, просторечия; во-вторых, письма (так называемого побуквенного произношения); в-третьих, интерференцией родного языка» [Азимов, 2009]. К числу встречающихся в русском языке можно отнести следующие варианты подобных девиаций:

1. нарушение нормы «иканья»: *крЕсталлизация;*
2. нарушение нормы произношения звука [Э] в разных положениях как [И], [Ы], [Э], [Ъ]: *акадЭмия, бассЭйн, Этаж;*
3. отсутствие оглушения звонких согласных в конце слова в именительном падеже либо неуместное использование глухого звука: *паБ, в МадриТе, под снегонаТом;*
4. нарушение нормы сохранения безударного звука [О] в заимствованных словах: *баА (вм. боа);*
5. нарушение твердости или мягкости перед [Е]: *брюнЭт, пюрЕ, крЭм;*
6. нарушение нормы произношения [ЧН] и [ШН]: *двоеЧНик, яиЧНица, скуЧНо;*
7. ненормативный выбор между [Г], [К], [Х]: *ноХти, БоГ;*
8. ситуативное, «авторское» произносительное отклонение: *траНвай, коЛидор, паЧпорт.*

Перечисленные группы нормативных ошибок отнюдь не претендуют на абсолютную полноту, на практике существует великое множество

отклонений от указанных норм, иногда ошибки могут даже носить смешанный характер, нарушая несколько правил одновременно.

Ситуативными же ошибками являются такие отклонения в речи говорящего, которые не препятствуют пониманию речевого сообщения, но могут его затруднить в связи с неуместностью высказывания или его части. Иллюстрацией к подобному явлению может стать следующая ситуация: *некий А, не зная о недавней кончине Б спрашивает у супруги Б о его здоровье.* По нормам этикета вопрос о самочувствии близкого родственника не является отклонением или ошибкой, и даже напротив, приветствуется, однако в данном конкретном случае исход коммуникации имеет все шансы быть негативным. А допускает ситуативную ошибку в следствие невладения важной, крайне актуальной для своего собеседника информацией, что скорее всего будет расценено недопустимым.

Помимо вышеперечисленных, говорящий может совершить и другие ошибки, в частности таковой является нарушение плана высказывания. Говоря об этой проблеме, мы обращаемся к психолингвистическому подходу, который, как известно, рассматривает текст в качестве иерархического структурного образования, имеющего уровни, компоненты которых носят смысловой характер и отличаются исключительно степенью значимости по отношению к общей структуре. Данные компоненты объединяет единая идея (предмет) высказывания. Исходя из этого, А.А. Леонтьев ставит знак равенства между цельностью текста и смысловым единством [Леонтьев, 2003, с. 29]. Нарушением плана высказывания в таком случае является ломающий смысловую структуру текста сбой на этапе внутреннего программирования, обладающем конкретными семантическими характеристиками. В данном случае можно отметить, что внутреннее программирование представляет собой этап доязыкового построения речи, что говорит нам о различии в понятиях «коммуникативная ошибка» и «языковая ошибка», хотя в дальнейшем индивид сталкивается с необходимостью внутреннего программирования отдельных предложений,

лексико-грамматического структурирования, а также их моторной реализации. Построение связного высказывания, в полной мере отражающего мысли и идею рассказчика, а также вербализация этих идей без искажения содержания – очень сложная задача. В какой-то мере данная тема нашла отражение в стихотворении Ф.И. Тютчева «Silentium!»:

«Как сердцу высказать себя?

Другому как понять тебя?

Поймёт ли он, чем ты живёшь?

Мысль изреченная есть ложь.

Взрывая, возмутишь ключи, -

Питайся ими – и молчи» [Тютчев, 1985, с. 20] .

Тем не менее, успешное существование и функционирование индивида в обществе невозможно без адекватной вербализации его мыслей, поэтому единственно верным решением в данном случае представляется максимальное приближение к идеальной модели «мысль = слово» за счет расширения своего словарного запаса, улучшения ораторских способностей, стремления к сокращению коммуникативных ошибок и так далее.

1.2. Эмблематическая интерпретация

Процесс общения как передачи определенной информации от отправителя получателю может рассматриваться в разных плоскостях. Для исследователей в области лингвистики его семиотическая составляющая всегда представляла особый интерес, поскольку с течением времени и аккумулярованием знаний о языке становилось очевидным то, что коммуникативные акты требуют разноуровневой интерпретации.

Учитывая тот факт, что информация зачастую передается не прямым путем, а посредством различных сигналов, исследователи-лингвисты не раз отмечали знаковость общения, а еще в конце XIX в. Ч.С. Пирсом была создана общепризнанная на данный момент семиотическая классификация,

подразумевающая деление знаков на иконические, индексальные и символические [Пирс, 2000, с. 185]. Иконические знаки имеют общие черты с объектом, которые обозначают, а раскрытие их смысла не представляется проблематичным. Форма же индексальных знаков лишь условно связана с содержанием объекта, к тому же для их прочтения необходима определенная осведомленность. Наконец, символические знаки не указывают на объект напрямую, а только порождают определенные ассоциации, которые могут вывести слушателя/зрителя/читателя к обозначаемому явлению. Известный английский социальный антрополог в своей работе, посвященной символизму, предложил разграничить понятия индекса и сигнала. Сигнал по Дж. Личу – естественная автоматическая связь между объектом и знаком, его обозначающим, в то время как индекс – связь указательная и произвольная [Лич, 2001, с.19].

В рамках интерпретативной лингвистики можно выделить три основных вида знака, находящихся непосредственно языковое выражение: это символ, аллегория и эмблема. Символ, как справедливо отмечает С. С. Аверинцев, «наделен всей органичностью и неисчерпаемостью образа» [Аверинцев, 1983, с. 607]. Из работ исследователей, занимавшихся изучением данного вопроса, следует, что основная отличительная черта символа – это загадочность, многозначность, открытость к различным вариациям интерпретации.

В семиотической горизонтали знаков символ противопоставляется аллегории и эмблеме. Аллегорией является такой знак, который иносказательно обозначает определенную идею, но в отличие от символа допускает лишь одно прочтение и единственный вариант интерпретации [Карасик, 2010, с. 36]. Суть аллегории в своих работах отмечает А.Ф. Лосев, определяя ее так: образ как иллюстрация идеи, как пояснение к идее. Также отмечается, что наиболее типичным примером аллегории является басня [Лосев, 1990, с. 425].

В нашем же исследовании мы особо выделяем эмблему (от греч. «*emblema*» - «вставка»), относящуюся к группе индексальных знаков.

Поскольку изначально эмблема рассматривалась как изображение, имеющее однозначное и точное объяснение, то весьма полные и отражающие суть данного знака определения понятия можно найти у исследователей-искусствоведов. М.Н. Соколов в своей работе, посвященной эмблемам, называет их «ментальными узелками», распутать которые индивид может, используя свой интеллект. Также он отмечает, что несмотря на тот факт, что эмблема что-то «скрывает», она «... тем не менее должна быть относительно доступной, без глухих семантических заборов» [Соколов, 1999, с. 147]. Автор также подчеркивает, что эти идеи суммирует в своих работах П. Джовио, отмечая: «Девиз не должен быть слишком темным, доступным лишь пониманию Сивиллы, равно как и не слишком явным, открытым разумению всякого плебея» [там же].

Эмблема допускает только одну интерпретацию и не подлежит толкованиям, а важнейшей ее функцией представляется идентификация. В своих исследованиях В.И. Карасик отмечает, что «идентифицирующая функция эмблемы состоит в том, что соответствующий образ является знаком принадлежности того или иного индивидуума к определенной группе» [Карасик, 2010, с. 38]. Продолжая данную идею, автор отмечает, что эмблематика общения представляет собой систему однозначно опознаваемых коммуникантами сигналов. Однако, помимо функции идентификации личности говорящего, эмблематика служит средством упрощения содержания высказывания или его информационного дублирования.

В нашем исследовании мы предлагаем выделить следующие типы эмблематичности:

1. ориентационная эмблематичность,
2. статусная эмблематичность,
3. парольная эмблематичность.

Все эти типы объединяет то, что они так или иначе представляют собой оценку получаемой информации участниками коммуникативного акта, т.е. являются способом интерпретации содержания сообщения.

Ориентационная эмблематика заключается в оценке по степени соответствия ожидаемому положению дел. Здесь мы сталкиваемся с формульными моделями поведения, устойчивыми, «шаблонными» фразами или действиями. В данном случае эмблематика выступает способом упрощения процесса достижения коммуникативных целей, поскольку она направлена на получение немедленной реакции на определенный стимул; это тот тип эмблематики, с которым человек сталкивается ежедневно в ходе своего социального функционирования. Например, пользуясь общественным транспортом, а соответственно, являясь пассажиром, индивид получает определенный сигнал: «Предъявите билет». Данное высказывание является шаблонным, оно применимо к любому участнику коммуникации, который выступает информационным реципиентом в данных конкретных коммуникативных условиях. Среди ожидаемых реакций будут:

1. предъявление билета,
2. предъявление проездного билета,
3. просьба о продаже определенного необходимого количества билетов.

При получении отправителем (кондуктором-контролером) любой из перечисленных ответных реакций, коммуникативный акт в большинстве случаев будет считаться завершенным. Другой пример: в ресторане быстрого питания, услышав вопрос: «Гарнир?» индивид, исходя из соображений общепризнанной формулы поведения в подобных общественных местах, должен либо от него отказаться, либо выбрать один из предоставленных на данный момент вариантов. Любое же отклонение от ожидаемого шаблона вызовет необходимость продолжения коммуникативного акта и осуществления новых, спонтанных высказываний или действий, что препятствует исполнению главной функции этого типа эмблематики –

экономии времени, затрачиваемого на достижение коммуникативной цели. Знание о том, какие именно реакции от него ожидаются, хранится у индивида на подсознательном уровне. По своей сути, это определенные навыки, овладение которыми происходит в процессе социализации личности в тех или иных культурологических условиях.

Статусная эмблематичность заключается в указательной сущности эмблемы как индексе социального положения индивида. Эмблема в данном случае выступает определенным признаком, осознанно или бессознательно выбранным человеком для передачи информации о его месте и / или значимости в обществе. Ряд предметов бытового характера являются знаками принадлежности к той или иной социальной прослойке: это автомобиль, одежда, техника и даже продукты питания. Наличие у индивида определенной модели транспортного средства или технического устройства может указывать на его благосостояние, однако иногда эта картина не реальна, а лишь конструируется для достижения тех или иных целей. Зачастую такой целью является создание конкретного имиджа, который по своей сути эмблематичен и считываем, опознаваем. Г.П. Мельник отмечает, что имидж создается и строится специально, «наделяет объект дополнительными характеристиками с целью выделения его из ряда других» [Мельник, 2001, с. 34].

Статусная сущность эмблематичности также находит выражение в выборе определенных стратегий и способов речевого поведения: подчеркнутая расслабленность артикуляции и обилие жаргонизмов в речи молодежи или четкость формулировок и частое использование этикетных формул интеллигенцией также могут быть выделены в эмблемы, апеллирующие к сознанию адресата с целью ответить на два вопроса:

1. кто передо мной?;
2. как мне выстраивать с ним взаимодействие?

Особое место в пространстве статусной эмблематичности занимает эмблематичность власти. В данном случае речь идет непосредственно о

статусных признаках поведения участников коммуникации. Интересным является тот факт, что именно эта сложившаяся система посылаемых друг другу однозначно опознаваемых сигналов, пожалуй, наименее других принимает возможность любых отклонений от существующих поведенческих формул, поскольку по сути своей формировалась как способ урегулирования жизни общества и выстраивания вертикалей власти. Широко известна легенда о Владе III Басарабе, правителе Валахии, повелевшем прибить гвоздями к головам послов Османской империи их шапки, которые они не сняли в его присутствии из-за своих обычаев, дабы лишь «укрепить их традиции». В современном мире четкая формульность общения характерна для сферы воинской службы, где порядок стимул-реакция в коммуникативном акте фиксированы и не подлежат варьированию: *«разрешите обратиться», «так точно»* и прочее.

Однако не все сигналы, передающиеся от отправителя адресату, ориентированы на прямое, открытое прочтение, некоторые эмблемы могут быть понятны только представителям определенного замкнутого социума. К ярчайшим примерам таких эмблем относится сложная система тюремных татуировок, где каждое изображение несет под собой определенную информацию: количество лет, проведенных в неволе, характер совершенного преступления, место, занимаемое в тюремной иерархии и т.д. Для непосвященных понять смысл этих рисунков практически не представляется возможным: шансы на то, что обыватель свяжет изображение восьмиугольной звезды с принадлежностью к элите преступного мира или паутину – с наркозависимостью, крайне малы. Более того, система кодирования информации подобным способом оказывается еще сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Некоторые тюремные татуировки представляют собой своего рода «ребусы» - в изображении спрятана определенная аббревиатура, что делает данный код еще замысловатей. Например, изображение жука выдает вора, так как означает «Желаю Удачных Краж», то же значение несет под собой и изображение Ленина

(«Вождь Октябрьской Революции»), кота – «Коренного Обитателя Тюрьмы», а надпись МИР четко обозначает отношение обладателя к совершенным преступлениям и перспективам на будущее – «Меня Исправит Расстрел».

В подобных случаях мы имеем дело с парольной эмблематичностью. Именно она позволяет ответить на вопрос: «Передо мной свой или чужой?» и, как результат, выстраивать определенную тактику поведения в процессе коммуникации. В более широком смысле с подобным типом эмблематичности человек сталкивается при необходимости взаимодействия с индивидом, владеющим другим кодом, некой иной знаковой системой. С течением времени в обществе складывается основной свод моделей образа действия, т.е. некая система правил социального поведения, принятых в традиционных для данного этноса или, рассматривая ситуацию уже, коллектива, группы людей, ситуациях общения. Учитывая настоящий факт, можно сделать вывод, что лишь соблюдая определённый порядок действий, а также придерживаясь существующего способа организации допустимого и недопустимого, индивид принимает сложившуюся систему ценностей, и соответственно, может признать себя членом данного общества. При необходимости взаимодействия друг с другом, люди пользуются привычной для себя системой правил, демонстрируя таким образом свою принадлежность данной группе людей. Формулы приветствия, прощания, извинения, просьбы и многие другие закладываются в сознании индивида в процессе социализации и используются автоматически, при возникновении подобной необходимости. Однако помимо различных языков, на протяжении тысячелетий в мире формировались, обогащались и трансформировались многочисленные параллельно существующие культуры, носители которых постоянно включаются в социальные и экономические связи, что превращает межкультурную коммуникацию в ежедневное и естественное явление. Однако очевидно, что в процессе этой коммуникации существуют всевозможные виды вербальных и невербальных помех, создающие затруднения в общении. Один и тот же жест может толковаться

представителями разных культур иначе, будь то простое покачивание головой из стороны в сторону, для большинства европейцев означающее отказ или несогласие, а для болгар, турок и греков, напротив, согласие, подтверждение сказанного.

1.3. Эмблематическая коммуникативная ошибка

По своей сути общение эмблематично, оно заполнено знаками как однозначно и моментально считываемыми, так и заметными не всем и далеко не сразу. Один из участников коммуникации может невольно послать другому определенный сигнал, который будет моментально считан, и, в свою очередь, явит собой эмблему. Эта эмблема, в зависимости от ситуации и условий протекания коммуникативного акта, может сообщить о говорящем значимую информацию: его статус, происхождение, принадлежность к той или иной культуре (в том числе, чужой), возраст и состояние здоровья. Однако для того, чтобы эмблема была верно считана, необходима подготовленность коммуниканта, так как отсутствие особых знаний может превратить эмблему в символ, который, как известно, допускает многозначность трактовок.

Тем не менее, выделить особые сигналы в потоке речевого сообщения не всегда легко. В процессе нейтральной передачи информации или побуждении к какому-то действию должна присутствовать определенная единица, обращающая на себя внимание, выделяющаяся среди прочих. Исходя из этого, представляется обоснованным выделить, среди других возможных явлений, коммуникативную ошибку.

На основании изученного теоретического и практического материалов мы выделяем ряд типов коммуникативных ошибок, каждый из которых при определенных обстоятельствах, участниках общения и контексте может быть эмблематическим.

Эмблематической коммуникативной ошибкой мы считаем произвольное коммуникативно-значимое нарушение, ухудшающее восприятие и понимание речи или отдельного высказывания, позволяющее сделать некоторые выводы о его совершившем при условии определенной подготовленности второго участника общения.

Мы рассматриваем эмблематические коммуникативные ошибки как отправителя, так и получателя информации. Соответственно, отправитель некоего сообщения совершает эмблематическую ошибку по схеме (где О – отправитель информации, П – ее получатель):

О: речевое сообщение + ошибка

П: считывание ошибки как эмблемы => вывод об отправителе;

пример:

ситуация: коммуниканты за обеденным столом, приступают к первому блюду.

О: Маш, дай весло.

П: считывает отклонение от лексической нормы (ложка) => отправитель имеет непосредственное отношение к криминальному миру.

Эмблематическая ошибка, допускаемая получателем информации, происходит по двум наиболее частотным схемам:

1. О: речевое сообщение

П: неверная интерпретация => неадекватная первичному послылу отправителя информации реакция

О: считывание ошибки интерпретации как эмблемы => вывод о получателе информации;

пример:

ситуация: коммуниканты обсуждают музыкальные предпочтения.

О: А тебе какие песни Элтона Джона больше нравятся: ранние или более поздние?

П: А это кто?

О: (делает вывод: получатель информации не знаком с британской музыкальной культурой).

Как мы видим, получатель информации не отвечает первичному послылу отправителя – в данном случае не дает ответа на поставленный вопрос, а задает свой. Вопрос получателя свидетельствует о том, что он не знаком с культовым британским певцом и композитором, что вероятнее всего говорит о его незнании британской музыки в принципе.

2. О: речевое сообщение

П: верная интерпретация => неадекватная ожиданиям отправителя информации реакция

О: считывание ошибки ответной реакции как эмблемы => вывод о получателе информации;

пример:

ситуация: случайная встреча коммуникантов.

О: Привет, Кирюш!

П: Ненавижу, когда меня так называют.

О: (делает вывод: получатель информации находится в плохом настроении, так как обычно спокойно относится к подобному варианту своего имени).

Данный пример иллюстрирует ситуацию, в которой адресант не получает ожидаемой реакции: здесь – ответного приветствия, так как это подразумевают элементарные нормы этикета. На основании подобного отклонения адресант делает вывод о плохом настроении собеседника, но только в случае, если подобное поведение не свойственно ему в принципе.

Вопрос о влиянии эмблематических коммуникативных ошибок на исход коммуникации решается ситуативно. Среди наиболее вероятных можно выделить следующие варианты завершения общения:

1. собеседник не считывает эмблему - общение продолжается в начатом русле;

2. собеседник считывает эмблему - делает определенные выводы - вносит изменения в тактику поведения - общение продолжается в новом формате - второй участник общения принимает формат - коммуникативный акт имеет шанс на успех;
3. собеседник считывает эмблему - делает определенные выводы - вносит изменения в тактику поведения - общение продолжается в новом формате - второй участник общения не принимает формат - коммуникативный акт не достигает начальных целей, заданных его инициатором;
4. собеседник считывает эмблему - делает определенные выводы – считает данные выводы несущественными либо не влияющими на дальнейшее общения - общение продолжается - коммуникативный акт имеет шанс на успех;
5. собеседник считывает эмблему - делает определенные выводы – считает дальнейшее общение нецелесообразным либо невозможным – общение завершается без достижения целей, заданных его инициатором.

На исход коммуникации при возникновении описанных ранее нарушений влияет ряд факторов:

- условия протекания коммуникативного акта: чем расслабленней и непосредственней чувствуют себя собеседники, чем больше внимания они могут позволить уделять самому общению, тем больше шансов заметить и считать эмблематическую ошибку и сменить русло беседы: в экстренных ситуациях, например (пожар, наводнение, военные действия), на передний план выходят явления событийного характера;
- настроение коммуникантов при вступлении в диалог;
- субординация коммуникантов: даже в случае неоднократного совершения эмблематических ошибок старшим по званию, представителем руководства, отцом семейства, а и иногда и просто старшим по возрасту

человеком, шансы на то, что собеседник откажется от дальнейшего разговора или поспособствует его прекращению, малы;

- плотность ошибок: чем больше эмблематических ошибок совершено участником коммуникации, тем выше шансы на ее негативный исход;

- изначальная общность социального происхождения коммуникантов: как показывает практика, вне зависимости от занимаемого положения и принадлежности к тому или иному кругу, индивид подсознательно считает привычные для себя с детства узуальные нормы правильными и приемлемыми, даже в случае их отличия от литературных; именно поэтому знакомые с ранних лет говор, диалектизмы и прочие девиации не вызывают негативной реакции у индивида, который в силу ряда причин уже принадлежит к иной социальной группе;

- межличностные отношения коммуникантов: симпатия как важный фактор коммуникативного акта в состоянии сгладить эффект, производимый эмблематическими коммуникативными ошибками, особенно в случае межгендерного общения.

Принципиально важным вопросом в контексте рассмотрения эмблематических коммуникативных ошибок является ненамеренность их совершения. Ранее мы указывали на тот факт, что рассматриваем нарушение в качестве ошибки только в случае непреднамеренности его возникновения. Однако эмблема как таковая также является сложным феноменом, который может возникать либо в силу естественных причин, случая, либо может быть смоделирован намеренно, с определенной целью. Для того, чтобы разграничить два подобных явления, мы принимаем в нашей работе за истину тот факт, что эмблема может быть **реальной** либо **фиктивной**.

Реальная эмблема сообщает о владельце актуальную достоверную информацию, вне зависимости от того, намеренно он ее создает или нет. Приведем пример: во многих странах мира существует традиция, согласно которой студентам высших учебных заведений вместе с дипломом вручаются кольца или перстни выпускников. В одном из источников, посвященных

данной тематике, находим: «Вся элита российского общества когда-то хорошо знала цену этому памятного знаку. Чугунное изделие на палец в виде сомкнутых рук, изготовленное из колокола, носили выпускники Царскосельского лицея. Декабристы, окончившие Пажеский корпус его Величества, были объединены в братство подобными украшениями - носили особые перстни из стали и золота, на которых была надпись «№ из 30» (порядковый номер выпускника в соответствии с успехами в учебе) и год выпуска. Сочетание металлов перстня было не случайным, ибо пажи выбрали своим девизом девиз рыцарского Ордена тамплиеров: «Чист, как золото, тверд, как сталь». Сейчас эта красивая традиция - ношения перстней выпускниками - возвращается» (URL: <http://www.fdgold.ru/classrings/>). На подобных кольцах гравировются: название учебного заведения, имя выпускника и год его выпуска, а также зачастую тематическая картинка, соответствующая специализации ученика – зуб у стоматолога, нота у певца, раскрытая книга у филолога. Подобное кольцо – знак принадлежности человека к определенному вузу и, если он действительно его окончил, является реальной эмблемой, хотя и носится намеренно с целью указания на определенный этап в жизни индивида, его корни, образовательное прошлое.

Помимо этого, намеренно созданные эмблемы широко используются в маркетинге, превращаясь в узнаваемые торговые марки, угадываемые во всем мире лейблы и бренды.

Ненамеренной же реальной эмблемой может быть использование в речи специфических слов типа «scratcher» вместо нормативного «bed» или «purdies» вместо «potatoes», что в рамках англоязычной культуры свидетельствует о принадлежности человека к ирландскому обществу, так как эти слова являются характерными именно для него.

Отдельного внимания заслуживает **фиктивная эмблема**. Как уже было упомянуто ранее, важнейшей функцией эмблемы считается идентификация. На подсознательном уровне человек в течение своей жизни стремится достичь определенных ориентиров, примеров, которые закладываются у него

с детства и следуют за ним в течение всего личностного становления, постепенно претерпевая некие изменения. Чаще всего подобные идеалы связаны с вопросами самореализации, принадлежности к какому-либо привилегированному, с точки зрения индивида, обществу. Индустрия развлечений и средства массовой информации способствуют созданию подобных идеалов, формируют ценностную картину в сознании человека. Как следствие, объектами желания и признаками избранности, достатка и успешности становятся определенные вещи или действия, необходимые для создания имиджа успешного человека. Дорогой автомобиль, редкие часы, роскошное жилье, молодая привлекательная спутница у мужчин, люксовая косметика, фешенебельный отдых, изысканная одежда и обеспеченный спутник у женщин – все эти признаки могут рассматриваться как эмблемы. Однако реальными эмблемами они будут являться только в случае действительно высокого социального положения и материального благосостояния владельца. В современном обществе существует тенденция приобретения дорогой вещи с целью создания определенного имиджа, даже если для этого человеку приходится ограничивать себя в чем-то другом. Такая эмблема, как дорогой телефон, купленный в кредит, по нашему мнению, должна считаться фиктивной, ведь она наводит на мысль о значительной обеспеченности, коей ее обладатель на самом деле не отличается.

Возвращаясь к языковому пространству, следует отметить, что для достижения определенных целей, индивид в некоторых случаях прибегает к моделированию, созданию некой эмблемы, которая позволила бы ему быть причисленным к желаемому обществу. Для этих целей он может использовать либо свойственную данному социуму лексику, либо копировать произносительные особенности, жесты, позы и прочие эмблематические факторы. В подобном случае возникает вопрос о том, как понять, является ли эмблема, обратившая на себя внимание, реальной, или же она фиктивна.

В качестве примера мы предлагаем рассмотреть такую ситуацию: индивид пользуется девиантными выражениями и конструкциями, характерными для криминального мира: работников мест заключения или бывших заключенных. Предположим, что мотивы и побуждения к этому нам неизвестны. Итак, основной задачей является определить, относится ли индивид к тому обществу, принадлежности к которому он демонстрирует. Для упрощения дальнейшего повествования в своей работе мы вводим понятие «**эмблематор**» - человек, намеренно создающий эмблему с целью вложения в нее смысла, не соответствующего действительности.

На основании проведенного анализа различных ситуаций мы предлагаем следующие параметры диагностики реальности демонстрируемых эмблем:

- однородность речевой и поведенческой картины,
- непрерывность речевого темпа,
- адекватность использования девиантных единиц,
- сохранение стиля поведения при смене коммуникативных условий;

паралингвистический фактор.

Однородность речевой и поведенческой картины заключается в двух моментах:

1. в установлении, сохраняет ли индивид, прибегающий к специфической лексике и нестандартным поведенческим решениям, подобный стиль самопозиционирования на протяжении всего коммуникативного акта, сколь угодно долго бы он не проходил. То есть, например, человек, неоднократно прибегавший к терминам «мочкануть», «завалить», «вальнуть», неожиданно использует нормативный вариант «убить», и вероятнее всего, не является тем, за кого себя выдает;
2. в анализе речи с позиции соответствия всех лексических единиц, фонетики и грамматики низкому уровню. Например, фраза «Тебе, порч, целесообразно было бы пасти метлу, если не стремишься

получить перо в бочину» звучит странно в связи с неоднородностью использованных в ней выражений.

Параметр **непрерывности речевого темпа**. Согласно гуманитарному словарю, темпом речи является «скорость произнесения речевых элементов разной протяженности. Темп речи измеряют двумя способами: как число звуков (или слогов), произносимых в единицу времени (например, в секундах), или как среднюю длительность звука (слога). Темп речи каждого отдельного индивидуума может меняться в широких пределах — от 60—70 мс при быстрой речи до 150—200 мс при медленной» [РГЭС, 2002]. Особое внимание следует обращать на паузацию, то есть размещение пауз в речевом потоке. Совершая ту или иную эмблематическую коммуникативную ошибку намеренно, индивид подсознательно постарается выделить ее в своем высказывании, замедлив темп речи или сделав микропаузу, чтобы привлечь внимание собеседника. Даже если в ситуации реального общения это не будет явно выражено, приборы могут фиксировать подобное изменение.

Фактор адекватности использования девиантных единиц заключается в том, прибегает ли индивид к отклонениям от нормы естественно, непринужденно и в случаях, где девиация, согласно его логике, уместна, либо же старается использовать как можно больше подобных нарушений для иллюстрации владения данным материалом.

Фактор сохранения стиля поведения при смене коммуникативных условий состоит в том, сохраняется ли избранная тактика и манера поведения индивида в условиях меняющейся ситуации, которая обуславливает протекание коммуникативного акта: например, в случае сильного стресса, ярости, страха, повышенной усталости или болезни отправителя подобных сигналов. Во всех перечисленных состояниях уровень самоконтроля снижается, что неизменно приводит к тактическим промахам.

Значимость способности грамотно считывать и интерпретировать эмблематические коммуникативные ошибки трудно переоценить. Обладая

подобным знанием, можно делать выводы о таких важных вещах, как происхождение собеседника, его принадлежность к определенной культуре, образованность, возраст, состояние здоровья. Также это дает возможность предугадать, не будет ли данный индивид опасен, что можно от него ожидать, можно и нужно ли строить с ним диалог. Помимо этого, способность интерпретировать эмблематические коммуникативные ошибки дает шанс выстраивать свою собственную стратегию поведения, выбирать необходимые тактики в общении, считывая эмоциональную реакцию собеседника на вынесенные утверждения, просьбы и прочее. В завершение также необходимо отметить, что подобная информация раскрывает новые, интересные аспекты личности, владеющей языковыми и паралингвистическими средствами, позволяет прикоснуться к внутренним ценностным и духовным ориентирам человека.

Выводы

Коммуникативная ошибка представляет собой коммуникативно-значимое нарушение, существенно ухудшающее восприятие и понимание речи или отдельного высказывания. Важнейшим условием отнесения отклонения от нормы непосредственно к ошибке считается непреднамеренность его совершения. В редких случаях коммуникативные ошибки могут создать комический эффект.

Анализируя коммуникативную ошибку с позиции слушающего, наиболее важным представляется нарушение интерпретации сообщения (непонимание, недопонимание, недоразумение). Ошибки отправителя речи отличаются фактически безграничным многообразием, особенно в условиях билингвизма.

Ошибки говорящего делятся на три основные группы: системные, нормативные и ситуативные. Системные ошибки обусловлены выбором ненормативного варианта из ряда предлагаемых языковой системой.

Нормативные ошибки представляют собой нарушение образцового, общепризнанного употребления элементов языка (слов, словосочетаний, предложений), а также нарушение правил использования речевых средств в определенный период развития языка в целом (акцентологические ошибки, грамматические ошибки, орфографические, лексические, орфоэпические ошибки). Ситуативными же ошибками являются такие отклонения в речи говорящего, которые не препятствуют пониманию речевого сообщения, но могут его затруднить в связи с неуместностью высказывания или его части.

В пространстве коммуникативного акта информация зачастую передается не прямым путем, а посредством различных сигналов или знаков, среди которых выделяется эмблема. Эмблема допускает только одну интерпретацию и не подлежит толкованиям, а важнейшей ее функцией представляется идентификация. Эмблематика служит средством упрощения содержания высказывания или его информационного дублирования. В нашем исследовании мы предлагаем следующие типы эмблематичности: 1) ориентационная эмблематичность, 2) статусная эмблематичность, 3) парольная эмблематичность. Ориентационная эмблематика заключается в оценке по степени соответствия ожидаемому положению дел. Статусная эмблематичность заключается в указательной сущности эмблемы как индексе социального положения индивида. Эмблема в данном случае выступает определенным признаком, осознанно или бессознательно выбранным человеком для передачи информации о его месте и/или значимости в обществе. Парольная эмблематичность позволяет идентифицировать собеседника в качестве «своего» и «чужого» и, как результат, выстраивать определенную тактику поведения в процессе коммуникации.

Эмблематической коммуникативной ошибкой мы считаем произвольное коммуникативно-значимое нарушение, ухудшающее восприятие и понимание речи или отдельного высказывания, позволяющее

сделать некоторые выводы о его совершившем при условии определенной подготовленности второго участника общения.

На исход коммуникации при возникновении подобных нарушений влияют следующие факторы: 1) условия протекания коммуникативного акта; 2) настроение коммуникантов при вступлении в диалог; 3) субординация коммуникантов; 4) плотность ошибок; 5) изначальная общность социального происхождения коммуникантов; 6) межличностные отношения коммуникантов.

Эмблема как таковая является сложным феноменом, который может возникать либо в силу естественных причин, случая, либо может быть смоделирован намеренно, с определенной целью. Мы разграничиваем эмблемы реальные и фиктивные. Реальная эмблема сообщает о владельце актуальную достоверную информацию, вне зависимости от того, намеренно он ее создает или нет. Фиктивная эмблема намеренно моделируется индивидом с целью передачи информации, несоответствующей реальности. Мы предлагаем следующие параметры диагностики реальности демонстрируемых эмблем: 1) однородность речевой и поведенческой картины, 2) непрерывность речевого темпа, 3) адекватность использования девиантных единиц, 4) сохранение стиля поведения при смене коммуникативных условий. Однородность речевой и поведенческой картины заключается в двух моментах: 1) в установлении, сохраняет ли индивид, прибегающий к специфической лексике и нестандартным поведенческим решениям, подобный стиль самопозиционирования на протяжении всего коммуникативного акта, сколь угодно долго бы он не проходил; 2) в анализе речи с позиции соответствия всех лексических единиц, фонетики и грамматики определенному уровню. Параметр непрерывности речевого темпа подразумевает анализ размещения пауз в речевом потоке (не старается ли индивид, намеренно совершающий или иную эмблематическую коммуникативную ошибку, выделить ее в своем высказывании, замедлив темп речи или сделав микропаузу, чтобы привлечь внимание собеседника).

Фактор адекватности использования девиантных единиц заключается в том, прибегает ли индивид к отклонениям от нормы естественно, непринужденно и в случаях, где девиация, согласно его логике, уместна, либо же старается использовать как можно больше подобных нарушений для иллюстрации владения данным материалом. Фактор сохранения стиля поведения при смене коммуникативных условий состоит в том, сохраняется ли избранная тактика и манера поведения индивида в условиях меняющейся ситуации, которая обуславливает протекание коммуникативного акта: в случае сильного стресса, ярости, страха, повышенной усталости или болезни отправителя подобных сигналов. Во всех перечисленных состояниях уровень самоконтроля снижается, что неизменно приводит к тактическим промахам.

Обладая способностью грамотно считывать и интерпретировать эмблематические коммуникативные ошибки, можно делать выводы о таких вещах, как происхождение собеседника, его принадлежность к определенной культуре, образованность, возраст, состояние здоровья. Способность интерпретировать эмблематические коммуникативные ошибки дает шанс протраивать свою собственную стратегию поведения, выбирать необходимые тактики в общении, а также раскрыть новые значимые аспекты личности собеседника.

Глава 2. Интерпретация эмблематических коммуникативных ошибок

2.1. Типология эмблематических коммуникативных ошибок

В своей работе на основании изученного теоретического и практического материалов мы выделяем ряд дихотомических типов коммуникативных ошибок, каждый из которых при определенных обстоятельствах, участниках общения и контексте может быть эмблематическим.

Исходя из критерия системности, мы выделяем **системные** и **нормативные** ошибки. Системные ошибки обусловлены, во-первых, выбором ненормативного варианта из ряда предлагаемых языковой системой. Учитывая богатство языка, очевидно, что языковая система имеет тенденцию предоставлять вариативные пути выражения определенного смысла, однако если индивидом была выбрана опция, не принимаемая языковой нормой, фиксируется ошибка. Во-вторых, системными мы считаем ошибки, ломающие смысловые связи в процессе коммуникативного акта: нарушения плана высказывания, несоответствие ответа вопросу либо просьбе и прочее.

Нормативные ошибки представляют собой нарушение образцового, общепризнанного употребления элементов языка (слов, словосочетаний, предложений), а также нарушение правил использования речевых средств в определенный период развития языка в целом.

Принимая за основу критерий коммуникативной релевантности, мы предлагаем выделить **релевантные** и **нерелевантные** ошибки. В нашей работе коммуникативная релевантность рассматривается как соответствие получаемого результата коммуникации желаемому, или, иными словами, достижение коммуникативной цели. В соответствии с этим, нерелевантными нам представляются ошибки, не влияющие в целом на исход коммуникации и не делающие достижение коммуникативной цели невозможным.

В свою очередь релевантные ошибки не только вызывают затруднения в процессе общения, но и делают коммуникативную цель недостижимой.

Исходя из критерия участника общения, мы предлагаем выделить ошибки **адресантные** и **адресатные**. Адресантными являются те ошибки, которые были совершены отправителем речи (информации).

Адресатные же ошибки, напротив, совершаются реципиентом.

Принимая за основу критерий культурной пресуппозиции, мы предлагаем рассмотреть ошибки **поведенческие** и **структурно-языковые**. Поведенческие ошибки условно лежат вне языкового выражения, другими словами, это ошибки в тех аспектах коммуникативного акта, которые не связаны исключительно с этим выражением.

В отличие от поведенческих, структурно-языковые ошибки связаны исключительно с нарушениями языковой системы, сломом привычной и правильной языковой конструкции.

Выделенные типы рассматриваются нами как одна из возможных вариаций систематизации коммуникативных ошибок по их существенным признакам, а их интерпретативное раскрытие, описанное далее в работе, как наиболее вероятное, но не единственно возможное. Типологизируя коммуникативные нарушения в своем исследовании, выбирая характер типологизации, а также приводя примеры раскрытия эмблематического потенциала нарушений, мы прежде всего исходим из критериев частотности, вероятности, а также диагностируемости.

2.2. Интерпретация системных и нормативных коммуникативных ошибок

Исходя из критерия системности, мы выделяем **системные** и **нормативные** эмблематические коммуникативные ошибки. Системные ошибки рассматриваются как выбор ненормативного варианта из ряда предлагаемых языковой системой, а также отклонения, нарушающие

смысловые связи процесса коммуникации; нормативные – как нарушение образцового, общепризнанного употребления элементов языка (слов, словосочетаний, предложений), а также нарушение правил использования речевых средств в определенный период развития языка.

По своей сути, причинам возникновения и последствиям в контексте коммуникативного акта серьезней и весомей целесообразно считать системные ошибки. Подобные девиации невольно привлекают все внимание собеседника, ставят в тупик, выбиваются из нормального течения диалога, так как ломают важнейшую и первостепеннейшую основу общения – языковую систему. При их возникновении, собеседник уже не улавливает сюжет беседы, поскольку нарушается вся картина повествования. Отклонения такого типа в подавляющем большинстве случаев эмблематичны, исключение составляют лишь единичные оговорки. Индивид, систематически совершающий подобные девиации может быть идентифицирован как:

1. человек, не владеющий данной языковой системой вследствие принадлежности к иной лингвокультуре,
2. человек, характеризующийся наличием отклонений в психике.

Первый случай, как представляется очевидным, встречается чаще. Ошибки иностранца затрудняют понимание, могут вызвать смех или смущение, однако стоит отметить, что смысл сказанного в целом всегда понятен, и определить цель начала коммуникативного акта тоже представляется возможным – будь то информирование, побуждение к действию, вопрос и прочее.

Иностранцы, говорящие на русском, часто неверно выбирают суффиксы, передающие значение несовершенного вида по аналогии с наиболее часто ими встречающимися. Например, правильными использованиями суффиксальных форм являются: *развесить – развешивать, подкрасить – подкрашивать*, но *огласить – оглашать*, в то время как носителем другого языка по аналогии может быть выбрана неправильная

форма *оглашивать*. Обратная ситуация возникает и в случае, когда русские говорят на английском языке. Учитывая специфику восприятия временного континуума представителями русскоязычной лингвокультуры, использование глаголов состояния вызывает у них трудности, особенно при необходимости передачи протяженности во времени. «*I'm agreeing with you*», «*Julia has been preferring tea to coffee for all her life*», и, наиболее частое нарушение, искажающее конвенциональную норму, «*I have been knowing him for ages*». Возвращаясь к вопросу эмблематичности, для человека, знакомого с правилами употребления этих глаголов (необязательно носителя языка, например, квалифицированного преподавателя), нарушение подобного рода сразу же выступит считываемым в качестве эмблемы – сигнала, что перед ним носитель другой лингвокультуры.

Совсем иная картина наблюдается в случае совершения эмблематических коммуникативных ошибок второго типа: свидетельствующих о трудностях в работе психических механизмов индивида.

По заявлению представителя России в ВОЗ по психиатрии доктора медицинских наук Зураба Кекелидзе, по данным Всемирной организации здравоохранения каждый четвертый-пятый человек в мире страдает тем или иным психическим или поведенческим расстройством [Кекелидзе, 2010]. Разумеется, наличие подобного расстройства не может не сказаться на процессе коммуникации индивида, а поведенческие особенности – остаться незамеченными для окружающих. В лингвистике даже существует особый раздел, позволяющий врачам-психиатрам на основании анализа речи больного давать относительно точный диагноз психического заболевания – патоллингвистика.

Одним из ярких примеров подобных эмблематических коммуникативных ошибок служат явления, связанные с расстройствами и нарушениями речи, возникающими вследствие органического поражения тех участков мозга, которые отвечают за речевую зону (пороки развития нервной

системы, опухоли головного мозга, нарушение мозгового кровообращения).

В подобных случаях ярко выраженными становятся:

1. дезорганизация темпа речи («спотыкания»),
2. нарушения звукопроизносительной стороны речи (дизартрия),
3. полная или частичная ее утрата способности речевого выражения (тотальная и моторная афазии).

Темп речи может быть дезорганизован по-разному:

- речь замедлена, прерывается растягиванием гласных звуков, говорящий вставляет восклицания, указывающие на постоянные трудности в выборе слов или общих формулировок речи (*на вопрос: кто изображен на картинке – конь или пес: «Я думаю, кто! Как бы, нет, не оооон»*);

- речь ускорена, слова повторяются, однако согласные и гласные звуки артикулируются аномально, путаются или заменяются другими (*«там нету, нету, под собачей сертю»*).

В случае же дизартрии, мы имеем дело с нарушением непосредственно звукопроизносительной и просодической сторонами речи: интонационная картина не соответствует смыслу сообщения, взаимозаменяются звуки, близкие по месту артикуляции, они путаются, зачастую сливаются, искажаются: *каштюля (кастрюля), бастлет (браслет), шраф (жираф)*. Подобные девиации среди прочих симптомов могут свидетельствовать о следующих заболеваниях:

- церебральный паралич,
- олигофрения,
- гидроцефалия,
- задержка психического развития,
- минимальная мозговая дисфункция,
- осложнения, вызванные нарушением мозгового функционирования.

Целый ряд психических заболеваний находит выражение через речь больного. Согласно Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем (в частности МКБ-10),

шизофрения имеет следующие симптомы, связанные с коммуникативными действиями больного: разорванность речи, обилие неологизмов, бедность или неадекватностью эмоциональных реакций, негативизм (например, больного просят подать руку, а он ее прячет), мутизм (отсутствие ответной или спонтанной речи) [1999, URL: <http://mkb-10.com/>]. Руководство по диагностике и статистике психических расстройств (DSM-IV: Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders) добавляет к перечисленному дезорганизованность речи (например, частые соскальзывания или непоследовательность, абстрактное содержание речи) [2009, URL: <http://dsm4tr.com/>]. Приводим выдержку из монолога больного шизофренией:

«Всё предстаёт предо мной как какое-то расплывчатое, какое-то туманное ощущение. Появляется как бы непрозрачность воздуха, отсюда появляется плоскостность и потеря объёмности; вот... э... поэтому всё видимое производит впечатление фотографичности. Кроме того, наблюдаются явления.... ммм... того, что всё видимое находится как в темноте; я существую как бы во мраке. Звуки, которые доходят до меня, доходят издали. Действительность, которая все-таки, в конце концов раздражает меня, предстаёт как бы немножко издали, она как бы... видится в мираже, она не реальная! Главное то, именно что я ушёл от самого себя, ушёл от внешнего мира и, оставаясь человеком ещё ... ммм... способным что-то осмысливать, я вижу действительность как бы отдалённой, ушедшей от меня! Моё Я настолько до конца стёрлось, что появилось какое-то вторичное ощущение моего Я, то есть появилось одновременно отсутствие моего Я настоящего и появление какого-то чужого Я...

Отмечу характерную особенность восприятия: когда я смотрю на предмет, то глаз... ммм... как бы обегает, он хватается существенное целое это предмета, причем выпадают конкретные особенности предмета... Так как у меня постоянно нет присутствия Я, появляется такая пустота внутренняя, то есть нет радости ощущения Я, то есть нет радости

вообще бытия! Я конкретно не вступаю в своё нормальное историческое существование, так? Появляется, так сказать, уход, углубление в такое само-бытие, то есть это достигло такого, такого качественного предела, когда уже произошёл какой-то переворот, переворот - внутри, качественный, который заставил появиться вот этому новому, чуждому Я» [Большая медицинская энциклопедия, 1960]. В данном фрагменте помимо указанных ранее особенностей важнейшей является отсутствие направленности речи на собеседника, нет обращений к кому-либо, общение ведётся исключительно с самим собой.

В описании признаков *истерического расстройства личности* МКБ-10 и DSM-IV отмечают самодраматизацию, театральность, преувеличенное выражение эмоций при выраженной поверхностности и лабильности эмоциональности, неадекватная обольстительность во внешнем виде и поведении, провокационное поведение, импрессионистский стиль речи с недостатком внимания к деталям. Необычным проявлением подобных расстройств также является пуэрилизм – явная детскость в речи и поведении больного, считающего себя ребенком; больной капризничает, часто плачет, просит поиграть с ним.

Однако наиболее частотным признаком истерического расстройства является псевдодеменция. В специальной литературе находим такое описание подобного явления: «Относительно легким и сравнительно неглубоким из истерических расстройств является псевдодеменция. Человек перестает правильно отвечать на вопросы, с нарочито расстроенным выражением лицам оглядывается по сторонам, таращит глаза, как бы изображая слабоумного и беспамятного. На простые вопросы дает нелепые ответы, но по содержанию вопроса. Неправильные ответы иногда сочетаются с неправильными действиями: так, больной, успешно совершая более сложные движения, не может отпереть ключом дверь, открыть коробку спичек и совершить другие простейшие операции. Типичной особенностью псевдодементного состояния является контраст между неправильными

ответами, поступками и действиями в простых обстоятельствах при одновременном сохранении сложных решений и действий» [Дроздов, 2007]. Приводим выдержки разговора с больной, страдающей подобным расстройством (В – врач, Б - больная):

«В: - Какое сегодня число?»

Б: - Не знаю.

В: - Какой месяц?»

Б: - Не знаю.

В: - Какой год?»

Б: - Шестидесятый? Первый?»

...

В: - Сколько у вас пальцев?»

Б: - У меня нет пальцев.

В: - Ну как же, вот у вас пальцы. Посчитайте.

Б: - Двенадцать, много.

...

В: Знаете ли вы пословицу...

Б (перебивает): Я пословиц не знаю.

В: А что это за пословица – «тише едешь, дальше будешь»? Как ее понять?»

Б: А я не знаю почему – тихо ехать, а дальше будешь. Я не знаю.

В: А как понять: «не в свои сани не садись»?»

Б: Я не садилась» [БМЭ, 1960].

Примечательным фактом является то, что данной пациентке 46 лет, и она – женщина, получившая образование. Речь во время интервью медленная, крайне вялая, реакции не охотные, через силу. Частые паузы, вздохи. Подобные расстройства речи и сознания психиатры считают временными, а также связывают с тяжелыми эмоциональными травмами, зачастую потерями.

В МКБ-10 и DSM-IV описываются симптомы маниакальной и депрессивной фаз *биполярного аффективного расстройства*. Для маниакальной фазы свойственны: многословная, ускоренная речь, падение количества смысловых ассоциаций с параллельным нарастанием механических ассоциаций (по сходству и созвучию в пространстве и времени). В данной фазе больной постоянно шутит, смеется, однако при этом возможны кратковременные вспышки гнева. Ярко выражено речевое возбуждение, оно достигает степени скачки идей. Вести с больным последовательную беседу невозможно в связи с выраженным двигательным возбуждением и отвлекаемостью. Приводим запись части монолога женщины, находящейся в маниакальном состоянии. Первая часть данного сообщения произносится как одно предложение, без пауз.

«У меня муж-то капитан, че-то, моряк, я когда к нему ехала на эту самую, в международном вагоне, на эту самую, Камчатку, в Петропавловск, черт его совсем задери, так, в Петропавловске-Камчатском я жила там, вы что не поверите, я – дочь генерала, сразу, мне только сказал муж: «Голубка, прилети ко мне!», он шифрочку мне как дал, там нужно одно дельце разобрать, я сразу села в международный, раз, затем я села на турбоэлектроход-дизель, два!, и сразу голубка прискакала к своему милому, сразу посмотрела, сразу прилетела обратно в Москву, сразу после этого кое-кого сняли, кое-кого поставили на место, и потом сразу же наш флот стал гораздо лучше.

(Начинает петь):

Тараритататам!

Вы смотрели или нет «Высоту», да?

Как вам этот фильм там нравится?

Как вам Рыбников там нравится?

Говорят, он тож да мной-да,

И немножко тоже-тоже.

Это было ну когда-то,

Когда я к папочке приходила в госпиталь,
 Я с ним встретилаьс однажды
 В коридорчике, случайно.
 Он так мне подмигнул,
 Что я просто растаяла,
 Что я просто все позабыла,
 Неужели это правда,
 Что я так хороша собой.
 Ну, давайте вместе, в унисон! Что, нет голоса? Безобразие!
 Слушайте, дайте немедленно, что, стул мне! Или, как его, рояль мне!»
 [БМЭ, 1960]

Речь пациентки настолько быстрая, что слова трудно разобрать, понять смысл высказывания в целом можно, однако из-за скачки идей это становится проблематичным. Голос сиплый, что также характерно для периода маниакального состояния.

В депрессивной же фазе отмечается снижение настроения, медленная, немногословная, тихая речь, переходящая в шепот, ответы на вопросы односложные, с большой задержкой. По своей сути и особенно в сравнении с маниакальным состоянием, депрессивная фаза не так явна и примечательна.

Речь больных аутизмом имеет форму эхоталий (повторы элементов речи, услышанных от окружающих, по радио или телевизору), понимаются только простые однозначные императивы ("садись", "ешь", "закрой дверь" и т.д.). Американские ученые описывают речь аутистов следующими терминами: «machine-like», «monotonic», «sing-song» [2009, URL: http://www.special-learning.com/article/abnormal_speech_patterns_in_autism].

Поскольку абстрактное мышление отстает в развитии, дети-аутисты часто не понимают таких элементов речи, как, например, местоимения. В случае подобного отклонения внимание в первую очередь привлекает не речь больного (зачастую им свойственна неразговорчивость), а, напротив, отсутствие ответной реакции на коммуникативный позыв.

Помимо психических заболеваний, существуют куда более распространенные психогенные обратимые расстройства, среди которых наиболее часто встречается *невроз*. В процессе коммуникации невроз часто проявляется в проблемах в общении, связанных с неадекватно заниженной или завышенной самооценкой, плаксивостью, раздражительностью, а также чувствительностью к громким звукам (в том числе голоса собеседника).

Психические расстройства находят не только устное выражение. В судебной психиатрии особое внимание уделяется письменной речи больных с различными симптомами известных девиаций. Например, отмечается, что письма, написанные в маниакальном состоянии, отличаются своеобразным стилем (присутствуют непоследовательность и несвязность в изложении, доходящие до полной бессвязности), быстротой течения идей, что вызывает нарушение логической связи. Характерным для таких больных является злоупотребление при письме точками (точки ставятся почти после каждого слова). В депрессивной же стадии больные пишут мало, часто не дописывают слова. Характерно употребление вставок, исправлений. В тяжелых случаях наблюдаются орфографические и грамматические ошибки. В своих письмах больные часто повторяют одни и те же жалобы, выраженные короткими фразами с тяжелой конструкцией [Томилин, 1963, с.83].

Письму больных шизофренией свойственно повторение одной и той же буквы по несколько раз, писание справа налево, наклонность писать второй текст между слов первого текста, желание писать колонками и т.д. Больные придумывают новые слова, иллюстрируют написанное малопонятными или вообще непонятными чертежами и рисунками, имеют крупный почерк с заполнением страницы всего лишь несколькими буквами или словами, которые причудливо украшают разнообразными узорами [там же].

Разумеется, выделение всех перечисленных коммуникативно-значимых нарушений непосредственно в симптомы определенных заболеваний, а также способность к его диагностированию являются прерогативой врачей-специалистов, что еще раз доказывает необходимость осведомленности при

считывании эмблемы, коей в данном случае является девиативное поведение индивида: несведущий в вопросах психиатрии человек сможет понять, что перед ним нездоровый человек, врач же точно скажет, что это, например, шизофреник.

Существуют ситуации, в которых правильное и своевременное считывание коммуникативно-значимых отклонений может сохранить человеку жизнь и здоровье, например, в случае внезапной потери речи, возникающей при ряде серьезных физиологических нарушений:

- острым нарушении мозгового кровообращения, более известном как инсульт,
- эпилептическом припадке,
- опухоли или абсцессе мозга.

Нормативные эмблематические коммуникативные ошибки являются более частотными, нежели системные, так как их появление допускают и психически здоровые люди, и носители языка, являющегося родным для общества, в котором находится индивид.

По своей природе данные ошибки, несмотря на нарушение образцового употребления языковых элементов, внутри определенного социума не считаются ошибками в принципе. Напротив, подобное использование языковых средств становится новой нормой, автономной и не зависящей от литературной, которая превращается в чужеродную. Подобная характеристика указывает нам на важнейшее свойство коммуникативной ошибки как таковой – она ситуативна. Это означает, что одна и та же девиация, допущенная в разных условиях, в одних будет считаться ошибкой, а в других – нет. Для примера рассмотрим диалектизмы. Употребление такой специфической лексики на официальном мероприятии, все участники которого придерживаются литературных норм, будет ошибочно и приведет к негативным последствиям, в то время как в условиях непринужденного общения с носителями данного диалекта именно использование актуальных диалектизмов будет являться нормативным.

Согласно словарю лингвистических терминов, диалектом является «местное или социальное наречие, говор, являющиеся разновидностью общенародного языка» [Жеребило, 2010]. Любой диалект содержит в себе большое количество особых явлений, маркеров, по которым можно его узнать. Эти маркеры называются диалектизмами. Не стоит путать диалектное слово и диалектизм. «*Кочет* (петух) в диалекте – это диалектное слово. Употребленное в литературном языке – диалектизм. Употребление диалектизмов в литературном языке приводит к нарушению чистоты речи. В художественных произведениях диалектизм используется как одно из средств образности. В частности, диалектизмы могут использоваться при создании речевой характеристики персонажей» [Жеребило, 2010].

В этом же источнике находим различия следующих типов диалектизмов:

- грамматические диалектизмы (слова, имеющие иные, чем в литературном языке, грамматические характеристики);
- лексические диалектизмы (слова, отличающиеся и по форме, и по значению от слов общенародной лексики);
- морфологические диалектизмы (тип диалектизмов, обладающих специфическими диалектными категориями и формами);
- фонетические диалектизмы (слова, в которых отражаются фонетические особенности того или иного диалекта);
- этнографические диалектизмы (тип диалектизмов, обозначающий свойственные данной территории предметы быта, пищи и т.п.) [Жеребило, 2010].

Проиллюстрировать данные явления можно, взглянув на два интересных и богатых диалекта – донской казачий в рамках русскоязычной культуры и эбоникса (афроамериканского диалекта) – в англоязычной.

Рассматривая донской казачий язык, обратимся к роману А.П. Коханова «Лазоревая степь», в котором красочно переданы все нюансы этого специфического, живого и по сей день развивающегося диалекта.

Грамматические диалектизмы представлены в следующих примерах: *к Покрову дню* (вместо «в Покров день»); *память сохранить об муже моем золотом*; *поднялся от брезента*.

Лексическими диалектизмами речь казаков по истине изобилует: *кричатъ – плакать, няхай – пускай, гутарить – говорить, дураковать – шалить, жонка – жена, карпятки – носки, надьсь – недавно*.

Фонетические диалектизмы отмечаем по тексту: *жавика (ежевика), ишо (еще), шашнадцать (шестнадцать), ндравится*. Интересной особенностью является следующая закономерность – чем старше человек, тем больше отдалено его произношение от литературной нормы в условиях определенного диалекта.

Среди морфологических диалектизмов можно выделить – *силов не хватит, едутъ, ждетъ, ночей (ночью)*.

Этнографические диалектизмы также встречаются в речи донских казаков: *загнетка* – место в русской печи, куда ставят чугунок; *каймак* – пленка, образующаяся при кипячении молока.

Однако, для того, чтобы оценить специфику рассматривать речи казаков, лучше взглянуть на небольшой отрывок, иллюстрирующий практически все вышеописанные явления:

«В это время начало смеркаться. Атаманец левадой об лощину. Заметил Варькю и к Бодягину кургану подалси. Условились они при мимолетной встрече, что там он ие последний раз поцалуить. Минут через пять и молодушка туды ж подкатила. Должен заметить, что Варькя в то время в жалмерках пребывала, муженек ие службу ломал где-то не в наших краях. Она, ох и дюже разбитная была, под надзором свекра пребывала. Он, муж ие, Федор, на ней жанился перед самой службой. Я в то время уже смышленный был, знал што по чем. Выйдить, бывало, на край станицы, это у нас в Денисовке дело было, куток наш так, в Верхне-Чирской называлси» [Коханов, 2009].

Переходя к эбониксу, мы предлагаем рассмотреть данный диалект на примере афроамериканских песен, очень популярных на данный момент. В их текстах отмечаем следующие диалектизмы:

- грамматические диалектизмы: отсутствие формы третьего лица единственного числа: «... *now that don't kill me can only make me stronger*» [Kane West, 2007], частое отрицание в любом времени и форме через *ain't*: «*as long as she ain't stopping*» [50 Cent, 2005], двойное отрицание: «*cause ain't nowhere in the globe I'd rather be*» [Akon, 2003];

- лексические диалектизмы: *ya* – *you*, *nay* – *no*, *hood* – *neighborhood*, *flick* – *cinema*;

- морфологические диалектизмы: *wanna* – *want to*, *going to* – *gonna*;

- фонетические диалектизмы: произнесение буквосочетания *th* как [f]: *brother* – [brʌfə]; *nothing* – [nʌfɪŋ];

- этнографические диалектизмы: *wanksta* – ненастоящий, фальшивый гангстер; *yayo* – кокаин, *drive by shooting* – стрельба из проезжающего мимо автомобиля.

Оба описанных диалекта являются реальными, возникшими естественным путем и функционирующими в определенных социальных кругах в условиях действительного общения людей. Тем не менее, не все диалекты «настоящие». В связи с тем, что в современном мире процесс коммуникации зачастую переносится в виртуальное пространство, люди имеют возможность выражать свою фантазию в языковом творчестве. На данный момент существует не один искусственно созданный диалект, обладающий интересными и привлекающими внимание чертами. Одним из них является популярный на сегодняшний день «Йожиный диалект» – созданная людьми фонетическая запись русского языка, якобы ведущаяся от Йожа (абстрактного персонажа, вобравшего в себя представления о ежах).

Приводим пример данного диалекта, в котором сам Йож комментирует это явление:

«Аапачиму ввы спрашываитти? Ф.ф. ФФ,.фФфФФ!!! йожыннаэ норречие йесть таййнай изыкъ ащенийа ЙОЖЭЙ, абетаюущих въ деббрых варонишишских лисоф инагда пат икаффам... праисхажденнее изыка давольна баналльнае: оччинь трудны пападать йожынай лаппай панужнай кнопкимдыр. аднакка нивзирая нна ету баналнастць ии видимайу прастату громатекимдыр, йожынаэ норречие давольна сложжно въ иизученийи ии дайотся далеко нифсем ехехехехех... сложжнастць заключаитца фтом ишта громатическии искажэннея ниретка имейуть кантекстна-зависсимый либба интуетиввнай характер инипадайуцца фармалецаззыи... нно зото ФАРМАЛИНИЗАЦЦЫИ атлична пададутса фсякие никашэррнаи аляшы пытайушчиися скампрамитиравать йожэй ниабаснованными напатками паповаду «урродаванейа русскава изыка», хехехех... оттто кливита!» [Луркоморье, 2012]

В данном случае довольно тяжело говорить о каких-либо закономерностях, скорее, подобная языковая вариация выполняет рекреативную функцию: развлечь, рассмешить собеседника.

Говоря о диалектизмах, важно отметить, что иногда употребления в речи всего одного подобного явления уже позволяет отнести человека к тому или иному этнокультурному сообществу, так как подобное коммуникативное нарушение обладает мощным эмблематическим потенциалом.

2.3. Интерпретация релевантных и нерелевантных коммуникативных ошибок

Основываясь на критерии коммуникативной релевантности, мы разделаем **релевантные и нерелевантные ошибки**. Исходя из того, что коммуникативная релевантность рассматривается нами в качестве соответствия получаемого результата коммуникации желаемому (достижение коммуникативной цели), нерелевантными ошибками мы обозначаем те, что не влияют в целом на исход коммуникации. В данном аспекте мы

сталкиваемся непосредственно со сферой межличностных взаимоотношений (как культурных, так и общечеловеческих), а также с коммуникативной ситуацией, обуславливающей процесс общения. Такие нарушения, как оговорки, описки, опечатки, ослышки, неточности зачастую не влияют на исход разговора, и даже могут положительно воздействовать на него, привнеся юмористическую окраску коммуникации, например: *она вылечилась на юриста, кармановый разговорник* не испортит контакта двух собеседников. Рассматривая эмблематический аспект этого вопроса, можно отметить, что чаще всего подобные нарушения списываются на усталость, задумчивость, рассеянность и не оскорбляют реципиента.

Для примера предлагаем рассмотреть ситуацию из жизненного опыта.

В супермаркете пожилая интеллигентного вида женщина долго рассматривает товары. Поскольку рядов очень много, и организованы они определенным образом, известным только работникам магазина, она останавливает одного из консультантов зала и просит помочь:

- Девушка, не могли бы вы мне подсказать? Где у вас этот...забываю название все время... «Кискас»?

- Кошачий корм в соседнем ряду слева.

Как мы видим, женщина допускает искажение в названии товара, однако данная ошибка не является релевантной, поскольку не мешает ей достичь цели инициируемого ею коммуникативного акта – узнать, где находится данный товар.

Нерелевантные ошибки допускаются не только в ситуациях бытового общения. Иногда подобные нарушения могут встретиться и в литературе. Приведем пример, взятый с одного из форумов, посвященных оружию (орфография и пунктуация авторов сохранена). Данный форум функционирует на сайте Guns.ru и даже содержит тему, называющуюся «Ошибки, казусы и ляпсусы в оружейной литературе».

Автор Kerk Pirr:

«...забавная ошибка, обнаруженная мной в известной книге Александра Борисовича Жука "Революеры и пистолеты". Второе издание 1990 года, издательство Министерства обороны СССР. Началось с того, что мне в руки попался вот такой пистолетик французского производства. На первый взгляд - ничего особенного, обычный представитель могучего семейства "клонов" Браунинга 1906 года. Начал искать сей девайс в каталоге Жука. И нашел - на странице 389 за номером 53-52. Что самое интересное, уважаемый Александр Борисович, описывая 53-52 допустил несколько ошибок. Во-первых, не нарисовал выемку для затворной задержки-предохранителя на затворе слева. Во вторых, и это веселей, пистолет он приписал какой-то совершенно уже мифической оружейной фирме "Элепо файрармз компани". Хотя таковой в природе нет, пистолет выпущен Lepco fire-arms company. Откуда же взялось "Элепо..."?»

Насколько можно судить по рисунку 53-52, расположенному на странице 389 Второго издания "Революеры и пистолеты" 1990 года выпуска, Александр Борисович не полностью разглядел надпись на затворе пистолета с левой стороны. И воспроизвел верхнюю строчку следующим образом: "HELEPCO FIRE-ARMS COMPANY LONDON". Хотя, на самом-то деле там написано "THE LEPCO FIRE-ARMS COMPANY LONDON". Букву "Т" в начале надписи художник просто не заметил, видимо, использовал в работе не слишком качественное фото девайса из какого-то каталога.

Вот такой забавный ляпсус, нисколько не умаляющий значимость труда Александра Борисовича Жука и не ставящий под сомнение достоверность сообщаемых им сведений».

Автор ded2008:

«Жук действительно много с каталогов рисовал, так как нереально иметь все обозначенные им в книге образцы под рукой для зарисовки с натуры. возможно изначально ошибка в каталоге была. выискивать ляпсусы у жука считаю недостойным, так как им был проделан

без преувеличения титанический труд» [2013, URL: <http://forum.guns.ru/forummessage/85/1248139.html>].

Как мы видим, ошибка автора, хоть по сути и являющаяся эмблематической (он не владеет используемым иностранным языком), абсолютно не релевантна и отмечается поклонниками упомянутой тематики как незначительная и, более того, упоминание подобной ошибки считается ими нежелательным в связи с общей ценностью работ автора

Аналогичная ситуация сложилась и в другом литературном произведении. Существует древняя игра танграм, головоломка, цель которой заключается в том, чтобы сложить из семи плоских фигур силуэт человека, животного или определенного заданного предмета. В литературе находим следующее описание нерелевантной коммуникативной ошибки, связанной с этой игрой:

«Никто не знает, когда появились первые танграммы.

Одна из первых книг о танграмах на английском языке, первоначально принадлежавшая Чарльзу Лютвид-жу Доджсону (более известному как Льюис Кэрролл), оказалась впоследствии в руках Дьюдени. Она называлась «Модная китайская головоломка» и была опубликована в Нью-Йорке в 1817 г.

...

Французская книга неизвестного автора «Сборник занимательнейших игр, принятых в обществе» (1818 г.) может быть переводом книги из библиотеки Доджсона (хотя возможна и обратная ситуация: Доджсону принадлежал английский перевод этого французского оригинала). Мне не удалось видеть ни того, ни другого издания. В 1817 г. в Америке вышла книга под названием «Китайский философский и математический транграм». «Транграм»-старинное английское слово, означавшее «безделушка», «игрушка» или «головоломка».

Сэмюэль Джонсон в своем словаре привел его в ошибочном написании - «транграм», которое продержалось довольно долго, переходя из одного

словаря в другой. Возродил ли неизвестный автор забытое слово, которое в дальнейшем перешло в «танграм», или допустил ошибку в написании известного слова «танграм», уже бывшего в употреблении?» [Гардер, 1990, с. 202]

Проанализировав приведенный пример, отмечаем: допущенная ошибка в написании названия китайской игры никак не повлияла ни на ее распространение, ни на любовь к ней большого количества людей на Западе. В течение двух столетий даже существовало два варианта для названия головоломки, хотя изначально правильным был единственный – «танграм», что в переводе с китайского значило приблизительно следующее: «*семь дощечек мастерства*».

Реальная жизнь изобилует различными ситуациями общения, описание которых не ограничивается схемой «отправитель речи – получатель речи». Существуют особые коммуникативные акты, в которых используется посредник – переводчик. Безусловно, от профессионализма и компетенции переводчика зависит очень многое – в какое русло пойдет разговор, будут ли достигнуты коммуникативные цели участников акта.

Приведем пример нерелевантного коммуникативного нарушения, используя именно коммуникативный акт при участии переводчика. Данная ситуация описывается на новостном сайте Newsland.com под заголовком «Самые смешные ошибки переводчиков дипломатов».

«В новой книге Ричарда Вулкотта, который четыре года возглавлял министерство иностранных дел Австралии, рассказывается, какие западники ждут переводчиков.

...

По словам Вулкотта, иногда, чтобы точно перевести выступление, его лучше вообще не переводить. В подтверждение своей мысли он рассказывает о министре некой азиатской страны, который на банкете в Сеуле стал рассказывать длинный анекдот. «Переводчик на корейский

ничего не понял, но виду не подавал. Он произнес пару фраз, и аудитория расхохоталась и зааплодировала», – пишет Вулкотт.

Позднее переводчик признался, что в действительности рассмешило присутствующих: «Скажу вам честно, господин министр: вашего анекдота я не понял, а потому сказал по-корейски: «Министр рассказал свой дежурный анекдот, а теперь, пожалуйста, все дружно посмейтесь и похлопайте»» [2009, URL: <http://newsland.com/news/detail/id/85685/>].

В данном примере иллюстрируется совершение нерелевантной коммуникативной ошибки. Подобное нарушение целесообразно рассматривать как эмблематическое – ведь не переведя часть высказывания, переводчик показывает свой непрофессионализм. Однако, отмечаем – переводчик, во-первых, не смог перевести именно анекдот, то есть наиболее «расслабленную» часть выступления министра, а во-вторых, сумел подобрать такие слова, что это вызвало не замешательство, а комический эффект, то есть даже привнесло элемент эмоциональной разрядки. Именно поэтому налицо случай допущения нерелевантной коммуникативной ошибки.

Тем не менее, переводческие ошибки, особенно в контексте важных политических переговоров, – не самая необходимая и желанная вещь, так как могут привести к нежелательному обострению взаимоотношений и непредсказуемым последствиям в ходе переговоров. В ранее упомянутом источнике описывается и подобная ситуация:

«Если верить Вулкотту, экс-премьер-министр Австралии Боб Хоук однажды немало озадачил японскую аудиторию, заявив в ответ на какие-то надоедливые вопросы японских официальных лиц: "I am not here to play funny buggers". Иначе говоря, он сказал: "Я здесь не для того, чтобы шутки шутить", употребив фразеологизм из австралийского разговорного языка.

"Для японских переводчиков эта простенькая фраза оказалась крепким орешком. Они собрались в кружок и стали шептаться, как лучше перевести на японский выражение «funny buggers», – пишет Вулкотт. – И только

затем переводчики возвестили от имени Хоука: "Я здесь не для того, чтобы играть с вами в хихикающих гомосексуалистов»» [там же].

Описанная ситуация, в отличие от предыдущей, кажется смешной уже спустя время, да и к тому же, читателям, а не участникам того коммуникативного акта. Подобная вольность в переводе, вызванная некомпетентностью переводчика, являясь явно эмблематической, также релевантна, поскольку может буквально уничтожить диалог.

В отличие от нерелевантных, релевантные ошибки не только вызывают затруднения в процессе общения, но могут сделать коммуникативную цель недостижимой. К подобным нарушениям можно отнести резкое снижение регистра общения, например, обращение на «ты» с малознакомым человеком, либо старше по возрасту и выше по социальному статусу, а также использование нецензурной, бранной лексики или жаргонизмов. Статусная эмблематичность заключается в указательной сущности эмблемы как индексе социального положения индивида. Эмблема в данном случае выступает определенным признаком, осознанно или бессознательно выбранным человеком для передачи информации о его месте и/или значимости в обществе.

Отклонение от принятой в данном конкретном обществе или социальном слое нормы выдает непринадлежность индивида к той или иной группе, а, следовательно, возводит его в ранг чужого. Зачастую в подобных случаях коммуникативная ошибка привлекает все внимание реципиента, оскорбляя его или вводя в недоумение, и, следовательно, не позволяет осуществить коммуникативные задачи.

И тем не менее, не всегда релевантные ошибки оскорбляют адресата. Более того, некоторые адресаты могут быть очень довольны подобными нарушениями. Приведем пример эмблематической ошибки, сообщающей о некомпетентности одного человека, которой выгодно воспользовался другой. В произведении «Священные монстры (портреты)» находим такое описание маркиза де Сада:

«В мире его романов монументальные злодеи конкурируют в насилии. Но тут уже все ясно. Тому, кто видел подъезжающие к гильотине повозки, кто дышал запахом крови тем далеким летом 1793 года, а де Сад ежедневно ожидал, что его отправят на гильотину (легенда утверждает, что один раз его фамилию выкликнули, но писарь допустил ошибку в написании фамилии, и его не взяли в повозку). Такому человеку какие же еще книги писать?» [Лимонов, 2003, с.]

В данном случае писарь допустил более чем релевантную ошибку – ведь неизвестно, возможно, вместо прославленного писателя казнили несчастного с похожей фамилией.

Несмотря на то, что не все релевантные ошибки связаны с подобными драматичными ситуациями, в контексте жизни отдельно взятого человека любая из них может понести важную роль. Приводим следующий пример – небольшой отрывок из эссе, написанного американской студенткой.

«Last week, for my American Modernist poetry class, I was assigned to read Wallace Stevens' "Sunday Morning" and to write a short response. Prior to this semester I had little to no exposure to Stevens' oeuvre, yet after a week of reading his poetry, I felt myself growing into an enthusiast. Feeling more at ease with Stevensian verse, I sat down to read the first stanza. It began, "Complacencies of the peignoir"—a seductive phrase, I thought. I could easily be this woman he describes, surrounded by the objects that fill her late and lazy morning: the coffee, oranges, and, well, maybe not the green cockatoo. The intensity of the tone increases as the woman dreams and "feels the dark / Encroachment of that old catastrophe." Ah, yes, the inevitable onset of religious guilt; I understood this, too.

But then I reached the next line: "As a clam darkens among water-lights."

I thought it a rather strange turn of phrase amidst the sacrificial and ominous language of the surrounding lines. But I continued to read until the end of the stanza, which ends with some of Stevens' most blatantly religious language I've encountered thus far: "Over the seas, to silent Palestine, / Dominion of the blood and sepulchre."

As is my custom, I read through the stanza a few more times, but continually stumbled over the word “clam.” What is Stevens even trying to say? Is this Stevens the Absurdist? I knew he could be quirky, parading images of the emperor of ice-cream or a rabbit as king of the ghosts throughout his poetry. But a clam? And it was darkening? Do clams darken while exposed to light? I didn’t know much about mollusks. If I were a more astute scholar I would have probably assumed this to be some kind of mistake immediately. But taking the Norton Anthology of Modern Poetry (that my friend had so kindly loaned me) as a sacred text, I figured I clearly didn’t get Stevens after all. Slightly disheartened, I closed the book and decided I would attempt to write some clever analysis of those lines later.

As good fortune would have it, I bought my own, later edition of the Norton Anthology that day. And, lo! Upon glancing at “Sunday Morning” again I noticed that the line contained a typo! “As a calm darkens among water-lights.” That made infinitely more sense to me, and I felt silly for ever having considered “clam” as a viable option in that line. I cringed at the thought of my professor reading the elaborate interpretation of the Stevensian metaphorical clam and my feeble attempt to account for its place in the poem that I no doubt would have written. My academic horror quickly subsided, and I then laughed (probably a bit too much) about the ridiculousness that the simple erratum contributed to my reading. Most importantly, I’d say that this scholastic interlude led me to think about the importance of textual editing that I had so often disregarded before» [Шлоссер, 2003].

Перевод:

«На прошлой неделе на уроке поэзии американских модернистов мне задали прочесть и кратко прокомментировать «Воскресное утро» Уоллеса Стивенса. До начала этого семестра я была мало знакома с творчеством Стивенса, но после недели прочтения его поэзии, я почувствовала, как превращаюсь в энтузиаста. Будучи относительно непринужденной, я приступила к чтению первой строки. Оно начиналось так: «Самодовольство

пеньюара...» - я подумала о том, что фраза звучит соблазнительно. Я бы сама могла быть женщиной, которую он описывает, окруженной вещами, заполняющими ее позднее и ленивое утро: кофе, апельсинами, кроме, конечно, зеленого какаду. Интенсивность повествования повышается вместе с тем, как женщина спит и «ощущает темную Неотвратимость старой катастрофы». Ах да, неизбежное начало религиозной вины; это я поняла.

*Но тут я дочитала до строки: «Пока моллюск (**clam**) темнеет в лучах воды». Я подумала, что это довольно странный речевой оборот, учитывая священный и зловещий язык предыдущих фраз. Однако я продолжила читать до конца строфы, которая завершается наиболее явно религиозным оборотом Стивенса: «По морям, к безмолвной Палестине, / гробу и крови Господню».*

По своему обычаю, я прочитала отрывок несколько раз, но каждый раз спотыкалась о слово «моллюск». Что же пытается сказать Стивенс? Это его абсурдистская сторона?

Я знала, что он мог быть замысловатым, описывая изображения императора мороженого или кролика-короля призраков в своей поэзии. Но моллюск? И он темнеет? Моллюски темнеют, попадая на свет? Я не сильно разбиралась в моллюсках.

Если бы я была более проницательной, я, вероятно, сразу же заподозрила бы ошибку, но воспринимая Антологию Современной Поэзии (которая была так любезно одолжена мне моим другом) как священный текст, я полагала, что я просто никак не пойму Стивенса. Я слегка пала духом и я закрыла книгу, решив, что попытаюсь написать какой-нибудь умный анализ произведения позже.

*По счастливому случаю, в тот день я купила свое собственное, более позднее издание Антологии. И, вот оно! Глядя на «Воскресное утро», я заметила, что в строчке опечатка! «Пока **покой** (**calm**) темнеет в лучах воды».*

Лично для меня в этом варианте было бесконечно больше смысла, и я поняла, насколько глупо было даже предположить, что «моллюск» вообще мог каким-либо образом оказаться в этой строчке. Я съежилась от мысли о моем профессоре, читающем сложную интерпретацию метафорического моллюска Стивенсона, и моей жалкой попытке как-то найти этому моллюску место в стихотворении, а ведь я без сомнения бы это написала.

Когда мой ужас сошел на нет, я долго смеялась (вероятно, даже немного чересчур) над этой нелепостью: простая опечатка внесла свой вклад в мое видение произведения. А самое главное, этот случай заставил меня подумать о важности текстового редактирования, которое я так часто игнорировала прежде»

Данный пример уникален в своем роде. Именно он отражает очень интересный аспект любой эмблематической ошибки – возможность считывания этой ошибки самим ее совершившим. В данном случае девушка заподозрила тот факт, что классик вряд ли мог писать о некоем абсурдном темнеющем крабе, но не стала уточнять этот момент, тем самым совершив стратегическую поведенческую ошибку. По счастливому случаю казус прояснился до того, как стал достоянием общественности, а девушка сделала определенные выводы. Продолжая эту идею, отмечаем, что если бы совершающие коммуникативные ошибки сами могли бы считывать свои нарушения в качестве эмблем, это дало бы им возможность их исправлять и предоставило бы существенный потенциал для личностного роста.

Разумеется, на тему релевантных коммуникативных ошибок существует множество анекдотов. Один из них посвящен совершению подобных нарушений на письме.

«A new monk arrives at the monastery. He is assigned to help the other monks in copying the old texts by hand. He notices, however, that they are copying copies, and not the original books.

So, the new monk goes to the head monk to ask him about this. He points out that if there was an error in the first copy, that error would be continued in all of

the other copies. The head monk says, "We have been copying from the copies for centuries, but you make a good point, my son."

*So, he goes down into the cellar with one of the copies to check it against the original. Hours later, nobody has seen him. So, one of the monks goes downstairs to look for him. He hears sobbing coming from the back of the cellar and finds the old monk leaning over one of the original books crying. He asks what's wrong. "The word is **celebrate** not **celibate**," says the old monk with tears in his eyes».*

Перевод:

«Молодой монах прибывает в монастырь. Ему поручают задание помогать другим монахам переписывать старые тексты от руки, однако он замечает, что переписывают они с копий, а не с оригинала.

Подивившись этому факту, он выразил свое удивление отцу-настоятелю, ведь если кто-то допустил ошибку в первой копии, она будет повторяться вечно, и ее никак не исправить, ибо не с чем сравнить. Отец-настоятель отвечает:

- Сын мой, вообще-то мы так делали столетиями... Но, в принципе, в твоих рассуждениях что-то есть.

И с этими словами он спустился в подполья, где хранились первоисточники. Прошло несколько часов, а его все нет. Обеспокоенный монашек спустился в те же подвалы на поиски святого отца. Он услышал плач из глубины подвала и нашел настоятеля – тот сидел перед раскрытым томом оригинала и плакал. Юноша спросил, в чем дело.

*- **Celebrate**, - ответил отец-настоятель со слезами на глазах, - слово было: с-е-л-е-б-р-а-т-е, не **celibate**».*

Приведенный анекдот описывает, как единственная случайная ошибка (эмблематическая коммуникативная ошибка, говорящая о невнимательности человека, впервые переписавшего текст с опиской) может изменить уклад жизни целого общества на тысячелетия. Шутка состоит в замене слова *celebrate* (англ. «праздновать») на *celibate* (англ. «целибат, безбрачие»).

Разумеется, анекдотическая история является вымышленной, но кто знает, сколько ошибок допущено в известных текстах по всему миру?

Анекдотичные ситуации зачастую описывают и допущенные релевантные ошибки в устной коммуникации:

«Произошло это еще в то время, когда для того, чтобы купить билет на самолет, нужно было идти в ТРАНСАГЕНТСТВО, выстаивать очередь и потом счастливики получали такой билетик с криво обрезанным краем, конфигурация которого обозначала цену. Вспомнили? Где-то году в 1982. Там еще паспорта надо было предъявлять и лично за билетом являться. (Впрочем, я давно оттуда, может, там и до сих пор так).

Так вот, стоит громадная очередь, номерки пишут на руках, "вас здесь не стояло", и пр. Все нервные. Кассирша кроет матом всех подряд. Компьютеров не было, кассирши запрашивали данные по телефону. Короче, народ в диком напряжении. Доходит очередь до маленького гражданина с бородкой, за которым я стою. Кассирша дежурно охаивает его: паспорт заранее надо доставать, почему календарь не приготовил? откуда я знаю, когда прилетит? какое мне дело, что оттуда никак не доберешься ночью и т.д. Вдруг у кассирши резко меняется выражение лица и она, глядя в его паспорт, пронзительно вскрикивает "КАК???!!!" И мгновенно переходит на совершенно другой тон: "Каким рейсом Вы хотели бы лететь, Владимир Ильич?" Народ в очереди мгновенно настораживается от такой перемены, да еще от такого сочетания Имени-Отчества. А кассирша продолжает тем же льстивым тоном: "Как вы сказали, Владимир Ильич? Что вы попросили, Владимир Ильич?" Народ совершенно офигело смотрит на Владимира Ильича и тем не менее не понимает, чем кассиршу перепугало такое пусть даже "рулюционное" сочетание. Наконец, она набирает на телефоне номер оператора и диктует в трубку: "рейс такой-то, место такое-то, Владимир Ильич Ленин". В абсолютной тишине я ясно слышал в трубке с другого конца

то же самое "КАК???!!!", на что кассирша с достоинством повторяет: "Владимир Ильич Ленин!"

Все это время мужичок пытается что-то сказать кассирше, но та уже заканчивает разговор, вешает трубку, приветливо поворачивается к мужичку и сообщает ему координаты рейса. Тут только мужичок получает право голоса и опять же при полной тишине робко вставляет: "Не Ленин, а ЛЕВИН". Кассирша тупо смотрит в паспортину, народ приходит в движение, я через плечо мужичка читаю в его паспорте черным по белому "Владимир Ильич ЛЕВИН". К кассирше возвращается вся ее природная агрессивность, она зеленеет-краснеет-белеет, набирает в легкие воздух и, выбрасывая из окошка билет вместе с паспортом, орет: "А какого ж ты хрена сразу не сказал, что у тебя фамилия неправильная!!» [2002, URL: <http://www.vysokovskiy.ru/>]

В данном анекдоте изображена ситуация, в которой индивид совершает ошибку интерпретации полученной информации – неправильно читает фамилию. Ошибка эмблематична, так как явно показывает отношение женщины к вождю мирового пролетариата. В то же время нарушение релевантно, поскольку кардинально меняет весь ход коммуникативного акта и определяет характер взаимодействия внутри него.

2.4. Интерпретация адресатных и адресантных коммуникативных ошибок

Принимая за основу критерий участника общения, мы разделяем ошибки **адресантные** и **адресатные**. Адресантные ошибки совершаются отправителем речи (информации). Подобные нарушения отличаются фактически безграничным многообразием, а также могут приводить к самым непрогнозируемым последствиям - как отрицательным (непонимание, неприязнь, агрессия), так и положительным (комический эффект, «разрядка» обстановки и т.д.). Эмблематичность в данном случае обусловлена

ситуативно: например, если мужчина, входя в дом, не здоровается с тем, кто встречает его на пороге, это нарушение формульной модели поведения может быть по-разному считано и интерпретировано: если его встречает знакомый, он может увидеть в нем эмблему, говорящую о невоспитанности, однако если мужчину встречает его жена, хорошо знающая поведенческие особенности мужа, она сразу считывает эту значимую лакуну как признак того, что у супруга был сложный день. Продолжая иллюстрировать индивидуально-личностный аспект эмблематичности, отметим, что весьма частотной эмблемой выступают разнообразные речевые афазии. В данном случае осведомленность реципиента является ключевым фактором глубины раскрытия эмблематического потенциала коммуникативного нарушения. Например, речь индивида, хотя и формально не дезорганизованная, но не несущая никакого смысла, в которой связываются несовместимые понятия и словосочетания, вводящие слушателя в когнитивный диссонанс, типа: *лазурный лягушачий голос тишины*, будет воспринята обывателем как эмблема, просто означающая, что перед ним душевнобольной, в то время, как специалист-психиатр на основании услышанного может сделать более точный вывод – подобная речь указывает на шизофрению.

В большинстве случаев адресантные ошибки совершаются при переходе на непривычную языковую систему. Для их совершения необязательно быть школьником или студентом, из приведенного примера мы увидим, что подобные нарушения характерны и для признанных писателей с мировым именем. В одном из выпусков журнала «Иностранная литература» есть статья, посвященная многочисленным ошибкам, допущенным Иосифом Бродским.

«В одном из интервью Иосиф Бродский обмолвился, что “при существовании в двух культурах” легкая степень шизофрении является “не более чем нормой”. С научной точки зрения поэт допустил ошибку, для неспециалистов распространённую: спутал одно психическое заболевание (распад процессов мышления и эмоциональных реакций) с другим - так

называемым “диссоциативным расстройством личности”, которое в просторечии именуют ее раздвоением. Подвела этимология: история термина “шизофрения” восходит к древнегреческому словосочетанию со значением «раскалывать рассудок». Более чем за полвека до Бродского подобную ошибку допустил в одной из статей Т. С. Элиот.

...

Неизбежность сопоставления диктовала потребность в оригинальности собственного английского имиджа. В случае Бродского это означало стремление не вписаться - а, наоборот, выступить против устоявшихся в англоязычной поэзии традиций. Прежде всего это касалось нехарактерной для современного английского стихосложения тенденции к строгой ритмической упорядоченности. Число английских верлибров у Бродского ничтожно мало, а названия ряда стихотворений свидетельствуют о несомненной тяге к стилизации: “Tune”, “Carol”, “Anthem”, “Tale”. Таковы и его “Песни”, сознательно ориентированные на опыт “Песен” Одена. Для современного читателя это выглядело откровенным анахронизмом.

Другой точкой преткновения стала рифмовка. В стремлении к оригинальной рифме Бродский шел на эксперименты, носителям языка казавшиеся рискованными, а то и вовсе невозможными. Прежде всего речь о составных рифмах, наподобие *Venus - between us* в финале “Törnfalllet” или *Manhattan - man, I hate him* из “Blues”. Они не только вызвали оторопь у коллег-стихотворцев, но и приводили порой к появлению незапланированного комического эффекта. Дело в том, что в английской поэзии подобная рифмовка характерна лишь для низовых, иронических жанров» [Куллэ, 2013].

Писателем были допущены многочисленные ошибки, нарушавшие привычные нормы, что зачастую не позволяло ему достичь желаемого драматического эффекта – аудитория попросту не концентрировалась на глубинном смысле из-за отвлечения на формальную составляющую. Причем,

интересным является тот фат, что попытки перевода произведений на русский язык также не отмечаются успехом именно из-за выбора своеобразных конструкций при их написании на английском. В том же источнике находим продолжение:

«Англоязычное творчество Бродского можно оценивать по-разному. И как причуду гения, и как его провал, и как напоминание о тотальном языковом эксперименте, поисках общего знаменателя для англо- и русскоязычной поэзии.»

Попытка перевода Бродского на русский выглядит едва ли не безумием. ...

Blues

Eighteen years I've spent in Manhattan.

The landlord was good, but he turned bad.

A scumbag, actually. Man, I hate him.

Money is green, but it flows like blood.

I guess I've got to move across the river.

New Jersey beckons with its sulphur glow.

Say, numbered years are a lesser evil.

Money is green, but it doesn't grow.

I'll take away my furniture, my old sofa.

But what should I do with my windows' view?

I feel like I've been married to it, or something.

Money is green, but it makes you blue.

A body on the whole knows where it's going.

*I guess it's one's soul which makes one pray,
even though above it's just a Boeing.*

Money is green, and I am grey.

1992

Блюз

*Восемнадцать лет я топчу Манхэттен.
Добрый хозяин, сдававший кров,
стал редкой сволочью. Впрочем, хер с ним.
Вечная зелень течет как кровь.*

*Может, махнуть через реку пехом?
Серное пекло Нью-Джерси ждет.
Дни сочтены, и это неплохо.
Вечная зелень не прорастет.*

*Я вывезу старый диван и пожитки,
но как предать свой вид из окна?
Чую, что я обручен с ним по жизни.
Вечность, как тоска, зелена.*

*С телом О. К., но шепнуть “О Боже!”
может лишь то, что зовут душой.
Даже когда в небесах только “Боинг”.
Зелень бессмертна, а я седой.*

*Перевод Виктора Куллэ
Новый мир, 2010, № 8» [там же].*

Описанные нарушения указывают на то, что они являются эмблематическими, так как выдают в писателе с блестящими, глубокими и новаторскими идеями представителя чужой культуры, который не всегда в состоянии донести желаемый смысл до иноязычного читателя.

В отличие от адресантных, адресатные ошибки совершаются реципиентом, и, поскольку в данном случае коммуникативная ошибка рассматривается с позиции слушающего, наиболее важным представляется нарушение интерпретации сообщения. Здесь мы имеем дело с несколькими наиболее распространенными обозначениями: непонимание, недопонимание или недоразумение. В случае полного непонимания резонно считывание подобного коммуникативного нарушения, как отсутствие принадлежности слушающего к данной языковой среде, или же, в зависимости от условий протекания коммуникативного акта, наличие нездоровой психики коммуниканта или его временное плохое самочувствие, однако в ситуации частичного недопонимания или недоразумения отправитель сообщения считает эмблематическую коммуникативную ошибку интерпретации признаком усталости, невнимательности, рассеянности и прочих менее серьезных нарушений.

Невзирая на то, что чаще всего адресатные ошибки вызваны незначительными причинами (такими, например, как невнимательность), приводить они могут к весьма существенным неприятным последствиям, особенно если речь идет о принятии важных решений политического характера.

Находим яркий пример в произведении «Бой неизбежен!» Питера Смита:

«В тот момент, когда оба флота заметили друг друга, положение итальянской 3-й дивизии было довольно незавидным. При перемене курса, которая была выполнена в 11.01 по приказу адмирала Иакино, она уже отставала от остальных кораблей. По сообщениям британских пилотов, строй дивизии полностью смешался, потому что капитан «Тренто» неправильно понял приказ. Все это привело к задержке, и теперь крейсера оказались далеко позади. Мало того, в результате путаницы флагманский «Триесте» находился в центре колонны, вместо того чтобы возглавлять ее. Несмотря на это, первыми открыли огонь именно итальянцы.»

Едва адмирал Кампioni успел радировать своим кораблям: «Не вступать, повторяю, не вступать в бой», как в 12.20 адмирал Маттеуччи приказал своим крейсерам, начиная с «Фиуме», открыть огонь. Он действовал по ситуации, так как линкоры противника не видели. Это решение было совершенно оправданным, и позднее командование поддержало его. Кампioni полагал ситуацию неподходящей для боя, однако события вырвались из-под его контроля. Итальянские крейсера были просто вынуждены защищаться от стремительно приближающегося противника» [Смит, 2005, с. 326].

Неправильная интерпретация полученного сообщения, исходя из примера, вынуждает адмирала предпринимать действия, которых можно было бы избежать. Данная история помимо случая адресатной коммуникативной ошибки иллюстрирует значимость подобных нарушений – в пространстве представленной картины оно стоит человеческих жизней.

Приводим еще один пример на военную тематику, взятый нами из произведения советского и российского ученого-криминолога, сценариста и писателя Данила Корецкого «Татуированная кожа».

«Он бежал, как преследующий лося волк, и метров за пятьдесят до финиша действительно настиг отчаянно сопящего Пашку Лисенкова, выпрыгнул и двумя ногами сбил на землю. И сам не удержался, упал рядом, но тут же вскочил, догнал и уложил таким же способом еще двоих.

– Перекур, пять минут! – довольно скомандовал он. И когда новобранцы обессиленно повалились в траву, горделиво прошелся над ними, переступая через опасливо поджимаемые ноги. – Ну что, салабоны, сдохли?

– Никак нет! – молодежато отозвался Вольф. Он действительно почти не устал и думал, что такой ответ понравится младшему командиру. Но оказалось, что ошибся.

– Ах так... Тогда нечего разлеживаться. Встать! Вполголоса матерясь, ребята поднимаются. Некоторые еле держатся на ногах. Вольф

ловит на себе косые взгляды и понимает, что допустил ошибку. Ему становится неуютно.

– Лечь! Десять отжиманий, потом еще три круга!

Вечером бойцов повели в баню. До предела измотанные молодые мылись последними. Хмуро стояли у входа, дожидаясь своей очереди и мечтая об отдыхе. Курева не хватало, несколько сигарет ходили по кругу. Вольф не курил, держался в стороне, остро ощущая неприязнь товарищей» [Корецкий, 2001, с. 112].

В этом эпизоде мы также наблюдаем совершение адресатной ошибки – Вольф неправильно синтерпретировал вопрос командующего как некий вызов и решил, что проявление инициативы бежать дальше будет уместным, однако, как выяснилось, не был знаком с механизмами взаимодействия в условиях армии. Для его соратников подобное нарушение не прошло незамеченным – оно сформировало четкий отрицательный образ совершившего данную ошибку: образ выскочки, наглого эгоиста, не заботящегося о товарищах.

Приведем еще один пример неправильной интерпретации содержания сообщения:

«Ok, one day I was at my house riding my bike. I had a crush on a boy called Jason. I loved him so much I got to be carried away. So when I was riding my bike I saw him getting on his bike. So I said would you like to ride with me? He said sure. So we were riding bikes and I said do you have a girlfriend. He said no but I like somebody. I said who? He said I can't tell you. So I said describe her. He said she has brown hair and brown eyes pretty short and sweet. I fitted all those examples. So I stopped my bike and he did the same. I said I love you. He looked puzzled. I said I know you love me. So then my other friend comes up Kayla. She looked like me too. Uh oh!! He put his arm around Kayla and kissed her cheek. I turned red, red, red!! I fell to the ground so he helped me up and said sorry you just don't fit!!» [2005, URL: <http://www.thatsembarrassing.com/embarrassing-1109-reading-the-wrong-signals.htm>]

Перевод:

«Итак, однажды я каталась на велосипеде у дома. Я была без памяти влюблена в мальчика по имени Джейсон. Во время своего катания я увидела его – он тоже садился на свой велик. Я предложила ему поехать со мной вместе, и он согласился. Пока мы катались, я спросила, есть ли у него девушка. Он ответил, что нет, но ему кое-кто нравится. Я спросила, кто это. Он ответил, что не может сказать. Тогда я попросила описать ее. Он ответил, что у нее каштановые волосы, карие глаза, и что она довольно низкого роста и очень милая. Я подходила под все эти описания. Я остановила свой велик, он тоже перестал ехать. Я сказала, что люблю его, он же выглядел растерянным. Тут к нам подошла девчонка по имени Кайла. Она была в точности похожа на меня. О, нет! Он обнял Кайлу и поцеловал ее в щеку. Я покраснела, как рак!!! Я свалилась на землю, а он помог мне встать и сказал: «Прости, ты не совсемходишь!»

Это небольшое эссе было взято нами с сайта Thatsembarassing.com, куда люди всех возрастов присылают свои истории, поставившие их в неловкую ситуацию. Приведенный пример иллюстрирует случай, в которой неловкость была вызвана неверным пониманием речевого сообщения собеседника. Еще древнегреческий мудрец Скилеф отмечал: «люди видят то, что хотят видеть; слышат то, что хотят слышать; верят в то, во что хотят верить и отказываются верить в то, что им не нравится». Нарушение интерпретации в данном случае было вызвано именно острым желанием услышать определенный факт, и никак не иной.

В пространстве русскоязычного Интернета также существует аналогичный сайт, на котором находим следующий пример забавной адресатной ошибки:

«Училась на нашем курсе девушка. Ну, как водится, со спины еще туда-сюда, а вот с фасада - Баба-Яга в юности... (к слову, все бы ничего, но подать себя красивой девушке ну очень хотелось, но не получалось - уж слишком она для этого старалась).

Ну-с, первый курс, Таня едет из анатомички, около десяти часов вечера, зима, холодно, последний почти пустой троллейбус - до 22.00 они ходили... В троллейбусе - наша Таня, еще одна наша же сокурсница - тоже из той же анатомички, шофер и в зюзю пьяный мужичонка на задней площадке. Расхожая истина: "Не бывает некрасивых женщин, бывает мало водки..." Мужичонке, похоже, водки хватило, ибо он решил позаигрывать с нашей героиней...

Девчонки после тяжелого дня обе дремали, склонившись вперед. Мужик подошел к Тане и, в лучших традициях этикета, попытался завязать непринужденную беседу.

Мужик: "Девушка, вы откуда?"

Таня, монотонно-устало и спросонья чистую правду: "Из мооргаа..."

Мужик, обалдело: "А что вы там делали?"

На этом этапе до девчонок стал доходить юмор ситуации. Таня, чуть приподнимая голову:

"Вы знаете..."

... поднимаясь выше: "... Нас по ночам..."

... еще выше: "... Иногда отпускают..."

И подняла на мужика глаза... украшенные синими тенями на веках... до бровей...

Тут случилось самое фантастическое: мужик поверил. Сразу, как только Таню разглядел... После чего махом почти протрезвел и в ужасе заметался, тут и остановка, на его счастье... Мужик с каким-то уханьем унесся прочь, подружки рыдают от смеха за компанию с водителем...» [2011, URL: <http://prikol.bigmir.net/view/181431/>]

На сегодняшний день ситуации, в которых человеку приходится выстраивать стратегии и тактики ведения беседы не ограничиваются реальными бытовыми ситуациями – работой, походом в магазин или спортзал. Огромную популярность завоевала коммуникация посредством социальных сетей.

На сайте защиты детей Nedopusti.ru отмечается: «сегодня понятие «социальные сети» ассоциируется в первую очередь с «одноклассниками.ру», «вконтакте» и «моим миром». В крайнем случае, среднестатистическому пользователю на ум приходят различные блог-сервисы вроде «ЖЖ» и «дайри». Однако кроме этих общеизвестных сайтов, существует множество ресурсов в Интернете, на которых можно общаться с людьми и создавать собственные сообщества. Одними из таких ресурсов являются ролевые онлайн-игры.

Несмотря на то, что основной элемент интернет-игры это сам игровой процесс, общение между пользователями является неотъемлемой его частью. Собственно, это и отличает многопользовательскую игру от обычной, в которую пользователь играет в одиночку. ... Ролевая онлайн-игра подразумевает постоянную связь с другими игроками, активное взаимодействие или соперничество с ними. Именно поэтому подобные игры столь популярны – они соединяют в себе игрушку и социальную сеть» [2013, URL: <http://nedopusti.ru/articles/read/17/>].

Игры, на которые мы хотели бы обратить особое внимание, именуется термином MMORPG (massively multiplayer online role-playing game – «многопользовательская ролевая онлайн-игра») и представляют собой такой жанр игр, в котором игроки взаимодействуют друг с другом в особом мире, созданном разработчиком.

По этой тематике находим следующую информацию, описывающую механизмы взаимодействия:

«...как и в большинстве RPG, игроку предлагается роль вымышленного героя, и возможность управлять его действиями. MMORPG отличаются от однопользовательских и небольших сетевых ролевых игр множеством игроков, а также виртуальным миром, который продолжает существовать и в отсутствие игрока. Виртуальный мир поддерживается издателем игры.

В виртуальном мире игроки могут выполнять различные действия, взаимодействуя друг с другом. Существуют и управляемые компьютером

персонажи, в том числе враждебные. В большинстве игр за уничтожение врагов даётся вознаграждение и начисляются очки опыта. Полученные очки опыта игрок использует для совершенствования навыков и умений героя. Вознаграждение (игровая валюта или ценные вещи) составляют основу экономических отношений между участниками игры.

Во многих MMORPG игроки имеют возможность создавать внутренние объединения, члены которых могут придерживаться определённой политики по отношению к другим игрокам и объединениям. В некоторых играх герои при первом появлении в мире нейтральны, в других — изначально враждебны к определённым персонажам согласно сюжету игры» [URL: http://www.psyline.ru/articles/9231_mnogopolzovatel'skie-onlain-igri.aspx].

Как бы ни называлась подобная игра, и какими бы деталями не обладал созданный в ее пространстве мир, схожим является главное – для решения практически всех задач и поддержания игрового процесса игроки должны договориться и выступить на «врага» всем вместе, поскольку по одиночке выполнить ни одного сложного квеста (сюжетного задания) не получится.

Несмотря на виртуальность игрового пространства, взаимодействие осуществляется реальными людьми – со всеми их компетенциями либо их отсутствием. В процессе распространения и популяризации ролевые онлайн-игры превратились в полноценное коммуникативное пространство, которое, как известно, предполагает соблюдение определенных правил поведения. Обратимся к «своду законов» подобного этикета, под названием «Правила сетевого этикета в социальных сетях, чатах и онлайн-играх», представленного на одном из Интернет ресурсов.

1. «В большинстве игр запрещено использование ненормативной лексики на форумах, в чатах и частных сообщениях. Сдерживайте себя, ищите цензурные компромиссы, чтобы не поссориться с другими геймерами.
2. Стоит избегать или сводить к минимуму публикации сообщений, не имеющих отношения к игре. Обсуждение "офтопов" – сторонних тем и

вопросов – захламляет форумы и чаты, мешает игрокам и модераторам и вызывает недовольство.

3. Если вас волнует какой-то вопрос, не надо дублировать его и заставлять геймеров обращать на себя внимание. Всегда можно обратиться к модератору.
4. Модератор почти всегда прав. Если у вас возникли конфликты с пользователями игры и они решаются не в вашу пользу, если вам делают замечание или наказывают (блокируют аккаунт на определенный срок, лишают привилегий), то лучше не спорить. Это только усложнит отношения с администрацией проекта и другими геймерами. Проще извиниться и согласиться с оппонентами. В случае уверенности в своей правоте и нарушения ваших прав нужно жаловаться, в том числе и на модераторов, в администрацию проекта.
5. Рекламные сообщения о других ресурсах, играх, сайтах запрещены пользовательскими соглашениями большинства онлайн-игр.
6. Не переносите конфликты с виртуальными персонажами в реальную жизнь. То же самое касается негатива в реальной жизни: игра – не место для сведения личных счетов.
7. Вежливость по отношению к другим игрокам обязательна. Геймеру-новичку стоит понаблюдать за поведением старожилов, обратить внимание на то, как они разговаривают между собой, какие нормы и вольности сложились в сообществе» [2012, URL: <http://altapress.ru/story/96212>].

Отклонение от перечисленных правил действительно может существенно осложнить жизнь нарушителю в игровом пространстве. В целом, по характеру нарушений как отправителя, так и получателя информации, причислить их могут к одной из наиболее распространенных групп:

- нуб,
- тролль,

- школота.

Нуб представляет собой человека, совершающего, с точки зрения опытного игрока, нелепые ошибки в очевидных вещах. Данные ошибки могут быть как ошибками отправителя речевого сообщения, так и получателя. Например:

«kot2875: я деньги на аукционе отдал за камни, они списались, а камней самих в инвентаре нет. Что за разводы?»

Archelide: все с аука получается на почте! Сто раз писали об этом везде! не переведется вас, нубов, никак».

Как мы видим, подобный «нубский вопрос», заданный отправителем, является для собеседника эмблематическим – он понимает, что его задающий не достаточно хорошо знаком с игровым процессом.

Следующий пример иллюстрирует, напротив, ошибку получателя информации:

«ZhenToN13: я все, хилит пускай чар, афк

KonNosoroG: че за ФАК? Женек, ты че молчишь????

Startaletka: KonNosoroG, нуб ты чертов, хиль давай! Ушел Женек!!»

Как мы видим, получателю информации не удалось понять смысл сообщения из-за специфического термина «афк», что означает «away from computer», то есть «я занят, отошел от компьютера». Другими участниками коммуникативного акта эта ошибка считывается в качестве эмблемы и относит индивида к нубам.

Троль также совершает в игровом процессе определенные нарушения устоявшихся норм, однако делает это намеренно, с единственной целью – поиздеваться над другими игроками. Именно тролли не дают другим выполнять квесты, торговать, выращивать культуры или собирать ресурсы. Отношение к подобным игрокам остро негативное, поскольку они могут испортить главное - впечатление от игры.

Школота – отдельная категория игроков, совершающих ошибки в игровом процессе. Несмотря на то, что большинство игроков еще ходят в

школу, школотой они не именуются. Школота в основном своем составе примечательна безграмотностью, наглостью, агрессией и нескрываемым желанием доминировать в игре, отчасти компенсируя свою несостоятельность в реальной жизни.

2.5. Интерпретация поведенческих и структурно-языковых коммуникативных ошибок

Принимая за основу критерий культурной пресуппозиции, в своей работе мы разделяем ошибки **поведенческие** и **структурно-языковые**. Поведенческие ошибки являются девиациями, не связанными исключительно с языковым выражением. В подобном случае мы сталкиваемся с вопросами поведения, самопозиционирования, языком тела, хаптикой (языком прикосновений) и так далее. В качестве поведенческой ошибки может рассматриваться и отдельно взятый жест, поступок или даже формулировка своего высказывания, нечеткое обозначение мыслей и идей. Распространенной ошибкой русскоговорящих, например, в Греции является простое покачивание головой из стороны в сторону, для россиян означающее отказ или несогласие, а для греков, напротив, согласие, подтверждение сказанного. Нарушение подобного рода моментально считываются представителями местной культуры, а совершившие их идентифицируются в качестве чужаков.

Говоря о поведенческих ошибках, эмблематическими будут являться нарушения формульных моделей поведения, в том числе свода правил, регулирующего наш образ действия в соответствии с социальными требованиями – этикета.

Формульные модели поведения как составная часть жизни внешней и внутренней культуры общества, а также как фактор, формирующий коммуникативно-деятельностные ценности, знания, установки и поведенческие реакции, находят отражение в работах по

лингвокультурологии и когнитивной лингвистике таких исследователей, как В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков.

Известно, что этикет как основной свод моделей образа действия представляет собой исторически сложившуюся систему правил социального поведения, принятых в традиционных для данного этноса ситуациях общения. Учитывая настоящий факт, можно сделать вывод, что лишь соблюдая определённый порядок действий, а также придерживаясь существующего способа организации допустимого и недопустимого, индивид принимает сложившуюся систему ценностей, и соответственно, может признать себя членом данного общества.

На протяжении тысячелетий в мире формировались, обогащались и трансформировались различные параллельно существующие культуры, диалог и успешное взаимодействие которых и веками ранее, и на данный момент имеет глубокие практические корни. Носители различных культур постоянно включаются в социальные и экономические связи, что превращает межкультурную коммуникацию в ежедневное и естественное явление. Данный вопрос изучался в классических трудах В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, А.Н. Веселовского, К. Леви-Стросса, Ю.М. Лотмана, основной акцент в которых делался на выявлении элементов культуры, участвующих во взаимодействии, определении формы и методов межкультурного диалога. Однако в современных исследованиях помимо самого процесса межкультурной коммуникации все более детально рассматриваются различные виды вербальных и невербальных помех и предлагаются пути их преодоления. Такие исследователи, как Л.С. Выготский, В.С. Библер, М.С. Каган, Л.Г. Ионин, Л.Н. Гумилева, О.А. Леонтович обращаются непосредственно к сложностям межкультурного взаимодействия.

Действительно, порой даже весьма образованный зрелый представитель той или иной культуры не в полной мере владеет всеми тонкостями ожиданий социального поведения, коими являются этикетные нормы его родного общества. В такой ситуации хотя и нежелательным, но, тем не

менее, абсолютно естественным и закономерным является нарушение установленной системы правил поведенческой культуры другой страны.

Этикет является наиважнейшей частью культуры любой страны, но говоря о Западной Европе, первой ассоциацией при упоминании этикета возникает Великобритания, поскольку именно эта страна известна своим стремлением к безупречности во всех сферах существования и функционирования человека в обществе. Известно, что влияние этикета на частную жизнь англоязычного индивида весьма велико, поскольку именно в Великобритании культивируется сложная, разветвленная система этикетных норм и установок, касающихся самых мелких деталей как личной, так и социальной жизни человека.

Как отмечает О.Н. Короткова, этикет как условный ритуал представляет собой общепринятую систему определённых правил учтивости, которые регламентируют особенности взаимоотношений между представителями различных слоёв населения и социальных групп в соответствии с их общественным статусом [Короткова, с. 251]. В многочисленных работах, посвященных истории возникновения и становления английского этикета, отмечается, что несмотря на то, что правила поведения третьего сословия всегда отличались от правил аристократии, именно в XIX веке средний класс становится определяющим в обществе и, несмотря на отказ от аристократических церемоний, создает собственные, во многом не менее жесткие, представления о хороших манерах. Несмотря на то, что некоторые аспекты этикета той эпохи во многом потеряли актуальность, в частности акцентуация религиозного благочестия, доведенного до показного пиетизма (ежедневные семейные молитвы перед принятием пищи и перед сном, табуирование упоминания многих частей человеческого тела, упоминание о беременности, рождении ребенка, некоторых предметах туалета), самому основному стремлению XIX века – стремлению к респектабельности – англичане остаются верны по сей день.

Как и более двухсот лет назад, богатство и знатность происхождения для англичанина хоть и остаются важными, но не являются определяющими положение в обществе факторами. Для того, что бы его добиться, необходимо соответствовать некоему поведенческому стереотипу: респектабельность в данном случае достигается за счет собственного трудолюбия и добропорядочного поведения, а также его наглядной иллюстрации.

Говоря об этикете как таковом, в работах различных исследователей данной проблемы встречается отражение норм поведения в качестве системы негативных и позитивных стратегий вежливости. Негативная вежливость состоит в том, чтобы свобода партнера ни в чем не была ограничена, позитивная же вежливость представляет собой выражение единства и солидарности с партнером. Данный взгляд на проблему раскрывается в работах П. Браун и С. Левинсона [Браун, 1987, с. 129], рассматривающих вежливость как сохранение «лица», то есть социального имиджа индивида. Традиционно англоязычное общение рассматривается как основанное на стратегии негативной вежливости. Весьма яркой иллюстрацией данного явления можно считать тот факт, что для истинного джентльмена непозволительным считается заплатить за даму, с которой он недостаточно долго знаком, поскольку это может поставить ее в положение обязанной своему спутнику. Соответственно, не имея представления о данном правиле, русский мужчина, стремясь произвести впечатление на представительницу данной культуры своей щедростью и вниманием, имеет все шансы поставить как себя, так и ее в неловкое положение. Подобную тенденцию применительно к английскому коммуникативному этностилю также отмечает Т.В. Ларина, прибегая к термину «коммуникативная неимпозитивность», который обозначает соблюдение дистанции и коммуникативной неприкосновенности, недопустимости прямого воздействия на адресата либо сведения его до минимума [Ларина, 2005, с. 252].

Одной из самых распространенных коммуникативных ошибок, особенно в условиях диалога с культурой Великобритании, является любое нарушение дистанции между коммуникантами в условиях, где эта дистанция необходима или же желательна как минимум для одного из участников. В целом, можно отметить, что вопрос дистанцирования как физического, так и поведенческого, представляет особый интерес применительно к британскому этикету в целом.

Физическая дистанция между коммуникантами, согласно классификации Э. Холла, подразделяется на четыре уровня близости: интимная (до 0,5 м) – данная зона используется при общении между близкими людьми, она часто эмоционально заряжена – коммуниканты могут выражать любовь, сексуальную заинтересованность, утешение или защиту; персональная дистанция (от 0,5 до 1,2 м) возможна между друзьями или приятелями, участвующими в неформальном общении; социальная дистанция (от 1,2 до 3,5 м) характерна как для знакомых, так и для незнакомых людей, участвующих в деловой беседе; публичная дистанция (от 3,5 м и далее) обусловлена односторонним общением говорящего с аудиторией (например, лектора на занятии). Отклонение от ситуативно- и социально обусловленных норм, установленных в обществе относительно расстояния между собеседниками может привести к взаимному недопониманию. Например, нарушая интимную или персональную дистанцию и разговаривая с другом на слишком значительном расстоянии, говорящий рискует создать впечатление отчужденности или неприязни к собеседнику, в то время как напротив, сокращая социальную дистанцию, коммуникант может сформировать о себе впечатление как о вульгарном, невоспитанном человеке и даже получить обвинение в сексуальном харрасменте, особенно если нарушившим дистанцию был начальник, общавшийся с подчиненным противоположного пола. Учитывая национальную культуру русского народа, необходимо уделять этой проблеме особое внимание, поскольку русские располагаются к собеседнику ближе,

чем англичане. Распространенной коммуникативной ошибкой со стороны говорящего в условиях публичной дистанции является отсутствие учета обстоятельств протекания одностороннего общения – находясь на значительном отдалении, согласно английскому этикету, отправитель речи обязан побеспокоиться о том, чтобы повысить голос, не переходя при этом на крик, а также обратить особое внимание на четкость своего произношения и стилизацию жестов.

К вопросу дистанции напрямую относится проблема хаптики, или поведения по части физического контакта, как определяет ее В.К. Харченко [Харченко, 2010, с. 156]. Известен опыт, проведенный несколько лет назад и заключающийся в наблюдении за поведением собеседников, общавшихся за одним столиком в ресторане. По результатам опыта, в течение вечера пуэрториканцы в среднем касались друг друга 180 раз в час, французы – 110, англичане – ни разу.

Поскольку этикет фактически состоит из формульных моделей поведения (приветствия, прощания, просьбы, комплимента и т.д.), то нарушая правила этикета, мы ломаем ту или иную модель. В данном случае возникает вопрос интерпретации того или иного сбоя в формуле общения. Чаще всего в такой ситуации мы имеем дело с двумя вариантами – либо с попыткой изменения социальных взаимоотношений (но в данном случае сбой требует особого рассмотрения в связи с возможной намеренностью действия, а следовательно, отсутствием ошибки как таковой), либо с принадлежностью отправителя речи к другой поведенческой культуре.

Второй вариант, разумеется, представляется наиболее частотным, поскольку продиктован самой реальностью и ее условиями. Миллионы людей до сих пор совершают классическую ошибку, реагируя на стандартную универсальную форму приветствия «*How do you do?*» как на вопрос о положении дел, или же не акцентируют свое внимание на правиле так называемых «долгих прощаний», подразумевающим многократное выражение благодарности гостем принимающей стороне, выражение

нежелания покидать гостеприимный дом, а также множество других специфических нюансов. Также распространенным нарушением является подобная ситуация:

«- This is Mary, my wife.

- Hello. It's rather cool here, I'll close the window».

Как видно из данного диалога, собеседник не представился, а отвлекся на посторонний вопрос, что является недопустимым в поведенческой культуре Великобритании.

Нарушения этикетных норм не охватывают весь спектр возможных поведенческих эмблематических коммуникативных ошибок. По сути, поведенческая ошибка может быть любым воплощенным в жизнь неудачным внеязыковым решением. Например, появление ученика на занятиях в джинсах, футболке и кедах в гимназии, где строго придерживаются правила ношения формы, может быть диагностировано как поведенческая коммуникативная ошибка, поскольку в большинстве случаев сильно усложнит процесс продуктивной коммуникации учащегося с учителями. В качестве поведенческой ошибки может рассматриваться и отдельно взятый жест, поступок или даже формулировка своего высказывания, нечеткое обозначение мыслей и идей, как, например, описанный в романе «Дворянское гнездо» И.С. Тургенева эпизод:

«Лиза прошлась немного.

- Скажите, - начала она, - вы не огорчены? нисколько?

- Я сам не знаю, что я чувствую, - отвечал Лаврецкий.

- Но ведь вы ее любили прежде?

- Любил.

- Очень?

- Очень.

- И не огорчены ее смертью?

- Она не теперь для меня умерла.

- *Это грешно, что вы говорите... Не сердитесь на меня. Вы меня называете своим другом: друг все может говорить. Мне, право, даже страшно... Вчера у вас такое нехорошее было лицо... Помните, недавно, как вы жаловались на нее? - а ее уже тогда, может быть, на свете не было. Это страшно. Точно это вам в наказание послано.*

Лаврецкий горько усмехнулся.

- *Вы думаете?.. - По крайней мере, я теперь свободен.*

Лиза слегка вздрогнула.

- *Полноте, не говорите так. На что вам ваша свобода? Вам не об этом теперь надо думать, а о прощении...*

- *Я давно ее простил, - перебил Лаврецкий и махнул рукой.*

- *Нет, не то, - возразила Лиза и покраснела. - Вы не так меня поняли. Вы должны позаботиться о том, чтобы вас простили...*

- *Кому меня прощать?*

- *Кому? Богу. Кто же может нас простить, кроме бога?» [Тургенев, 2007, 106 с.]*

В данном примере очевидно непонимание собеседником высказывания девушки о прощении – Лаврецкий, вероятнее всего, по причине глубокой обиды за совершенное женой предательство, воспринимает фразу на свой счет и отмечает, что уже простил супругу, в то время как Лиза имела в виду обратную ситуацию – прощения нужно было заслужить самому Лаврецкому. В подобном случае недопонимание вызвано неверным выражением своих мыслей в определенном контексте ситуации. С позиции эмблематичности подобные нарушения плана выражения, если они в целом не свойственны человеку, указывают на его пребывание в угнетенном эмоциональном состоянии, что делает его речь либо прерывистой, либо включающей в себя элемент недосказанности. Акустически зачастую речь оформлена шепотом или приглушена.

Поведенческие ошибки, хотя и в большинстве своем негативным образом отражаются на имидже и восприятии их совершившего,

диагностируя либо его отрешенность, либо бескультурье или неуважение к собеседнику, все же иногда могут создавать неожиданно положительный эффект в процессе коммуникации – например, комический. Приводим следующий анекдот:

«Великий князь Константин (брат царя, автор романа "Отвори потихоньку калитку..."), сам военный, на воинских учениях обращается с вопросом: Что означает герб Российского государства - двуглавый орел? Один генерал ответил, что одна голова смотрит на запад, другая на восток... Следующий сказал, что это означает двоевластие... Руку тянет солдат.

- Фамилия?

- Солдат Петров!

- Ну, скажи, солдат Петров, что означает герб Российского государства – двуглавый орел?

Солдат (рука под козырек):

- Урод, Ваше Благододие!»

В данном случае комический эффект достигается за счет грубой поведенческой ошибки – резкого снижения регистра общения. Подобное нарушение указывает на определенные умственные способности солдата – он мыслит «без прикрас», не тратя времени на образные метафорические размышления. Тем не менее, вопрос успешности подобного способа общения остается открытым, так как предугадать исход аналогичного поступка в реальной жизни представляется затруднительным.

Несмотря на то, что поведенческие коммуникативные ошибки могут вносить в жизнь эффект комичности, подобное не всегда уместно. На просторах Интернета существует целый англоязычный сайт, посвященный неловким ситуациям, в которых оказывался человек, поведя себя определенным образом, проще говоря, опозорился. Данный сайт создавался в США, и большинство историй, описанных там, присылается также американцами. Прочитав изложенный материал, а также понаблюдав

эмоциональную реакцию на описываемые события, нетрудно сделать вывод, что к публичным конфузам, вызванным ошибочным поведением, американцы относятся гораздо серьезней русских. Однако существуют эпизоды, вызвавшие бы негодование у представителя любой национальности. Например, следующий:

«I was on vacation in Hawaii with my younger brother (both of us in our early twenties) and it was time to begin the long journey home on the red-eye flight. He has had a habit of purposely annoying me (in true pesty brother fashion) for our entire lives. His favorite trick is to walk with me, then cut in front of me and slow down, forcing me to slow down and step on his heels, which drives me insane. He'd done this several times already on the trip.

We had a layover in a large airport and only had fifteen minutes to make it to the next gate to catch another flight. We'd been up for almost twenty hours and were carrying our two weeks worth of luggage in through the crowded airport and I was extremely grumpy. I was walking along, my carry-on in one hand, my heavy purse in the other, and dragging my suitcase behind me. My brother cut in front of me and slowed down. I sighed and said "You'd better knock it off or you'll be sorry!" No reaction. He was really asking for it. I said "I mean it! I'm not in the mood!" Still no reaction. I don't generally make a habit of random beatings, but this meant war. I hefted my heavy purse and whacked him between the shoulder blades with it as I bellowed "What the hell is wrong with you?!? Speed up, for Christ's sake!" At this point, my "brother" turned around (who wouldn't?) and I was horrified to discover that it wasn't my brother at all, but a man who looked similar from behind. The reason he was walking so slowly? He had a club foot. If you think you've ever embarrassed yourself, try explaining to a handicapped stranger why you've just not only beaten him with your purse, but cursed at him. My brother was behind me the whole time and after he made sure the man was okay, could barely contain himself.

I haven't heard the end of it yet» [URL: <http://www.thatsembarrassing.com/embarrassing-99-airport-mix-up.htm>]

Перевод:

«Мы с моим младшим братом были на каникулах на Гавайях (нам обоим было чуть за двадцать), и уже улетали поздним рейсом домой, путешествие было очень долгим. У брата была типичная больная привычка всех братьев - постоянно намеренно меня раздражать. Его любимым приколом было идти рядом со мной, потом вылезти вперед и остановиться, чтобы я наступила ему на ноги, меня это просто сводило с ума. К тому моменту он уже успел сделать так несколько раз.

У нас было 15 минут на то, чтобы перейти на стыковочный рейс к другому выходу, а аэропорт при этом был очень большим. Мы не спали почти 20 часов и тащили на себе много багажа через заполненный людьми аэропорт, я была сильно не в духе. Я шла, неся по сумке в каждой руке и волоча за собой свой чемодан. Мой брат влез впереди меня и остановился. Я вздохнула и сказала: «Тебе лучше бы убраться с дороги, или ты пожалеешь». Никакой реакции. Он прямо напрашивался. Я сказала: «Я серьезно. Я не в настроении!» Ничего. В принципе, мне не свойственно просто брать и нападать на людей, но это означало начало войны. Я схватила свою тяжелую сумку и дала ее брату между лопаток с криком «Да что с тобой такое?! Давай иди, ради Бога!» В этот момент мой «брат» повернулся (а кто бы не повернулся в такой ситуации?) и я обмерла, увидев, что это был вовсе не брат, а мужчина, который был похож на него со спины. Почему он шел так медленно? Он был косолапым. Если вы думаете, что когда либо опозорились, постарайтесь объяснить незнакомому инвалиду почему вы не просто ударили его своей сумкой, но и оскорбили его. Мой брат стоял позади меня все это время, и после того, как он убедился, что с мужчиной все в порядке, едва мог сдержаться. С тех пор он постоянно мне об этом напоминает».

Подобная ситуация смутила бы практически любого человека вне зависимости от национальной принадлежности. Как мы видим, в неловком положении оказались оба главных действующих лица – и пострадавший от

неудачной реакции на воображаемую шутку, и совершивший эмблематическую коммуникативную ошибку, который испытал глубокий стыд за невольное оскорбление человека, имеющего физический дефект. В данном случае налицо пример потенциально ложного считывания эмблемы. Рассмотрим механизм возможной интерпретации эмблемы со стороны пострадавшего:

я осведомлен о том, что обладаю неким физическим дефектом, заметным для окружающих, я не могу быстро ходить из-за проблем с ногой – незнакомый человек начинает оскорблять меня в связи с тем, что я не могу быстро идти – этот человек считает меня неполноценным и агрессивно настроен.

Согласно потенциальной схеме интерпретации, услышанное оскорбление и физическое воздействие считывается индивидом как эмблема. Обладая пострадавший большей информацией о той ситуации, в которой он оказался, подобного прочтения поступка не произошло бы. Таким образом, подходим к выводу – интерпретация эмблемы не всегда соответствует реальному положению вещей.

В нашем исследовании мы противопоставляем поведенческим коммуникативным ошибкам структурно-языковые, нарушающим языковую систему.

Структурно-языковые ошибки находят свое выражение в слове нормативной языковой конструкции, например, структурно-языковыми нарушениями являются следующие: «жажда к жизни» - употребление лишнего предлога, «Цветы, растущие в бабушкином саду, они очень сильно разрослись в этом году» - местоименное дублирование подлежащего, «весь вечер прождала на окне» - неверный выбор морфологической формы обстоятельства, неправильное согласование в роде, числе или падеже: «чей туфля?», «семь солдатов», «какой Новый год без мандарин». Подобные нарушения могут быть эмблематическими, если это ситуативно и личностно обусловлено, в противном случае они могут являться оговорками.

Девиации подобного рода могут диагностировать владение другой языковой системой, психические отклонения или низкий уровень образованности. Во втором случае также должна быть нарушена общая смысловая картина высказывания, а в третьем - присутствовать высокая частотность девиаций. Помимо этого существует множество ситуаций, когда структурно-языковые ошибки не обязательно диагностируют серьезные отклонения или безграмотность говорящего: он может отвлечься, задуматься и допустить оговорку. Именно языковые аномалии этого рода указывают нам на важнейший аспект диагностики эмблематических коммуникативных ошибок – эмблема может быть корректно считана только в определенном контексте и условиях.

Известным идентификатором эмблем в художественной литературе был Шерлок Холмс – от этого персонажа, практиковавшего собственный дедуктивный метод, не скрывалась ни единая эмблема, позволяющая идентифицировать личность отправителя. Рассмотрим пример из произведения Артура Конан Дойла «A scandal in Bohemia».

«The note was undated, and without either signature or address.

«There will call upon you to-night, at a quarter to eight o'clock,» it said, «a gentleman who desires to consult you upon a matter of the very deepest moment. Your recent services to one of the royal houses of Europe have shown that you are one who may safely be trusted with matters which are of an importance which can hardly be exaggerated. This account of you we have from all quarters received. Be in your chamber then at that hour, and do not take it amiss if your visitor wear a mask.»

«This is indeed a mystery,» I remarked. «What do you imagine that it means?»

«I have no data yet. It is a capital mistake to theorise before one has data. Insensibly one begins to twist facts to suit theories, instead of theories to suit facts. But the note itself. What do you deduce from it?»

I carefully examined the writing, and the paper upon which it was written.

«The man who wrote it was presumably well to do», I remarked, endeavouring to imitate my companion's processes. «Such paper could not be bought under half a crown a packet. It is peculiarly strong and stiff».

«Peculiar – that is the very word,» said Holmes. «It is not an English paper at all. Hold it up to the light.»

I did so, and saw a large «E» with a small «g,» a «P,» and a large «G» with a small «t» woven into the texture of the paper.

«What do you make of that?» asked Holmes.

«The name of the maker, no doubt; or his monogram, rather.»

«Not at all. The «G» with the small «t» stands for «Gesellschaft» which is the German for «Company.» It is a customary contraction like our «Co.» «P,» of course, stands for «Papier.» Now for the «Eg.» Let us glance at our Continental Gazetteer.» He took down a heavy brown volume from his shelves. «Eglow, Eglonitz – here we are, Egria. It is in a German-speaking country – in Bohemia, not far from Carlsbad. «Remarkable as being the scene of the death of Wallenstein, and for its numerous glass-factories and paper-mills.» Ha, ha, my boy, what do you make of that?» His eyes sparkled, and he sent up a great blue triumphant cloud from his cigarette.

«The paper was made in Bohemia,» I said.

«Precisely. And the man who wrote the note is a German. Do you note the peculiar construction of the sentence – «This account of you we have from all quarters received.» A Frenchman or Russian could not have written that. It is the German who is so uncourteous to his verbs. It only remains, therefore, to discover what is wanted by this German who writes upon Bohemian paper and prefers wearing a mask to showing his face. And here he comes, if I am not mistaken, to resolve all our doubts» [Doyle, 2008, с. 25]

Приводим этот эпизод в переводе Н. С. Войтинской:

«Письмо было без даты, без подписи и без адреса.

«Сегодня вечером, без четверти восемь, – говорилось в записке, – к Вам придет джентльмен, который хочет получить у Вас консультацию по

очень важному делу. Услуги, оказанные Вами недавно одному из королевских семейств Европы, показали, что Вам можно доверять дела чрезвычайной важности. Такой отзыв о Вас мы со всех сторон получали. Будьте дома в этот час и не подумайте ничего плохого, если Ваш посетитель будет в маске».

– Это в самом деле таинственно, – заметил я. – Как вы думаете, что все это значит?

– У меня пока нет никаких данных. Теоретизировать, не имея данных, опасно. Незаметно для себя человек начинает подтасовывать факты, чтобы подогнать их к своей теории, вместо того чтобы обосновывать теорию фактами. Но сама записка! Какие вы можете сделать выводы из записки?

Я тщательно осмотрел письмо и бумагу, на которой оно было написано.

– Написавший это письмо, по-видимому, располагает средствами, – заметил я, пытаясь подражать приемам моего друга. – Такая бумага стоит не меньше полкроны за пачку. Очень уж она прочная и плотная.

– Диковинная – самое подходящее слово, — заметил Холмс. – И это не английская бумага. Посмотрите ее на свет.

Я так и сделал и увидел на бумаге водяные знаки: большое «E» и маленькое «g», затем «P» и большое «G» с маленьким «t».

– Какой вывод вы можете из этого сделать? — спросил Холмс.

– Это несомненно имя фабриканта или, скорее, его монограмма.

– Вот и ошиблись! Большое «G» с маленьким «t» – это сокращение «Gesellschaft», что по-немецки означает «компания». Это обычное сокращение, как наше «К©». «P», конечно, означает «Papier», бумага. Расшифруем теперь «E». Заглянем в иностранный географический справочник... – Он достал с полки тяжелый фолиант в коричневом переплете. – Eglow, Eglonitz... Вот мы и нашли: Egeria. Это местность, где говорят по-немецки, в Богемии, недалеко от Карлсбада. Место смерти

Валленштейна, славится многочисленными стекольными заводами и бумажными фабриками... Ха-ха, мой мальчик, какой вы из этого делаете вывод? – Глаза его сверкнули торжеством, и он выпустил из своей трубки большое синее облако.

– Бумага изготовлена в Богемии, – сказал я.

– Именно. А человек, написавший записку, немец. Вы замечаете странное построение фразы: «Такой отзыв о вас мы со всех сторон получали»? Француз или русский не мог бы так написать. Только немцы так бесцеремонно обращаются со своими глаголами. Следовательно, остается только узнать, что нужно этому немцу, который пишет на богемской бумаге и предпочитает носить маску, лишь бы не показывать своего лица... Вот и он сам, если я не ошибаюсь. Он разрешит все наши сомнения» [Дойл, 1999, с. 133]

Данный пример иллюстрирует идентификацию отправителя информации посредством считывания допущенного им отклонения от структурно-языковых норм в качестве эмблемы как представителя иной лингвокультуры, для которого используемый им язык (английский) является неродным. Шерлок Холмс обнаруживает немецкий порядок слов в полученной записке, которая написана по-английски, и определяет этническую принадлежность ее автора.

2.6. Диагностика эмблематических коммуникативных ошибок

Прежде чем обозначить какое-либо явление в качестве эмблематической коммуникативной ошибки, необходимо грамотно оценить это явление, исходя из трех критериев.

Первым мы выделяем **критерий ошибочности**.

Исходя из него, анализируемое явление может быть:

1. нормой (в таком случае оно соответствует общепринятым стандартам),

2. отклонением (оно нарушает общепринятый стандарт),
3. промежуточным случаем (или частным случаем нормы, актуальным только в условиях данного коммуникативного акта).

Дальнейшее рассмотрение явления целесообразно только в случае признания его отклонением.

Следующим выделяется нами **критерий намеренности**.

Согласно ему, рассматриваем явление и диагностируем его в качестве

1. ошибки (случайности),
2. тактического хода (намеренного действия).

Дальнейшее рассмотрение явления целесообразно только в случае признания его ошибкой.

И, наконец, анализируем явление с позиции **критерия эмблематичности**. Исходя из него, оно может

1. давать основания для выводов о его совершившем,
2. не сообщать ничего об отправителе информации.

Второй случай не входит в сферу нашего научного интереса.

Таким образом, устанавливаем: эмблематической коммуникативной ошибкой может быть только случайное отклонение, позволяющее сделать определенные выводы о человеке, его совершившем.

Выводы

Исходя из критерия системности, мы выделяем системные и нормативные эмблематические коммуникативные ошибки. Системные ошибки рассматриваются нами как выбор ненормативного варианта из ряда предлагаемых языковой системой, а также отклонения, нарушающие смысловые связи процесса коммуникации; нормативные – как нарушение образцового, общепризнанного употребления элементов языка (слов, словосочетаний, предложений), а также нарушение правил использования речевых средств в определенный период развития языка.

Причинами возникновения и последствиями в контексте коммуникативного акта серьезней и весомей целесообразно считать системные ошибки. Отклонения такого типа в подавляющем большинстве случаев эмблематичны, исключение составляют лишь единичные оговорки. Индивид, систематически совершающий подобные девиации, может быть идентифицирован как: 1) человек, не владеющий данной языковой системой вследствие принадлежности к иной лингвокультуре; 2) человек, характеризующийся наличием отклонений в психике (подобные девиации среди прочих симптомов могут свидетельствовать о следующих заболеваниях: церебральный паралич, олигофрения, гидроцефалия, задержка психического развития, минимальная мозговая дисфункция, осложнения, вызванные нарушением мозгового функционирования).

Нормативные эмблематические коммуникативные ошибки являются более частотными, нежели системные, так как их появление допускают и психически здоровые люди, и носители языка, являющегося родным для общества, в котором находится индивид. Подобные отклонения сигнализируют о принадлежности индивида к другому социальному кругу.

Основываясь на критерии коммуникативной релевантности, мы разделим релевантные и нерелевантные ошибки. Коммуникативная релевантность рассматривается нами в качестве соответствия получаемого результата коммуникации желаемому (достижение коммуникативной цели). Нерелевантными ошибками мы обозначаем те, что не влияют в целом на исход коммуникации. В данном аспекте мы сталкиваемся непосредственно со сферой межличностных взаимоотношений (как культурных, так и общечеловеческих), а также с коммуникативной ситуацией, обуславливающей процесс общения. Такие нарушения, как оговорки, опiski, опечатки, ослышки, неточности зачастую не влияют на исход разговора, и даже могут положительно воздействовать на него, принеся юмористическую окраску коммуникации. Рассматривая эмблематический аспект этого вопроса, можно отметить, что чаще всего подобные нарушения

списываются на усталость, задумчивость, рассеянность и не оскорбляют реципиента.

Релевантные ошибки не только вызывают затруднения в процессе общения, но могут сделать коммуникативную цель недостижимой. К подобным нарушениям можно отнести резкое снижение регистра общения, использование нецензурной, бранной лексики или жаргонизмов. Эмблематика релевантных ошибок всегда обусловлена ситуативно.

Принимая за основу критерий участника общения, мы разделяем ошибки адресантные и адресатные. Адресантные ошибки совершаются отправителем речи (информации). Подобные нарушения многообразны, а также могут приводить к самым непрогнозируемым последствиям - как отрицательным (непонимание, неприязнь, агрессия), так и положительным (комический эффект, «разрядка» обстановки и т.д.). Эмблематичность в данном случае обусловлена ситуативно: Зачастую осведомленность реципиента является ключевым фактором глубины раскрытия эмблематического потенциала коммуникативного нарушения. В большинстве случаев адресантные ошибки совершаются при переходе на непривычную языковую систему.

Адресатные ошибки совершаются реципиентом, и, поскольку в данном случае коммуникативная ошибка рассматривается с позиции слушающего, наиболее важным представляется нарушение интерпретации сообщения. Невзирая на то, что чаще всего адресатные ошибки вызваны незначительными причинами (такими, например, как невнимательность), приводить они могут к весьма существенным неприятным последствиям.

Принимая за основу критерий культурной пресуппозиции, мы разделяем ошибки поведенческие и структурно-языковые. Поведенческие ошибки являются девиациями, не связанными исключительно с языковым выражением. В подобном случае мы сталкиваемся с вопросами поведения, самопозиционирования, языком тела, хаптикой (языком прикосновений) и так далее. В качестве поведенческой ошибки может рассматриваться и

отдельно взятый жест, поступок или даже формулировка своего высказывания, нечеткое обозначение мыслей и идей. Нарушение подобного рода моментально считываются представителями местной культуры, а совершившие их идентифицируются в качестве чужаков. Говоря о поведенческих ошибках, эмблематическими будут являться нарушения формульных моделей поведения, в том числе свода правил, регулирующего наш образ действия в соответствии с социальными требованиями – этикета. Поведенческие ошибки, хотя и в большинстве своем негативным образом отражаются на имидже и восприятии их совершившего, диагностируя либо его отрешенность, либо бескультурье или неуважение к собеседнику, все же иногда могут создавать неожиданно положительный эффект в процессе коммуникации – например, комический.

Поведенческим коммуникативным ошибкам противопоставляются структурно-языковые, нарушающие языковую систему. Структурно-языковые ошибки находят свое выражение в сломе нормативной языковой конструкции. Девиации подобного рода могут диагностировать владение другой языковой системой, психические отклонения или низкий уровень образованности. Во втором случае также должна быть нарушена общая смысловая картина высказывания, а в третьем - присутствовать высокая частотность девиаций. Помимо этого существует множество ситуаций, когда структурно-языковые ошибки не обязательно диагностируют серьезные отклонения или безграмотность говорящего: он может отвлечься, задуматься и допустить оговорку. Именно языковые аномалии этого рода указывают нам на важнейший аспект диагностики эмблематических коммуникативных ошибок – эмблема может быть корректно считана только в определенном контексте и условиях.

Прежде, чем обозначить какое-либо явление в качестве эмблематической коммуникативной ошибки, необходимо грамотно оценить это явление, исходя из трех критериев: 1) критерия ошибочности, 2) критерия намеренности, 3) критерия эмблематичности.

Исходя из критерия ошибочности, анализируемое явление может быть: 1) нормой (в таком случае оно соответствует общепринятым стандартам), 2) отклонением (оно нарушает общепринятый стандарт), 3) промежуточным случаем (или частным случаем нормы, актуальным только в условиях данного коммуникативного акта).

Согласно критерию намеренности рассматриваем явление и диагностируем его в качестве 1) ошибки (случайности), 2) тактического хода (намеренного действия). С позиции критерия эмблематичности явление может 1) давать основания для выводов о его совершившем, 2) не сообщать ничего об отправителе информации.

Заключение

Человеческое общение наполнено коммуникативными ошибками, затрудняющими понимание друг друга собеседниками. Подобные нарушения совершаются как отправителем, так и получателем речи. Данные единицы могут нести под собой дополнительную информацию, считываясь участниками диалога в качестве эмблемы, важнейшей функцией которой является идентификация.

В данной работе была проанализирована эмблематическая сторона общения. Эмблематическая интерпретация представляет собой способ упрощения содержания высказывания, а также его информационного дублирования. В зависимости от ситуации протекания коммуникативного акта, эмблематичность может быть ориентационной, статусной или парольной. В описанных нами ситуациях ориентационная эмблематика заключается в оценке по степени соответствия ожидаемому положению дел, в то время как статусная указывает на социальное положение индивида. Отмечено, что эмблема в рамках статусной эмблематичности может быть выбрана сознательно или бессознательно для создания определенного имиджа. Парольная эмблематичность позволяет идентифицировать собеседника в качестве «своего» и «чужого» и, как результат, выстраивать определенную тактику поведения в процессе коммуникации.

Эмблематической коммуникативной ошибкой предлагается считать произвольное коммуникативно-значимое нарушение, ухудшающее восприятие и понимание речи или отдельного высказывания, позволяющее сделать некоторые выводы о его совершившем при условии определенной подготовленности второго участника общения. Проанализировав ряд ситуаций, удалось выделить факторы, влияющие на исход коммуникации при возникновении подобных нарушений. Ими являются условия протекания коммуникативного акта, настроение коммуникантов при вступлении в диалог, субординация коммуникантов, плотность ошибок, изначальная

общность социального происхождения коммуникантов, межличностные отношения коммуникантов.

В работе разграничены эмблемы реальные, сообщающие о владельце актуальную достоверную информацию, вне зависимости от того, намеренно он ее создает или нет, и фиктивные, сознательно моделируемые индивидом с целью передачи информации, несоответствующей реальности. В ходе исследования были определены параметры диагностики реальности демонстрируемых эмблем: однородность речевой и поведенческой картины, непрерывность речевого темпа, адекватность использования девиантных единиц, сохранение стиля поведения при смене коммуникативных условий.

Было установлено, что грамотное считывание и интерпретирование эмблематических коммуникативных ошибок позволяет определить происхождение собеседника, его принадлежность к определенной культуре, образованность, возраст, состояние здоровья.

На основе анализа материала исследования, в качестве которого выступили коммуникативные ошибки в русском и английском языках, удалось построить типологию эмблематических коммуникативных ошибок, состоящую из следующих дихотомических типов: системные (могут указывать на принадлежность к иной лингвокультуре либо на наличие отклонений в психике и следующих заболеваниях: церебральный паралич, олигофрения, гидроцефалия, задержка психического развития, минимальная мозговая дисфункция, осложнения, вызванные нарушением мозгового функционирования) и нормативные (сигнализируют о принадлежности индивида к другому социальному кругу), релевантные (эмблематика всегда обусловлена ситуативно) и нерелевантные (списываются на усталость, задумчивость, рассеянность, легкое недомогание), адресантные (в большинстве случаев совершаются при переходе на непривычную языковую систему) и адресатные (чаще всего вызваны незначительными причинами: невнимательностью или усталостью), поведенческие (обусловлены ситуативно) и структурно-языковые (могут указывать на владение другой

языковой системой, психические отклонения или низкий уровень образованности) эмблематические коммуникативные ошибки.

Для выявления и описания эмблематических коммуникативных ошибок был разработан механизм их диагностики. Выделены три критерия: критерий ошибочности (исходя из него, анализируемое явление может быть либо нормой, либо отклонением, либо промежуточным случаем), намеренности (явление диагностируется в качестве либо ошибки, либо тактического хода) и эмблематичности (явление может либо давать основания для выводов о его совершившем, либо не сообщать ничего об отправителе информации). Таким образом, установлено, что эмблематической коммуникативной ошибкой может быть только случайное отклонение, позволяющее сделать определенные выводы о человеке, его совершившем.

Способность интерпретировать эмблематические коммуникативные ошибки представляется важной компетенцией, поскольку позволяет выстраивать свою собственную стратегию поведения, выбирать необходимые тактики в общении, а также раскрывать новые значимые аспекты личности собеседника.

Перспективы исследования мы видим в выявлении динамики разных типов эмблематических коммуникативных ошибок и характеристике их дискурсивных особенностей.

Библиография

1. Абрамов С.Н. Герменевтика, интерпретация, текст // *Studia Linguistica* 2. – СПб., 1996. – С. 114-119
2. Аверинцев С.С. Заметки к будущей классификации типов символа. – М.: Наука, 1985. – 400 с.
3. Аверинцев С.С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // *Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения*. – М.: Наука, 1986. – С. 104–116.
4. Аврорин В.А. Двужычие и школа // *Проблемы двуязычия и многоязычия*. – М.: Наука, 1972. – С. 49–62.
5. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. – Л.: Наука, 1975. – 276 с.
6. Аданакова В.И. Паралингвизмы и импликации в художественном тексте // *Текстообразующие потенции языковых единиц и категорий: межвуз. сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ин-та, 1990. – С. 3–9.*
7. Азнаурова Э.С. Прагматика художественного слова. – Ташкент: Фан, 1988. – 121 с.
8. Алексеев А.Н., Дудченко В.С. Контент-анализ как специфический способ прочтения текстов // *Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации)*. – М.: Наука, 1976. – С. 142–152.
9. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. – М.: Флинта, 2010. – 224 с.
10. Алешина О. Н. Речевая ошибка – свидетельство хаоса или порядка в языке? // *Теория и история культуры в вузовском образовании: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.А. Хохлова, А.М. Фурсенко, Е.Б. Шерешевской. Новосибирск: НГУ, 2003. - С. 50–55.*
11. Аликаев Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики. Нальчик: Эль-Фа, 1999. - 318 с.

12.Алимов В.В. Явление лингвистической интерференции при изучении специального перевода: На примере русского, английского и французского языков в военном, техническом и юридическом переводе: дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. – 196 с.

13.Андросов А.В. Защищенность текста // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: тез. докл. науч. конф. – Волгоград: Перемена, 1997. – С. 9–10.

14.Андрющенко Т.Я. Структура текста как инструмент в исследовании смыслового восприятия речевого сообщения // Общение. Текст. Высказывание. – М.: Наука, 1989. – С. 122–129.

15.Анри П. Относительные конструкции как связующие элементы дискурса // Квадратура смысла. – М.: Прогресс, 1999. – С. 153–183.

16.Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. – С. 23–31.

17.Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4. – С. 83–89.

18.Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – Л.: Просвещение, 1980. – 300 с.

19. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. - М.: Изд-во лит. на ин. яз., 1959. – 352 с.

20.Арсеньева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц: на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человеке в английском и русском языках. - М., 1989. – 317 с.

21.Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

22.Атаманских Е.А., Любутин К.Н., Перцев А.В. Герменевтика, плюрализм и неофрейдизм // Герменевтика: История и современность. – М.: Мысль, 1985. – С. 179–203.

23. Ахунзянов Э.М. Двухязычие и лексико-семантическая интерференция. - Казань: Казанский ун-т, 1978. – 155 с.
24. Баранникова Л. И. Сущность интерференции и специфика ее проявления // Проблемы двухязычия и многоязычия. - М.: Наука, 1972. - С.88–98.
25. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс – Универс, 1994. – 615 с.
26. Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. – 304 с.
27. Бацевич Ф. С. Теоретические аспекты коммуникативной девиатологии (на материале русского языка) // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы. - М.: Изд-во МГУ, 2001. – С.21-29.
28. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы: монография. - Волгоград: Перемена, 2009. - 266 с.
29. Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 124 с.
30. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). – М.: Тривола. – 2000. – 248с.
31. Белянин В.П. Введение в психолингвистику. – М.: ЧеРо, 2001. – 128 с.
32. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. – М.: Высш. шк., 1986. – 160 с.
33. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии. – Волгоград: Перемена, 2007. – 374 с.
34. Богин Г.И. Типология понимания текста. – Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1986. – 160 с.
35. Богин Г.И. Речевой жанр как средство индивидуализации текста // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 12–23.
36. Бойко Б.Л. Формы существования языка и текст // Методы сопоставительного изучения языков. – М.: Наука, 1988. – С. 71–75.

37.Бондаренко Г.В., Крючкова Т.В. Социоллингвистика и исследование текста // Теоретические проблемы социальной лингвистики. – М.: Наука, 1981. – С. 275–289.

38.Борботько В.Г. Внутренняя организация текста в плане восприятия // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М.: Наука, 1976. – С. 83–87.

39.Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса. – Сочи, 1999. – 92 с.

40.Брудный А.А. Подтекст и элементы внетекстовых знаковых структур // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М.: Наука, 1976. – С. 152–158.

41.Брудный А.А. Психологическая герменевтика: учеб. пособие. – М.: Лабиринт, 1998. – 336 с.

42.Будагов Р. А. Ложные друзья переводчика // Человек и его язык. М., 1974. - С. 141–146.

43.Бурденюк Г. М., Григоревский В. М. Языковая интерференция и методы ее выявления. – Кишинев: Штиинца, 1978. – 127 с.

44.Бутакова Л.О. Опыт классификации ошибок, свойственной письменной речи // Вестник Омского университета. 1998. №2. – С. 72-75.

45.Бухбиндер В.А. О предмете текстуальной лингвистики // Проблемы текстуальной лингвистики. – Киев: Вища школа, 1983. – С. 6–19.

46.Вайнрайх У. Языковые контакты. – Киев: Вища школа, 1979. –263 с.

47.Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста: философские проблемы. – Киев: Наук. думка, 1988. – 237с.

48.Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Русское слово в сознании иностранца // Социально-лингвистические исследования. – М.: Наука, 1976. – С. 86–96.

49.Вишневская Г.М. Билингвизм и его аспекты // Просодические аспекты билингвизма: Межвуз. сб. науч. тр. – Иваново, 1992. – С. 3—14.

50.Вишневская Г.М. Лингвистические предпосылки возникновения русского акцента в английской интонации // Фонетическая интерференция: межвуз. сб. научн. трудов. – Иваново: РИО ИГУ, 1985. – С. 38 – 50.

51.Воронин Б. Ф. К проблеме типичности и устойчивости ошибок в речи // Психология и методика обучения второму языку. – М.: Из-во Моск. гос. ун-та, 1976. – С. 14–16.

52.Воронин, Б.Ф. Ошибки в устной речи иностранца как психолингвистическая проблема // Психология грамматики: сб. статей. – М., 1968. – С. 166-177.

53.Воронин, Б.Ф. Некоторые вопросы психологического анализа грамматических ошибок в устной речи иностранцев на русском языке: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1969. – 25 с.

54.Воронин, М.Т. Предупреждение и исправление стилистических ошибок в школе. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963. – 79 с.

55.Выготский Л.С. Психология искусства. – М.: Педагогика, 1997. – 416 с.

56.Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 99–112.

57.Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Рус. яз. 1990. – 240 с.

58.Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвистическая теория слова. М.: Русский язык, 1980. – 356 с.

59.Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высш. шк. 1971. – 240 с.

60.Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. 1954. №5. – С. 3-30.

61.Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1990. – 452 с.

62.Винокур Г.О. Собрание трудов: Введение в изучение филологических наук. – М.: Лабиринт, 2000. – 192 с.

63. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – 172 с.

64. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата. – Киев: Вища школа, 1993. – 199 с.

65. Галичкина, Е.Н. Специфика компьютерного этикета // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. / под ред. проф. В.И. Карасика. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 93–98.

66. Галичкина, Е.Н. Общение в среде Интернет как способ оптимизации межкультурного взаимопонимания // Развитие и взаимодействие национальных культур как фактор стабильности межэтнических отношений в полиэтническом регионе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Астрахань, 21–22 нояб. 2000 г. / под ред. А.П. Лунева, Г.Г. Глинина, В.В. Гурылевой. – Астрахань: Изд-во Астрах. гос. пед. ун-та, 2000. – С. 230–232.

67. Галичкина, Е.Н. Компьютерные термины и профессионализмы в английских компьютерных конференциях // Гуманитарные исследования. – 2002. – № 5. – С. 95–97.

68. Галичкина Е.Н. Нормы речевого этикета в межкультурной сетевой коммуникации // Межкультурная деловая коммуникация: проблемы и перспективы российско-молдавского сотрудничества в формировании коммуникативной компетенции кадров агробизнеса: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 65-летию образования Волгогр. гос. с.-х. акад. (Волгоград, 12–14 нояб. 2009 г.) / под ред. А.С. Овчинникова. – Волгоград: Нива, 2009. – С. 209–215.

69. Галичкина, Е.Н. Феномен компьютерной коммуникации: онтология и терминология // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Серия «Филология». – 2009. – № 1. – С. 113–121.

70. Галичкина, Е.Н. Лингвосемиотические параметры компьютерной коммуникации // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Серия «Филология». – 2010. – № 3. Т. 1. – С. 179–186.

71. Галичкина, Е.Н. Коммуникативное поведение «новичка» в сетевой компьютерной коммуникации // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Серия «Филология, искусствоведение». – 2011. – № 8 (223). – Вып. 51. – С. 41–47.

72. Галичкина, Е.Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство. – Волгоград: Парадигма, 2012. – 322 с.

73. Гальперин И.Р. О понятии «Текст» // Вопросы языкознания. 1974. №6. – С. 68–77.

74. Гальперин И.Р. Грамматические категории текста (опыт обобщения). – Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1977. т. 36. № 6. – С. 522–532.

75. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.

76. Гимпельсон Е.Г. Системные характеристики композиции речевого произведения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1998. – 22 с.

77. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Рольф, 1999. – 448 с.

78. Гохлернер М.М. Зависимость смыслового восприятия от синтаксической структуры высказывания // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М.: Наука, 1976. – С. 87–96.

79. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.

80. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. – 400 с.

81. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. – 448 с.

82. Даниленко В.П. Введение в языкознание: курс лекций – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.

83. Данилова Н.К. «Знаки субъекта» в дискурсе. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. – 228 с.

84. Дебрэнн, М. Теоретические и прикладные аспекты межъязыковой девиатологии : дис. ... д-ра филол. наук. – Новосибирск, 2006. – 375 с.

85. Дейк Т. А. ван. К определению дискурса. [Электронная версия] www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.htm

86. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и её жанры. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 248 с.

87. Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 171 с.

88. Демьянков В.З. Ошибки продуцирования и понимания (интерпретирующий подход) // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование. – М.: Изд-во Ин-та языкознания АН СССР, 1989. – С. 22–34.

89. Демьянков В.З. Понимание // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С. 124–126.

90. Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии // Язык и культура: факты и ценности. К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 309–323.

91. Дмитриева О.А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов (на материале французского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1997. – 189 с.

92. Доблаев Л.П. Анализ и понимание текста: Методич. пособие. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 70 с.

93. Долинин К.А. ИмPLICITное содержание высказывания // Вопросы языкознания. 1983. № 6. – С. 37–47.

94. Долинин К.А. Интерпретация текста: учеб. пособие для студентов. – М.: Просвещение, 1985. – 288 с.

95. Дридзе Т.М. Интерпретационные характеристики и классификация текстов (с учетом специфики интерпретационных сдвигов) // Смысловое

восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М.: Наука, 1976. – С. 34–46.

96. Ейгер Г.В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1989. – 50 с.

97. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. – М.: Флинта, Наука, 2000. – 248 с.

98. Есперсен О. Философия грамматики. – М: Иностранная литература, 1958. – 404 с.

99. Желтухина М.Р. Механизм воздействия: когнитивные структуры и когнитивные операции // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы междунар. симп. Волгоград, 22-24 мая 2003 г.: в 2 ч. – Волгоград: Перемена, 2003. – Ч. 1. – С. 114-123.

100. Желтухина М.Р. Политический и масс-медиаальный дискурс: воздействие - восприятие - интерпретация // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст./ под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. – М.: МАКС Пресс, 2003. – Вып. 23. – С. 38-51.

101. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиаального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.

102. Жура В.В. Устный медицинский дискурс: проблемы изучения: монография. – Волгоград: ООО «Дарко», 2007. – 155 с.

103. Жура, В. В. Эмоциогенность общения «врач-пациент» как коммуникативная проблема устного медицинского дискурса // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. - № 1. – С. 47-54.

104. Жура, В. В. Способы установления коммуникативного доминирования врачом во время медицинской консультации // Межрегиональные научные чтения, посвященные памяти профессора Р. К. Миньяр-Белоручева, г. Волгоград, 16 января 2006 г. / сост. Л. А. Милованова и др. – Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2006. – С. 39-44.

105. Залевская А.А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М.: Наука, 1985. С. 150-171
106. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. – 382 с.
107. Земская Е.А. К вопросу о системности неcodифицированных сфер речи. Речевой портрет ребенка 2-6 лет // Harvard Studies in Slavic Linguistics. Vol. II. Ed. by O. Yokoyama. - Harvard University, 1993 - P. 122-145.
108. Земская Е.А. Об угасании письменной формы русского языка в среде эмиграции // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования. – М., 1999. - С. 599-610.
109. Земская Е.А. Язык русского зарубежья: два полюса // Язык. Культура. Гуманитарное знание. К столетию Г.О. Винокура / Ред. С. И. Гиндин, Н. Н. Розанова. – М., 1999. С. 236-257.
110. Земская Е.А. Проблемы нормы и речевого поведения // Культурно-речевая ситуация в современной России / Отв. ред. Н.А. Купина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 378 с.
111. Земская Е. А. Умирает ли язык русского зарубежья? // Вопросы языкознания. 2001. № 1. - С.14-30.
112. Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. – М.: Моск. психолого-социальный ин-т, Воронеж: МОДЭК, 2001. – 432 с.
113. Ильинова Е.Ю. Актуальные проблемы семиотики смысла художественного текста // Научная мысль Кавказа. Научный и общественно-теоретический журнал. Северо-Кавказский научный центр высшей школы. — №14 (98). — 2006. — С. 300-309.
114. Ильинова Е.Ю. О нормах стратегической компетенции // Вестник ВолГУ. Серия 2. Филология. Выпуск 5. 2000. — С.22-26.
115. Ильинова Е.Ю. Концептуализация смысла дискурса в когнитивной лингвистике // Человек в современных философских концепциях : материалы Третьей Международной научной конференции, г.

Волгоград, 14-17 сентября 2004 г. В 2-х т. Т. 2. — Волгоград : Принт, 2004. — С. 32-37.

116. Ильинова Е.Ю. Лингвокогнитивный подход к интерпретации жанрового пространства текста // *Nomo Loquens* (Вопросы лингвистики и транслятологии) : сб. ст. — Вып. 3 / ВолГУ. — Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2006. — С. 28-38.

117. Исаева Л.А. Несобственно лингвистические средства представления подтекста художественного произведения // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр.* — Волгоград: Перемена, 2000. — С. 140–150.

118. Каменская О.Л. Текст и коммуникация. — М.: Высш. шк., 1990. — 151 с.

119. Карасик В.И. Язык социального статуса. — М.: Ин-т языкознания РАН, 1992. — 330 с.

120. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // *Языковая личность: Культурные концепты.* — Волгоград — Архангельск: Перемена, 1996. — С. 3–16.

121. Карасик В.И. О категориях дискурса // *Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты.* — Волгоград: Перемена, 1998. — С.185–196.

122. Карасик В.И. О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр.* Волгоград: Перемена, 2000. — С. 5–20.

123. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002б. — 477 с.

124. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. — 351 с.

125. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. — 262с.

126. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации: учебное пособие. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.

127. Клименко А.П., Симхович В.А. Лексико-тематическая группа в структуре связного текста // Коммуникативные аспекты значения. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. пед. ин-та, 1990. – С. 90–99.

128. Колодина Н.И. Проблемы понимания и интерпретации художественного текста. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2001. – 184 с.

129. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. – М.: Наука, 1984. – 175 с.

130. Комиссаров В.Н. Теория перевода. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

131. Королева М.А. Психолингвистический анализ речевых автоматизмов (на материале речевых ошибок): автореф. дис. ... канд. филол. наук – М.: Моск. ин-т ин. яз., 1989. – 26 с.

132. Кочетова, Л.А. Проблемы интерпретации рекламного текста / Л.А. Кочетова // Единство системного и функционального анализа языковых единиц : материалы региональной научной конференции, 8 – 9 октября 2003 г. – Вып. 7 : в 2 ч. – Ч. 2. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2003. – С. 180 – 184.

133. Кочетова Л.А. Лингвосемиотические характеристики товарных знаков в динамическом аспекте // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Вып. 45. – № 21. – 2010. – С.43 – 48.

134. Кочетова Л.А. Алгоритм лингвистического анализа рекламного текста // Основы лингвистического мониторинга медиапространства региона : учебное пособие по спецкурсу для студентов-филологов / В.А. Брылева, О.С. Волкова, С.В. Ионова, Е.Ю. Ильинова, Л.А. Кочетова, О.П. Сафонова. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2011. – С. 86 – 113.

135. Кочетова Л.А. Семиотика интертекстуальности рекламного дискурса : динамический аспект // Дискурс, культура, ментальность : коллект. монография / отв. ред. М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил :

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2011. – 526 с. (Серия «Язык и дискурс». Выпуск 3). – С. 450 – 461.

136. Кочетова Л.А. Английский рекламный дискурс в динамическом аспекте: монография. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2013. – 404 с.

137. Красиков Ю.В. Алгоритмы порождения речи. – Орджоникидзе: Ир, 1990. – 240 с.

138. Красиков Ю. В. Теория речевых ошибок (на материале ошибок наборщика). – М.: Наука, 1980. – 124 с.

139. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.

140. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.

141. Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. – М., 1976. – С. 42-52.

142. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – 192 с.

143. Куркина Л.Я. Герменевтика и «теория интерпретации» художественного произведения // Герменевтика: история и современность. – М.: Мысль, 1985. – С. 245–269.

144. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 214 с.

145. Кэтфорд Дж. К. Обучение английскому языку как иностранному // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. Вып. 25: Контрастивная лингвистика. – С. 366–409.

146. Ларина Т.В. Английский стиль фатической коммуникации // Жанры речи. Саратов, Колледж, 2005. Вып. 4. – С. 251-262.

147. Ларина Т.В. Доминантные черты английского вербального коммуникативного поведения // Филологические науки. – 2007. – № 3. – С. 71-81.

148. Ларина Т.В. Этностилистика в ее коммуникативном аспекте // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2007. – Т. 66. – № 3. – С. 3-17.

149. Ларина Т.В. Лингвокультурная коммуникативная интерференция // *Humaniora: Lingua Russica*. Тр. по русской и славянской филологии. Лингвистика IX. Взаимодействие языков и языковых единиц / Отв. ред. И.П. Кюльмоя. – Тарту, 2006. – С. 184-196.

150. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставительный анализ английских и русских лингвокультурных традиций: Монография. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 512 с.

151. Левицкий В.В., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семасиологии. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 193 с.

152. Леонтович О.А. Проблема внутренней формы в аспекте ономасиологии. // Ономасиологические аспекты семантики. – Волгоград: Перемена, 1993. - С. 33-42.

153. Леонтович О.А., Шейгал Е.И. Культурная грамотность и уровни языковой компетенции // Языковая личность и семантика: тезисы докладов научной конференции. – Волгоград: Перемена, 1994. – С.70-71.

154. Леонтович О.А. Проблема понимания в межкультурной коммуникации. // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 1996. С. 212 – 219.

155. Леонтович О.А. Критерии успешности межкультурного общения и пути его оптимизации. // Методы современной коммуникации: проблемы теории и социальной практики. Материалы 1-ой международной научной конференции 27 – 29 ноября 2002 г. – М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 2002. - С.178– 179.

156. Леонтович О.А. Русская языковая личность: особенности коммуникативного поведения. – Стилистика. № 2. Београд, 2003. С. 173-186.

157. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2005. – 341 с.

158. Леонтьев А.А. Признаки связанности и цельности текста // Смысловое восприятие речевого сообщения. – М.: Наука, 1976. – С. 46–47.

159. Леонтьев А.А. Восприятие текста в современной лингвистике и психологии // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – Киев: Вища школа, 1979. – С. 7–17.

160. Леонтьев А.А. Проблема уровней как психолингвистическая проблема // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М.: Наука, 1969. – С.263-266.

161. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Наука, 1969. – 308 с.

162. Леонтьев А.А. Речевые ошибки как проблема психологии // Третий всесоюзный съезд Общества психологов СССР. Том 1. – М.: 1968. – С. 299-300.

163. Леонтьев А.А. Языкознание и психология. – М.: Наука, 1966. – 80 с.

164. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Академия, 2003. – 230 с.

165. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и в речи. – М.: Высш. шк., 1984. – 119 с.

166. Лич Э. Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. – М.: Восточная литература, 2001. – 144 с.

167. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. – М.: Правда, 1990. – С. 393-599.

168. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.

169. Лосев А. Ф. Вещь и имя; Самое само. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. – 573 с.

170. Лосев А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей : [учеб. пособие]. – 2-е изд., стер. – М. : УРСС, 2004. – 293 с.

171. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.

172. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 447 с.

173. Лутовинова О.В. Коммуникативные стратегии виртуального дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. Т.Ю. Тамерьян. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2007. – Вып. IX. – С. 121–126.

174. Лутовинова О.В. «Албанский язык» как один из видов языковой игры в виртуальном дискурсе // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке: материалы междунар. науч.-практ. конф. – СПб.: ЛГУ им. Пушкина, 2008. – С. 87–94..

175. Лутовинова О.В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена: общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, экономика, право, история, социология, педагогика, психология). – 2008. – № 11 (71). – С. 58–65.

176. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 476 с.

177. Лутовинова, О.В. Виртуальная языковая личность как новый тип адресата и адресанта / О.В. Лутовинова // Личность – Язык – Культура: материалы Все-рос. науч.-практ. конф. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2010. – С. 10–20.

178. Лутовинова О.В. Коммуникативное пространство виртуальной языковой личности // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филол. науки. – 2012. – № 11 (75). – С. 56–59.

179. Макаров М.Л. Коммуникативная структура текста. – Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1990. – 54 с.

180. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.

181. Манаенко Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Язык. Текст. Дискурс: межвуз. сб. науч. тр. Вып.1. Ставрополь: Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 2003. С.26-40.

182. Марьянович А.Т. Эрратология: или как избежать наиболее неприятных ошибок при подготовке диссертации. – 4-е изд., испр. и доп. –М.: Вузовская книга, 2004. – 200 с.

183. Марьянович А.Т., Князькин И.В. Новая Эрратология, или Как получить ученую степень. – СПб.: Изд-во ДЕАН, 2005. – 352 с.

184. Масленникова А.А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 264 с.

185. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

186. Мельник Г. П. Психологические эффекты СМИ // Реклама: внушение и манипуляция. Медиа-ориентированный подход. – Самара: Бахрах-М, 2001. – С. 3-42.

187. Митягина В.А. Интернет-комментарий как новый коммуникативный феномен // Языковая и речевая коммуникация в семиотическом, функциональном и дискурсивном аспектах» / Материалы Международной научной конференции. Волгоград 29-31.10.2012 / отв. ред. Т.Н. Астафурова, О.В. Атьман, 2012. — С. 55-63.

188. Митягина В.А. Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты: монография / под общ. ред. В.А. Митягиной. 2 изд. — М.:Изд-во Флинта: Наука, 2012. – 304 с.

189. Митягина В.А. Устный перевод: конвенциональные действия в профессиональном дискурсе // Язык-речь слово в филологических исследованиях: Международная научно-практическая конференция: посвященная 80-летию со дня рождения профессора Р.С. Зуевой. — Алматы : Изд-во Казак университеті, 2012. — С.252-254.

190. Москальская О.И. Текст как лингвистическое явление // Иностранные языки в школе. 1978. № 3. – С. 9–17.

191. Москвин В.П. Русская метафора: Семантическая, структурная, функциональная классификация. – Волгоград: Перемена, 1997. – 136 с.
192. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 172 с.
193. Мусницкая Е.В. Сто вопросов к себе и к ученику : Книга для учителя – М. : Дом педагогики, 1996. – 191 с.
194. Мыркин В.Я. Текст, подтекст и контекст // Вопросы языкознания. 1976. № 2. – С. 86–93.
195. Мышкина Н.Л. Динамико-системное исследование смысла текста. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. – 212 с.
196. Немзер У. Проблемы и перспективы контрастивной лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. Вып. 25: Контрастивная лингвистика. – С. 144–178.
197. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высш. шк., 1988. – 168 с.
198. Никитин М.В. Членение семиотического акта и задачи семиотической дефектологии // Проблемы обучения иностранным языкам. – Владимир, 1962, – Т. 1, ч.4, – С. 137-153.
199. Новиков А.И. Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. – М.: Наука, 1982. – С. 10–22.
200. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка [монография] / Департамент по языковой политике Генерального директора (DG IV) по образованию, культуре, наследию, молодежи и спорту Совета Европы, Страсбург; Перевод выполнен на кафедре стилистики английского языка МГЛУ под общ. ред. проф. К. М. Ирисхановой. – М.: Изд-во МГЛУ, 2003. – 256 с.
201. Олянич А.В. Роль массово-информационного дискурса в формировании лингвокультурной среды (масс-медиа как лингвополлюциогенный фактор) // Материалы Всероссийской научно-

методической конференции «Эколингвистика: теория, проблемы, методы». – Саратов, 2003г. С.230-245.

202. Олянич А.В. Драматургия ритуальной коммуникации (лингвосомиотический аспект) // Вестник Омского государственного университета. – Омск, 2004. № 1. С. 89-92.

203. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004. - 507 с.

204. Осипов Б. И. История русской орфографии и пунктуации. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. – 253 с.

205. Павилёнис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

206. Палашевская И. В. Вербальные особенности британского законодательства // Вестн. Сев.-Осет. гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова. Сер. «Общественные науки». – 2010. – № 2. – С. 191-196.

207. Палашевская И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: монография. – Волгоград: Парадигма, 2012. – 346 с.

208. Пименова М.В. Стереотипы и их место в языковой картине мира // Стереотипы лингвокультуры: кол. монография / отв. ред. М.В. Пименова. – Киев: Изд. дом Д. Бураго, 2013. – С.3-29. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 18).

209. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. Пер. с англ. – М.: Логос, 2000. – 448 с.

210. Плотникова С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск: ИГЛУ, 2000. 244 с.

211. Пойменова А.А. Психолингвистические механизмы лексических ошибок. // Семантика слова и текста: психолингвистические исследования. 3. – Тверь, 1998. – С. 84-89.

212. Пойменова А. А. Лексическая ошибка в свете стратегии преодоления коммуникативных затруднений при пользовании иностранным языком: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. – 16 с.

213. Потебня А.А. Полное собрание трудов: мысль и язык. – М: Лабиринт. – 1990. – 300 с.

214. Почепцов Г.Г. Прагматические особенности текста // Прагматическая интерпретация текста и планирование дискурса: Тез. совещания – семинара. – Пятигорск: Изд-во Пятигорск. пед. ин-та ин. языков, 1991. – С. 3–6.

215. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта: учебное пособие. – М: Флинта, 2011. – 174 с.

216. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: учебное пособие. – М: Флинта, 2011. – 223 с.

217. Прохорова С.В. Особенности русского ударения. Типичные акцентологические ошибки. // Всероссийский фестиваль педагогических идей «Открытый урок» [Электронный ресурс] <http://festival.1september.ru/articles/560596/>

218. Растье Ф. Интерпретирующая семантика. – Нижний Новгород: Деком, 2001. – 368 с.

219. Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты: лингвистическая проблематика. Л.: Наука, 1972. – 80 с.

220. Рузавин Г.И. Проблема понимания и герменевтика // Герменевтика: история и современность. – М.: Мысль, 1985. – С. 162–178.

221. Савицкий В.М. Порождение речи: дискурсивный подход: монография. – Самара: ПГСГА, 2013. – 226 с.

222. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.

223. Седов К. Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. Язык и человек. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1996. – Вып. 26. – С. 8–14.

224. Седов К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности. Психо- и социолингвистические аспекты. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 180 с.

225. Сложеникина Ю. В. Терминология коррекционной педагогики: лексико-семантический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2000. – 22 с.

226. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1999. – 174 с.

227. Слышкин Г. Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград, 2000. – С. 38-45.

228. Слышкин Г. Г. От текста к символу. Лингвистические концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

229. Смирнова М.Н. Коммуникативные неудачи в неофициальном диалоге: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 24 с.

230. Соколов М.Н. Мистерия соседства. К метаморфологии искусства Возрождения. – М., 1999. – 520 с.

231. Сологуб Ю.П. К проблеме пословиц и поговорок в языках различных типов // Филологические науки. – 1994. № 3. – С. 55–71.

232. Сорокин Ю.А., Уфимцева Н.В. Психолингвистика и семантика: Итоги исследований // Общение. Текст. Высказывание. – М.: Наука, 1989. – С. 103–112.

233. Сосновская В.Б. Интерпретация художественного текста как учебная дисциплина // Иностранные языки в высшей школе. – М.: Высш. шк., 1987. – Вып. 19. – С. 21–29.

234. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Изд. Уральского университета, 1999. – 432 с.

235. Степанов Ю.С. Язык и Метод: К современной философии языка. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 784 с.

236. Степанов Ю.С. Вводная статья. В мире семиотики // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. Екатеринбург, 2001. – С. 5-44.

237. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж, 1985. – 170 с.
238. Стернин И.А. Очерк американского коммуникативного поведения. – Воронеж, 2001. – 206 с.
239. Стернин И.А. Коммуникативные аспекты толерантности. – Воронеж, 2001. - 135 с.
240. Стернин И.А. Русское коммуникативное поведение. М., 2002. – 276 с.
241. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2006. – 226 с.
242. Тейлор Дж. Введение в теорию ошибок. – М.: Мир, 1985. – 272 с.
243. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 624 с.
244. Годоров Ц. Теории символа. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. – 408 с.
245. Федоров А.В. Индивидуальный стиль автора и случаи писательского двуязычия // Очерки общей и сопоставительной стилистики. – М.: Высш. шк., 1971. – С. 167–193.
246. Фоменко Ю.В. О классификации ошибок в письменных работах школьников // Методика преподавания русского языка : сб. науч. тр. – Новосибирск : НГПИ, 1971. – Вып. 72. – С. 3–19.
247. Фоменко Ю.В. Проблемы русского языка / отв. ред. Ю.В. Фоменко. – Новосибирск : НГПИ, 1973. – 58 с.
248. Фоменко Ю.В. О типологии ошибок // Русский язык в школе. – 1987. – № 2. – С. 50–55.
249. Фоменко Ю.В. О гипотезе номинативности и знаковости предложения // Синтаксические структуры в номинативном и деривационном аспектах : тез. докл. обл. науч. конф. «Проблемы деривации и номинации в русском языке». – Омск, 1988. – С. 10–12.

250. Фоменко Ю.В. Трудные и спорные вопросы синтаксиса современного русского языка : учебное пособие. – Новосибирск : НГПУ, 1997. – 108 с.
251. Фоменко Ю.В. Слова – сорняки в современной русской речи // (Искусство грамматики). – Новосибирск, 2004. – Вып. 1. – С. 530–534.
252. Фрей А. Грамматика ошибок. – М.: УРСС Эдиториал, 2006. – 304 с.
253. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 320 с.
254. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. – М., 1971. – Вып. 6: Языковые контакты. С. 61–80.
255. Харченко В.К. О языке, достойном человека: учеб. пособие – М.: Флинта: Наука, 2010. – 160 с.
256. Цейтлин С.Н. О некоторых особенностях имперфективации в детской речи // Известия Воронеж. пед. ин-та. Т.146. – 1975.– С. 132-137.
257. Цейтлин С.Н. Детские речевые ошибки в области глагольного формообразования // Русский язык в школе. – 1979. №1. - С. 30-32.
258. Цейтлин С.Н. Нарушение синтаксических норм в речи школьников: ненормативное управление // Русский язык в школе. – 1980. №1. - С. 55-58.
259. Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. – М.: Просвещение, 1982. - 128 с.
260. Цейтлин С.Н. Ошибки в письменной речи учащихся и способы их классификации // Русский язык в школе. – 1984. № 2. – С.40-46.
261. Цейтлин С.Н. Детские словообразовательные инновации: учебные задания. – Л., 1986. - 65 с.
262. Цейтлин С.Н. Речевые ошибки при освоении русского языка как родного и неродного (иностранного) // Гуманітарний вісник ДВНЗ «Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди»: Науково-теоретичний збірник. Вип. 15. Переяслав-

Хмельницький: Изд-во Переяслав-Хмельницького пед. ун-та, 2008. С. 152–155.

263. Чесноков И.И. Истоки и социотворческий потенциал виндиктивного дискурса // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. – Сер. «Филол. науки». – 2005. - № 3 (12). – С. 74 – 77.

264. Швейцер А.Д. О некоторых общих методах лингвистического анализа речевой деятельности билингвов и процесса перевода // Методы билингвистических исследований. М.: Академия наук СССР, Институт языкознания, 1976. - С. 33–42.

265. Шанский Н.М. Художественный текст под лингвистическим микроскопом. – М.: Просвещение, 1986. – 157 с.

266. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1987. – 192 с.

267. Шаховский В.И. Семная синтагматика эмотивного текста // Синтагматика слова, словосочетания и предложения. – Волгоград: Изд-во Волгогр. пед. ин-та, 1988. – С. 139–150

268. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

269. Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. – Изд.2 Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2013. – 128 с.

270. Шевнин А.Б. Эрратология и межъязыковая коммуникация // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 2. – С.36-44.

271. Шевченко И.С., Морозова Е.И. Дискурс как мыслекоммуникативное образование // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. 2003. № 586. С.33-38.

272. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград : Перемена, 2000. – 368 с.

273. Шейгал Е.И. Язык и власть // Языковая личность : проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. – Волгоград : Перемена, 1999. – С. 132-149.
274. Щерба Л.В. О нормах образцового русского произношения// Русский язык в школе. 1936. № 5. С. 105–107.
275. Щерба Л.В. Спорные вопросы русской грамматики // Русский язык в школе. 1939. – № 1. С. 10–21.
276. Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1945. № 4 (5). С. 173–186.
277. Щерба Л.В. К вопросу о двуязычии. // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 313-318.
278. Эрратология: теория переводческих несоответствий // Перевод и сопоставительная лингвистика. Ярославль: ЯГПУ, 2005.
279. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage – Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
280. Carthy M.C., Carter R. Language as Discourse. – New York: Longman, 1994. – 107 p.
281. Corder P. The significance of learners' errors // IRAL. 1967. № 5. P. 161–170.
282. Cromer R.F. The Cognition Hypothesis Revisited // The Development of Language and Language Researchers. – Hillsdale, New Jersey, Hove and London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1988. – P. 223–245.
283. George H.V. A model of error production // Second Language Learning. Contrastive Analysis, Error Analysis, and Related Aspects. – Univ. of Michigan, 1991.
284. Hatch E. Discourse and Language Education. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 333 p.
285. Karasik V.I. Text Linguistics and Discourse Analysis. – Arkhangelsk – Volgograd, 1994. – 34 p.

286. Nickel G. Aspects of error evaluation and grading // Errata. Papers in error analysis. Lund: Gleerup, 1973. P. 16-24.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

1. Аверинцев С.С. Символ // Философский энциклопедич. словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983;
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов –2-е изд., стер. – М : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
3. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
4. Большой энциклопедический словарь, 2-е изд., перераб. и доп. – М., «Большая Российская энциклопедия» и «Норинт», 1997. – 1456 с.
5. Даль, В.И. Пословицы и поговорки русского народа – М.: Эксмо, 2007. – 640 с.
6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Дрова. Русский язык, 2000. – 1233 с.
7. Зелепукин Н.П. Словарь шахматной композиции. – Киев: Здоровья, 1982 г. – 208 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1990. – 685 с.
9. Королев К.М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М.: Мидгард, 2005. – 600 с.
10. Купер Дж. Энциклопедия символов. – М.: Золотой век, 1995. – 399 с.
11. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. Пер. с фр. Н.Д. Андреева. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 435 с.
12. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. — М.: Изд-во ИКАР, 2009. – 448 с.

13. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. – М.: Международные отношения, 2001. – 560 с.
14. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС: Филол. фак. С.-Петербур. гос. ун-та, 2002. – 2112 с.
15. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: Изд-во "Пилигрим". Т.В. Жеребило, 2010. – 486с.
16. Социологический словарь. Отв. ред.: Г.В.Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: Норма, 2008. – 608 с.
17. Шахматы : энциклопедический словарь / гл. ред. А. Е. Карпов. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 624 с.
18. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
19. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.
20. Collins, V.H. A Second Book of English Idioms, Lnd., 1970. Smith, W.G. The Oxford Dictionary of English Proverbs. Oxf., 1970.
21. Fowler H.W. A Dictionary of Modern English Usage. – Ware: Wordsworth Editions Ltd., 1994. – 742 p.
22. Godman A., Payne E.M.F. Longman Dictionary of Scientific Usage. – Moscow: Russky Yazyk Publishers, 1987. – 728 p.
23. Oxford Dictionary of Modern Slang /Second Edition by John Ayto and John Simpson. – Oxford University press, 2010. – 432 p.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Анекдот о паспорте. [Электронная версия]
www.vysokovskiy.ru/story/pasporte/
2. Большая Медицинская Энциклопедия. – М.: Госмедиздат, 1964.
Приложение: запись речи душевнобольных (виниловые пластинки).

3. Гарднер М. Путешествие во времени. – М.: Мир, 1990. – 341 с.
4. Дойл А.К. Сочинения. – М.: Книжная палата, 1999. – 1183 с.
5. Дроздов А. А., Дроздова М. В. Полный справочник психотерапевта М.: Эксмо, 2007. – 704 с.
6. Из морга. 2011 [Электронная версия] <http://prikol.bigmir.net/view/181431/>
7. [Интервью З. Кекелидзе программе «Угол зрения» \(группа «Эксперт»\)](#) // «Эксперт Online», 16.03.2010 г.
8. Йожиный диалект. Луркоморье, 2012. [Электронная версия] http://lurkmore.to/Йожиный_диалект
9. [Корецкий](#) Д.А. Татуированная кожа. М.: [Эксмо-Пресс](#), 2001. – 448 стр.
10. Коханов А. П. Лазоревая степь. – ИПК ФГОУ ВПО Волгоградская ГСХА «Нива». – Волгоград, 2009, – 480 с.
11. Краткий адаптированный вариант Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, 10-го пересмотра, принятой 43-ей Всемирной Ассамблеей Здравоохранения, 1999. [Электронная версия] <http://mkb-10.com/>
12. Куллэ В., Вглубь стихотворения. Иностранная литература. № 1. 2013. [Электронная версия] <http://magazines.russ.ru/inostran/2013/1/b10.html>
13. [Лимонов](#) Э. В. Священные монстры. – М.: [Ад Маргинем](#), 2003. – 320 с.
14. Мархасева Н. Ошибка. Лимерик. [Электронная версия] <http://www.stihi.ru/2011/04/09/1524>
15. Многопользовательские онлайн игры // Психология жизни. [Электронная версия] http://www.psylive.ru/articles/9231_mnogopolzovatelskie-onlain-igri.aspx
16. Ошибки, казусы и ляпсусы в оружейной литературе // Оружейный портал Guns.ru. [Электронная версия] <http://forum.guns.ru/forummessage/85/1248139.html>

17. Перстни выпускников //Фамильные драгоценности. [Электронная версия] <http://www.fdgold.ru/classrings/>
18. Правила сетевого этикета в социальных сетях, чатах и онлайн-играх [Электронная версия] <http://altapress.ru/story/96212>
19. Самые сложные слова в поисковых запросах. [Электронная версия] https://company.yandex.ru/researches/figures/2013/ya_difficult_words.xml
20. Самые смешные ошибки переводчиков дипломатов // Newsland. [Электронная версия] <http://newsland.com/news/detail/id/85685/>
21. Смит П.Ч. Бой неизбежен! – М.: АСТ, 2005. – 432 с.
22. Сообщества в онлайн играх [Электронная версия] <http://nedopusti.ru/articles/read/17/>
23. Томилин В.В. Физиология, патология и судебно-медицинская экспертиза письма. – М., 1963. – 235 с.
24. Тургенев И.С. Дворянское гнездо. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 224 с.
25. Тютчев Ф. И. Лирика. Письма. — Л.: Лениздат, 1985. – 304 с.
26. Abnormal Speech Patterns in Autism [Электронная версия] http://www.special-learning.com/article/abnormal_speech_patterns_in_autism
27. Airport mix-up. [Электронная версия] <http://www.thatsembarrassing.com/embarrassing-99-airport-mix-up.htm>
28. Candy shop: lyrics [Электронная версия] <http://www.azlyrics.com/lyrics/50cent/candyshop.html>
29. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, Text Revision published by the American Psychiatric Association in 2000. [Электронная версия] <http://dsm4tr.com/>
30. Doyle A. C. A scandal in Bohemia. – Pearson Education Limited, 2008. – 104 p.
31. Lonely: lyrics [Электронная версия] <http://www.azlyrics.com/lyrics/akon/lonely.html>

32. Reading the wrong signals. [Электронная версия]
<http://www.thatsembarrassing.com/embarrassing-1109-reading-the-wrong-signals.htm>
33. Schlosser E. [Anecdote of the Error](#). [Электронная версия]
<http://www.nines.org/news/?p=9720>
34. Stronger: lyrics. [Электронная версия] <http://www.azlyrics.com/lyrics/kanyewest/stronger.html>